

1329

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

229

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

ЗАКАСПІЙСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

1881—1885.

Довольно бурный періодъ политической переработки Закаспійскаго края, съ громкими, въ свое время, походами въ Хиву и на Ахаль, завершился въ первые два года царствованія императора Александра III мирнымъ присоединеніемъ къ Россіи Мерва, Іолатана, Саракса и пораженіемъ авганцевъ на Кушеѣ, что повело къ присоединенію и Пендинскаго района. Результатомъ этихъ приобрѣтеній, составившихъ въ сложности около 175 тысячъ квадратныхъ верстъ, было расширеніе нашихъ предѣловъ до границъ Авганістана и нанесеніе весьма чувствительнаго удара престижу Англіи въ Средней Азіи. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошли ровно двадцать лѣтъ, упомянутыя событія, — за исключеніемъ Кушкискаго боя, о которомъ было напечатано донесеніе генерала Комарова, — совершенно не освѣщены въ нашей литературѣ. Ихъ не коснулся въ печати ни одинъ изъ участниковъ, да и вообще обстоятельнаго ихъ изложенія не было вовсе. А двѣ-три мимолетныя газетныя замѣтки, „по наслышѣ“, способствовали только сгущенію тумана, который и безъ того царитъ въ обществѣ относительно названныхъ историческихъ фактовъ. Между тѣмъ, едва ли желательно грозящее имъ забвеніе, или, что еще хуже, неминуемое ихъ извращеніе послѣ того, какъ не станетъ лицъ, на долю которыхъ выпало непосредственное въ нихъ участіе.

Ко мнѣ поэтому неоднократно обращались съ просьбами разсказать въ печати, какъ сложились эти дѣла. Склоняясь на эти просьбы, я рѣшился посвятить имъ предлагаемое описаніе, главнымъ образомъ потому, что, слава Богу, еще живы почти всѣ лица, принимавшія то или другое участіе въ названныхъ событіяхъ, а слѣдовательно и могущія, какъ подтвердить мои разсказы, такъ и указать на невольныя въ нихъ погрѣшности, еслибы таковыя оказались.

Къ этому остается прибавить, что въ своемъ изложеніи я воздерживался отъ всего, что могло бы походить на украшеніе событій и что нерѣдко составляетъ слабость ихъ участниковъ. Въ данномъ случаѣ, въ этомъ и не представлялось надобности: событія были достаточно красивы сами по себѣ...

М. А.-А.

Май 1904 г.

Горь.

I.

Первые русскіе въ Мервѣ.

Причину появленія русскихъ въ Закаспійскомъ краѣ и столкновенія съ воинственными текинцами наше министерство иностранныхъ дѣлъ объясняетъ такимъ образомъ въ своемъ официальномъ изданіи ¹⁾:

„Необходимость обезпечить безопасность и благоустройство средне-азіатскихъ окраинъ Россіи и открыть для русской торговли новыя пути въ Среднюю Азію побуждала наше правительство заботиться объ упроченіи своего вліянія на востокъ отъ Каспійскаго моря. Первый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ концѣ 1869 года занятіемъ Красноводска, не замедлившимъ поставить насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ однимъ изъ наиболѣе многочисленныхъ туркменскихъ племенъ — текинскимъ, издавна славившимся своими дерзкими набѣгами на сосѣднія страны и, въ особенности, на сѣверо-восточныя области Персіи. Старанія наши положить конецъ хищничеству текинцевъ путемъ нравственнаго на нихъ воздѣйствія не привели къ желаемому результату, и столь же мало успѣха имѣли и наши частныя военныя рекогносцировки, на-

¹⁾ „Переговоры между Россіей и Великобританіей 1872—1885 гг.“.

правленныя въ ахаль-текинскій оазисъ. Способствуя увѣрженію въ текинцахъ убѣжденія въ ихъ непобѣдимости, полумѣры эти лишь усугубляли ихъ дерзость, и, для водворенія въ степяхъ порядка и безопасности, мы очутились, наконецъ, въ необходимости прибѣгнуть къ единственному, возможному по отношенію къ средне-азіатскимъ разбойничьимъ населеніямъ, средству—окончательному занятію страны ихъ. Цѣль эта была достигнута въ январѣ 1881 года взятіемъ Геокъ-Тепе“...

Въ крѣпости подъ этимъ названіемъ заперся весь ахаль-текинский народъ съ женами, дѣтьми и имуществомъ, и, защищая свою свободу, достоиніе и семью, бился съ вынужденнымъ героизмомъ безъисходнаго отчаянія, погибалъ тысячами...

Павшій оплотъ текинцевъ не пришлось занимать нашимъ войскамъ. Весь изрытый норами, въ которыхъ защитники и ихъ семейства укрывались отъ русскихъ снарядовъ, переполненный свѣжими могилами и массой неубранныхъ труповъ людей и животныхъ, валявшихся среди всякихъ отбросовъ, онъ представлялъ такую арену ужасающаго смрада и міазмовъ, что о какой бы то ни было дезинфекціи здѣсь не могло быть и рѣчи. Его пришлось бросить немедленно.

Войска наши, почти на плечахъ бѣгущихъ текинцевъ, продвинулись на востокъ еще верстъ на сорокъ-пять и расположились около аула Асхабадъ, среди садовъ, сулившихъ сравнительно лучшія гигиеническія условія. Сюда же стеклись, слѣдующіе за войсками подобно акуламъ, разные торговцы и искатели наживы. Тѣ и другіе принялись лихорадочно мастерить себѣ разныя укрѣпленія въ видѣ землянокъ и шалашей, и такимъ образомъ началъ возникать зародышъ административнаго центра Закаспійской области, русской Асхабадъ.

Время сглаживаетъ впечатлѣнія даже наиболѣе трудныхъ изъ походовъ, какимъ безспорно былъ, за послѣднія тридцать лѣтъ, хивинскій 1873 года. Но тотъ, кому пришлось жить въ Асхабадѣ въ первый годъ послѣ паденія Геокъ-Тепе, думаю, и въ гробъ съ собою унесетъ еще свѣжими подавляющія впечатлѣнія неприглядной обстановки, окружавшей тогда недавнихъ побѣдителей!.. Помню, какъ сейчасъ, подъ свинцовыми тучами поздней дождливой осени, на равнинѣ точно затопленной, среди невылазной грязи, едва выглядывали тамъ и сямъ изъ-за глинобитныхъ оградъ наскоро возведенныя сырцовыя сакли и верхушки грязныхъ палатокъ, по сторонамъ которыхъ дымились закопченныя и ободранныя кибитки наиболѣе счастливыхъ изъ отряда. Среди

всего этого какъ тѣни бродили, шлепая по грязи, наши военные всевозможныхъ ранговъ и положеній...

Таковъ былъ лагерь, въ центральной части котораго наемные турemenы и персы рыли глубокий ровъ только-что заложенаго укрѣпленія. Нѣсколько въ сторонѣ отъ него ютилась едва вознившая торговая часть Асхабада, представляя собою также невообразимый хаосъ укрытій всякаго рода, — кибитокъ, палатокъ, землянокъ и простыхъ навѣсовъ, между которыми особенно характерны были балаганы, сколоченные изъ подручнаго и единственно-обильнаго матеріала, — изъ ящиковъ съ черными клеймами чуть не на каждой доскѣ: „Штритеръ“, „Завода Смирнова“ или „Вдовы Попова“... Людѣ, сновавшей среди этого хаоса, былъ настолько разношерстъ, что едва ли и вавилонское столпотвореніе могло представить болѣе пеструю смѣсь „одежды и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Безъ преувеличенія, тутъ фигурировали, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ видѣ простыхъ торгашей или сомнительныхъ дѣльцовъ и авантюристовъ, темные представители всѣхъ восточныхъ и западныхъ народовъ отъ береговъ Сены и до Инда.

Но особенно удручающее впечатлѣніе между всѣми производили текинцы. Потерявъ подъ Геокъ-Тепе весь свой скотъ, всѣ свои запасы и имущество, выбѣжавъ отсюда чуть не съ голыми дѣтьми на рукахъ и поздно вернувшись къ своимъ ауламъ изъ Мерва, Теджена и песчаныхъ пустынь, въ которыхъ скрывались первые мѣсяцы послѣ погрома, текинцы эти не успѣли засѣять своихъ полей и, лишенные поэтому какихъ бы то ни было жизненныхъ запасовъ, голодали буквально всѣмъ народомъ... Едва прикрытые невозможными лохмотьями, они шатались по Асхабаду цѣлыми толпами и, не различая офицеровъ отъ солдатъ, молча протягивали свои исхудалыя руки къ тѣмъ и другимъ.

Баронъ Аминовъ, временно остававшійся тогда за командующаго войсками, дѣлалъ все возможное для того, чтобы помочь бѣдному народу, — дарилъ свое, собиралъ пожертвованія, выдавалъ что только было можно изъ казенныхъ складовъ на пищу и одежду, — но всего этого было все-таки недостаточно, и смерть начала жестоко опустошать текинскіе аулы, въ особенности когда вскорѣ къ голоду присоединилась зима, застывшая народъ почти безъ крова и топлива... Суровая, чисто-русская зима, со снѣжными вьюгами и трескучими морозами, наступившая уже въ концѣ ноября, была совершенною новостью въ этомъ краѣ. „Такую и старики наши не помнятъ. Ее, вѣроятно, принесли русскіе“, — говорили туземцы. Войска также встрѣтили эту не-

званную сѣверную гостью почти подъ открытымъ небомъ,—если не считать кровомъ ободранную палатку, полусгнигшую юломейку или недостроенный баракъ изъ сырой глины, безъ оконъ и дверей, —и она не замедлила, конечно, подлить горечи въ переполненную и безъ того чашу испытанія асхабадцевъ: пошли разныя болѣзни, и смерть начала покидать жертву за жертвой изъ гарнизона. Ежедневно, бывало, по нѣскольку разъ надрываютъ душу погребальныя звуки горниста, отрывавшаго печальное шествіе на кладбище съ двумя-тремя некрашенными гробами... Чтобы избавить себя отъ этой музыки, кто только могъ—рвался съ разсвѣтомъ изъ постылаго жилья, и дни большинства проходили подъ наѣсами маркитантовъ, гдѣ съ нихъ драли за все невѣроятныя цѣны.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ, отравившемъ наше существованіе въ тотъ злополучный годъ, — о „нашествіи полчищъ Тимучина“, какъ называли офицеры невѣроятное количество полевыхъ крысъ, появившихся въ Асхабадѣ и въ окрестныхъ аулахъ. Это былъ врагъ просто непобѣдимый. Ихъ убивали тысячами, заливали кипяткомъ или заставляли норы, а число ихъ только росло. Они превратили въ рѣшету всю мѣстность, десятками взбирались по ночамъ на спящихъ, а къ утру оказывались перегрызанными—сегодня чемоданы или сапоги, завтра—околыши, воротники, погоны или переплеты книгъ. У офицеровъ и солдатъ почти не оставалось ничего цѣлаго изъ этихъ предметовъ, и всѣ ходили со слѣдами работы крысъ...

Обстановка, словомъ, была ужасная. Какое впечатлѣніе она производила на самого Скобелева, видно изъ того, что передъ отъѣздомъ въ Россію, обозрѣвая въ послѣдній разъ съ асхабадскаго кургана зародышъ будущаго города, онъ, говорятъ, съ грустью произнесъ:

„О, сколько здѣсь людей сохнетъ,
И сколько съ толку ихъ собьется!..“ ¹⁾

Слова эти оказались пророчествомъ, по крайней мѣрѣ, относительно перваго года. Жизнь въ Асхабадѣ, да и вообще на всемъ Ахалѣ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо разумныхъ развлеченій, сложилась въ ту пору въ столь неприглядныя рамки,

¹⁾ По другимъ разсказамъ, Скобелевъ сказалъ:

„О, сколько здѣсь мужей сохнетъ,
И сколько женъ съ пути собьется!..“

представляла столько гнетущихъ невзгодъ и лишеній, что вырваться изъ этой обстановки сдѣлалось мечтою каждаго и, быть можетъ, мысль о пулѣ приходила не одному изъ тѣхъ, которые считали свое положеніе безысходнымъ. Я былъ въ нѣмъ положеніи, и о пулѣ не думалъ. Но, однако, жажда какой-либо разумной дѣятельности волновала меня настолько, что я радъ былъ бы промѣнять тоскливое фланированіе по грязному Асхабаду на самое даже рискованное предпріятіе. И случай подвернулся...

Въ концѣ января 1882 года торжественно хоронили въ Асхабадѣ молодого офицера гвардейской артиллеріи, Савельева, застрѣливагося незадолго передъ тѣмъ въ Кизиль-Арватѣ. На поминкахъ, бывшихъ послѣ этого у артиллеристовъ, меня отвелъ въ сторону баронъ Аминовъ.

— Я хочу вамъ предложить нѣчто весьма интересное, — началъ онъ. — Помню, вы какъ-то говорили, что охотно посѣтили бы Мервъ. Теперь, московскій богачъ Коншинъ хочетъ попытаться завязать торговые сношенія съ Мервомъ и снаряжаетъ для этого караванъ, который вѣроятно не замедлитъ выступить отсюда съ его приказчикомъ Косыхомъ. Представляется прекрасный случай посѣтить эту страну, въ которой еще не былъ ни одинъ изъ русскихъ. Пршшлое Мерва имѣетъ свою литературу. Но что этотъ сосѣдъ нашъ представляетъ въ настоящее время, — намъ совершенно неизвѣстно. Является настоятельная необходимость его изслѣдованія. Васъ я считаю особенно подходящимъ для этого: вы знаете языкъ турменъ и одной религіи съ ними, что, конечно, не мало облегчитъ дѣло сношенія съ народомъ. Сверхъ того, вы пишете и рисуете, а слѣдовательно, сумѣете воспользоваться представившимся матеріаломъ. По всему этому я рѣшился предложить вамъ, не хотите ли ѣхать въ Мервъ съ караваномъ Коншина? Предупреждаю, что это не приказаніе, и что вы должны приготовиться къ разнымъ случайностямъ, такъ какъ васъ могутъ принять... далеко не съ хлѣбомъ-солью.

— Безконечно вамъ благодаренъ, г. полковникъ! — отвѣчалъ я. — Я еще недавно читалъ „Исторію Трансоксаніи“ Вамбери, интересуюсь Мервомъ какъ нельзя болѣе и поѣду съ восторгомъ...

— Прекрасно. Я долженъ еще сказать вамъ, — продолжалъ баронъ, — что отправляться въ качествѣ офицера не удобно въ настоящее время. Вамъ придется переодѣться и замаскировать себя ролью хотя бы прикащика при караванѣ.

— Согласенъ и на это.

— Въ такомъ случаѣ, — заключилъ баронъ, — я сегодня же

протелеграфирую объ этомъ князю Дондукову. Разрѣшеніе вѣроятно не замедлитъ. Готовьтесь въ дорогу и храните пока все это въ тайнѣ... Да, съ вами, вѣроятно, отправится еще одинъ офицеръ, хорунжій Соколовъ. Вы знаете его?

— Знаю и очень радъ...

На этомъ мы разстались, и я поспѣшилъ домой, точно предстояло выѣхать черезъ нѣсколько минутъ... Недавно прочитанные рассказы Вамбери объ историческихъ судьбахъ Мерва пробудились въ моей памяти съ необыкновенною живостью. Воображеніе рисовало картины интересной terra incognita, пользовавшейся въ древности громкою извѣстностью, называемой „цвѣтущею“ еще историкомъ Александра, а персидскими историками — не иначе, какъ „Шахъ-и-джаганъ“ (царь вселенной). Мысленно я уже носился среди грандіозныхъ развалинъ древнихъ городовъ, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ господство всевозможныхъ религіозныхъ культовъ, не исключая и христіанства, и въ которыхъ процвѣтаніе наукъ не разъ смѣнялось разрушеніемъ и ужасными кровопролитіями завоевателей востока. Я точно видѣлъ передъ собой гробницы разныхъ Алпъ-Арслановъ, наводившихъ ужасъ на самую Византію и уводившихъ въ плѣнъ ея императоровъ. Мнѣ почему-то казалось, наконецъ, что военная экспедиція въ Мервъ стоитъ на ближайшей очереди нашихъ предпріятій въ Средней Азій, и это обстоятельство еще болѣе подстрекало мое возбужденное любопытство. Мысль о томъ, что я могу остаться при своемъ любопытствѣ и, въ придачу, лишиться головы, мнѣ не приходила. Я, словомъ, горѣлъ нетерпѣніемъ вскочить скорѣе на лошадь и мчаться къ Мерву...

Такъ прошло нѣсколько дней. Въ послѣднихъ числахъ января 1882 года было получено требуемое разрѣшеніе начальства, и дѣло снаряженія каравана пошло быстро. Товары затюкованы, верблюды наняты. Для сопровожденія каравана выбраны изъ служащихъ въ милиціи ахаль-текинцевъ и мервцевъ 12 болѣе или менѣе надежныхъ джигитовъ; сдѣланы запасы, готова костюмовка.

Наканунѣ нашего выѣзда, Соколовъ и я были приглашены къ барону Аминову. Напутствовавъ насъ весьма дѣльными соображеніями относительно поведенія въ предстоящемъ путешествіи, онъ прочелъ и передалъ намъ секретную инструкцію, которая начинается такъ:

„Разрѣшая вамъ, господа, ѣхать съ торговымъ караваномъ въ Мервъ, предоставляю вамъ честь быть первыми русскими изслѣдователями одной изъ незнакомыхъ намъ странъ. Руковод-

ствуясь при этомъ искреннимъ желаніемъ, чтобы увѣчалось полнымъ успѣхомъ это интересное и славное дѣло, сопряженное съ опасностью, и потому налагающее на меня громадную нравственную отвѣтственность, — считаю себя въ правѣ напомнить вамъ, что только при единодушномъ дѣйствіи и дружескихъ отношеніяхъ вы можете добиться желанныхъ результатовъ. Вполнѣ разсчитывая и въ этомъ отношеніи на свой выборъ, я ограничусь указаніемъ цѣли и начертаніемъ общей программы дѣйствій, предоставляя вамъ самимъ выборъ средствъ и распредѣленіе занятій. Помните, господа, при выполненіи вашей задачи, что туркмены, несмотря на кажущуюся наивность, необыкновенно проницательны. Поэтому, въ интересахъ дѣла и во избѣжаніе какихъ бы то ни было осложненій, необходимо сохраненіе полного инкогнито. Не забывайте, что довѣренный г. Коншина, Северіанъ Косыхъ, долженъ быть въ глазахъ туркменъ начальникомъ каравана, а вы—его помощниками. Если, какъ я думаю, г. Косыхъ будетъ стѣсняться входить въ свою роль по отношенію къ вамъ,—напоминайте ему, способствуйте этому сами“.

„Прежде всего обращаю ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство, — говорится въ первомъ пунктѣ инструкціи:—мы имѣемъ нѣкоторые свѣдѣнія о Мервѣ временъ Зороастра, Александра, Чингиса, Тамерлана и Надира. Затѣмъ знаемъ только одно, что, около столѣтія тому назадъ, страна эта захвачена туркменами и превращена въ обширное гнѣздо необузданныхъ разбойниковъ, куда воспрещенъ всякій доступъ христіанамъ. Желателенъ возможно обстоятельный отвѣтъ,—что такое современный Мервъ, что онъ представляетъ въ географическомъ и политическомъ отношеніяхъ, кто тамъ властвуетъ и къ кому надо обращаться въ нужныхъ случаяхъ?“

Далѣе на десяти страницахъ слѣдуетъ изложеніе по пунктамъ всего того, что намъ предстояло выполнить. Въ двухъ словахъ, поставленныя задачи сводились къ подробному описанію пройденныхъ путей, ко всестороннему изслѣдованію Мервскаго оазиса, съ нанесеніемъ всего видѣннаго на карты, планы и маршруты, и, наконецъ,—къ собиранію разспросныхъ свѣдѣній обо всемъ, что имѣетъ какое-либо соотношеніе къ Мерву и можетъ представить интересъ въ отношеніи научномъ или спеціально-военномъ.

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены, и 3-го февраля караванъ нашъ, состоявшій изъ 20-ти верблюдовъ, навьюченныхъ преимущественно краснымъ московскимъ товаромъ, съ 5-ю вожаками, выступилъ въ сторону Гиурса. Косыхъ же, Соколовъ

и я, сбрили свои головы, подстригли бороды на текинскій ладъ, нарядились во все текинское и выѣхали въ догонку за караваномъ только на другой день. На время путешествія мы переѣзжали и свои фамиліи: Косыхъ назвался Северинъ-баемъ, Соколовъ — Платонъ-агой, а я — Максумъ, казанскимъ татаринъ. Несмотря, однако, на всю эту комедію, мы далеко не напоминали истыхъ номадовъ. Въ особенности наружность Косыха невольно переносила воображеніе въ кумачный рядъ нижегородской ярмарки...

Такъ или иначе, послѣ сердечныхъ проводовъ съ пѣснями и музыкой, мы сѣли на коней и втроемъ выѣхали изъ Асхабада, напутствуемые всякими пожеланіями собравшихся друзей и знакомыхъ. Постепенно удаляясь, мы видѣли еще нѣсколько минутъ, какъ подъ звуки „марша добровольцевъ“ поднимались платки и фуражки, и, вѣроятно, не у меня одного зашевелился въ это время жгучій вопросъ, — увидимся ли мы съ этими добрыми людьми?..

За асхабадскими садами къ намъ присоединились джигиты, посланные сюда заранѣе, чтобы слишкомъ шумные наши проводы не дали имъ возможности заподозрить въ насъ военныхъ. Эта предосторожность была необходима, такъ какъ нѣкоторые джигиты были уроженцы Мерва, а другіе провели тамъ нѣкоторое время въ бѣгствѣ послѣ геокъ-тепенскаго погрома; слѣдовательно, особенно полагаться на ихъ преданность не было основанія. Они знали одного Косыха и никогда не видѣли меня и Соколова. Теперь мы представились имъ въ качествѣ приказчиковъ, прибывшихъ въ Асхабадъ съ товаромъ только накупить...

Начавшееся такимъ образомъ путешествіе наше, исполненное всевозможныхъ опасностей и приключеній, длилось два мѣсяца. Обстоятельства сложились въ началѣ крайне неблагопріятно; пришлось преодолѣть массу затрудненій. И наша жизнь, и судьба каравана въ такой степени висѣли иногда на волосѣ, что теперь, по прошествіи 22-хъ лѣтъ, мнѣ самому кажется невѣроятнымъ, что мы возвратились цѣлыми... Тѣмъ не менѣе, намъ удалось не только проникнуть въ Мервъ и добиться разрѣшенія провести въ немъ три недѣли, — что было вполне достаточно для достиженія главной нашей цѣли, — но даже войти въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ воротилъ... Описывать нашу воюмку шагъ за шагомъ я не стану, такъ какъ это было бы непустымъ повтореніемъ: она рассказана въ цѣломъ рядѣ моихъ статей, появившихся, въ 1882 г., въ „Москов. Вѣд.“ подъ

заглавіемъ „Русскіе въ Мервѣ“ ¹⁾, а результаты ея изложены въ моей книгѣ „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему“, изданной въ томъ же году военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба. Лично для меня важнѣйшимъ результатомъ посѣщенія Мерва было то обстоятельство, что *въ головахъ моей воздемы за-
спала мысль о возможности мирнаго присоединенія къ Россіи
этого края.* Эту увѣренность я выразилъ, между прочимъ, еще въ началѣ 1883 г., въ письмахъ къ генералъ-лейтенантамъ Фельдману и Стебницкому, и не прошло послѣ того и года, какъ уже послѣдовало блестящее ея осуществленіе...

Прежде чѣмъ, однако, перейти къ разсказу объ обстоятель-
ствахъ присоединенія Мерва, для большей ихъ ясности, считаю необходимымъ посвятить слѣдующую главу бѣглому очерку того, что представлялъ этотъ край въ послѣдніе годы его независи-
маго существованія.

II.

Нѣсколько словъ о прошломъ Мерва и послѣднихъ годахъ его независимости.

Мервъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Маргіаны, упо-
минается въ глубочайшей древности. Такъ, Зороастръ, — эпоху
жизни и дѣятельности котораго одни историки относятъ за шесть,
другіе за цѣлыхъ тринадцать вѣковъ до Р. Х., а классическіе
писатели даже въ фантастическую древность, за пять тысячъ
лѣтъ до троянской войны ²⁾, — въ своемъ „Вендидадѣ“, въ числѣ
„раеподобныхъ странъ благодати и изобилія“, созданныхъ твор-
ческою силою Ормузда, упоминаетъ послѣ Айріаны и Сугда
(Ирана и Бухары) „благословенный, вѣрнѣй и чистый Марвъ“.

Во второмъ, приблизительно, вѣкѣ до Р. Х. сюда вторгаются
турки, разрушаютъ греко-бактрійское владычество и приносятъ
съ собою изъ Тибета буддизмъ, который вытѣсняетъ ученіе Зо-
роастра.

За буддизмомъ сюда проникаетъ христіанство несторіанъ,
изгнанныхъ изъ Византіи. Въ 334 г. послѣ Р. Х. мы уже ви-
димъ архіепископію въ Мервѣ, который въ 420 году былъ даже
возведенъ на степень мѣстопробыванія митрополита. Христіанство

¹⁾ Статьи эти были также перепечатаны въ „Кавказѣ“ и, въ англійскомъ пе-
реводѣ, въ книгѣ Марвина „The Russians at Merv and Herat“, а походные наброски
къ нимъ — во „Всемирной Иллюстраціи“.

²⁾ Усларъ, стр. 105.

держаться здѣсь до половины седьмого столѣтія, т.-е. до появленія арабовъ, а съ ними и исламизма.

Развалины древнѣйшаго Мерва, обнесеныя чудовищными валами и видѣвшія въ своихъ стѣнахъ магізмъ, буддизмъ и христіанство, лежатъ теперь въ тридцати верстахъ къ СВ. отъ нынѣшняго Мерва и носятъ названіе „Гауръ-кала“, т.-е. крѣпости невѣрныхъ. Рядомъ съ нимъ арабы возвели другой Мервъ, развалины котораго сохранились еще болѣе, — извѣстный теперь подъ именемъ „Султанъ-Санджаръ кала“. Въ продолженіе многихъ вѣковъ онъ служилъ резиденціею хорасанскаго намѣстника багдадскихъ халифовъ и крупнымъ центромъ исторической жизни Средней Азіи. „Арабскія завоеванія, — говоритъ историкъ, — низвели весь Туркестанъ на степень составной части Хорасанской провинціи, и Бухара, и гордая столица на Заравшанѣ, богатый Бикендъ, и промышленная Фергана стали слушаться приказаній, раздававшихся изъ Мерва — шахъ-и-джаганъ, т.-е. Мерва — царя вселенной“.

Изъ Мерва былъ нанесенъ смертельный ударъ ученію Зоораstra. Онъ же послужилъ колыбелью ислама въ Средней Азіи и, между прочимъ, здѣсь же, въ 767 году, выступилъ съ своимъ ученіемъ извѣстный пророкъ Моканна, уроженецъ Мерва, — съ ученіемъ, поднявшимъ такой ураганъ, который грозилъ вырвать съ корнемъ ученіе арабскаго пророка. Моканна объявилъ себя, ни больше, ни меньше, какъ богомъ всѣхъ міровъ, владыкой власти, блеска и истины, и вызвалъ съ арабами борьбу, которая продолжалась болѣе пятнадцати лѣтъ и сопровождалась потрясеніемъ, оставившимъ слѣды на много вѣковъ. Онъ погибъ подъ Самаркандомъ въ 781 году, послѣ пораженія 50 тысячъ его послѣдователей. Преданіе о мервскомъ пророкѣ живетъ на его родинѣ и до настоящаго времени.

Цѣлое тысячелѣтіе еще послѣ смерти Моканны Мервъ продолжалъ представлять благословенную страну, хотя многократно бывалъ за это время ареною войнъ и междоусобій, и жестоко пострадалъ отъ сокрушительныхъ урагановъ, вызванныхъ въ исторіи Азіи Чингисъ-ханомъ, Тамерланомъ и Надиромъ. Оставившись надъ перипетіями этого періода значило бы слишкомъ удалиться отъ нашей цѣли. Ограничимся поэтому замѣткой, что въ дни послѣднего изъ этихъ завоевателей, Надира, возникъ въ Мервѣ третій городъ, сравнительно свѣжія развалины котораго, лежація по сосѣдству съ двумя предыдущими, носятъ названіе „Байрамъ-Али-кала“.

Въ срединѣ XVII столѣтія территорія Мерва, равная поло-

винѣ нынѣшней Франціи, обнимала низовья двухъ смежныхъ рѣкъ Средней Азіи, Мургаба и Герируда, и представляла совершенно иную картину, чѣмъ бывшія составныя ея части, получившія во второй половинѣ прошлаго столѣтія названія отдѣльныхъ оазисовъ: Мервскаго, Іолатанскаго, Пендинскаго, Саракскаго и Тедженскаго. Начиная съ границы Авганистана, около Меручака, и на протяженіи слишкомъ 300 верстъ, побережья Мургаба составляли сплошной культурный районъ съ искусственнымъ орошеніемъ, съ богатою растительностью, съ прекрасными постройками и съ осыдлымъ иранскимъ населеніемъ. Такую же картину представляли земли, прилегающія къ Герируду, начиная отъ Зюльфугара и до самыхъ низовьевъ этой рѣки. Объ этомъ свидѣлствуютъ, помимо источниковъ персидскихъ, разбросанные по странѣ и болѣе или менѣе еще и теперь сохранившіеся остатки укрѣпленныхъ городовъ, цистернъ, гробницъ, мечетей, бань, каравансараевъ, мостовъ, акведуковъ и т. п.

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи упомянутый районъ, съ двумя главными городами, Мервомъ и Сараксомъ, служилъ аванпостомъ Ирана противъ Турана до 1784 года, когда на престолѣ сосѣдней Бухары вступилъ эмиръ Маасумъ. Этотъ государь, называемый „дервишемъ на престолѣ“, задумалъ истребленіе шиитовъ, и съ этою цѣлью предпринялъ на Мервѣ рядъ набѣговъ, которые окончились въ 1788 году такими ужасными послѣдствіями для края, что даже восточный историкъ находитъ свое перо безсильнымъ для ихъ описанія. Городъ былъ разрушенъ до основанія, сады вырублены, весь оазисъ превращенъ въ пустыню. Часть населенія, оставшаяся послѣ безпощаднаго избіенія, была переселена за Аму-дарью, а другая разбѣжалась къ Герату и Мешеду, гдѣ потомки ихъ извѣстны до сего времени подъ именемъ „кюна-мара“, или старомервцевъ. Чтобы воспрепятствовать и на будущее время возникновенію Мерва и воздѣлыванію почвы въ этой странѣ, узбеки разрушили даже старинную, существовавшую много вѣковъ, плотину „Бенди-Султанъ“, направлявшую въ оазисъ воды Мургаба. Словомъ, „могучій и священный Мервъ“ Зороастра, „Шахъ-и-джанъ“ восточныхъ историковъ, извѣстный своимъ цвѣтущимъ состояніемъ еще во времена похода въ Бактрію ассирійскаго царя Ниневія, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ ударовъ бухарскаго благочестиваго вандала превратился въ такую пустыню, что „съ тѣхъ поръ, — говоритъ Вамбери, — отъ гордой въ древности Маргіаны поднимаются на монотонномъ степномъ ландшафтѣ только груды развалинъ, какъ свидѣтельницы прошлаго величія“. Такъ кончилъ свое существованіе культурный

оазисъ, и въ сторонѣ отъ его развалинъ возникъ въслѣдствіи только разбойничій притонъ номадовъ, который кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ Мервомъ...

Въ образовавшейся такимъ образомъ пустынѣ появились въслѣдствіи полудикіе туремены, разные племена которыхъ вытѣсняли отсюда другъ друга. Конечно, не этимъ хищникамъ суждено было воскресить древнюю фizioномію доставшейся имъ страны. Будучи не въ силахъ, благодаря вѣчнымъ между собою раздорамъ, возстановить прежнія ирригаціонныя сооруженія, а сѣдовательно, и воспользоваться готовыми каналами на обширномъ районѣ, они ограничились тѣмъ, что на захваченныхъ земляхъ создали отдѣльные и сравнительно мелкіе оазисы. Громадныя же пространства между ними превратились въ дикія безводныя пустыни, въ которыхъ рыскали среди развалинъ только шайки аламановъ...

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ Мервъ занятымъ 10—15 тысячами кибитокъ (семействъ) туркменъ-сарыковъ, признавшихъ надъ собою господство Хивы. Въ то же время районъ Саракса занимали, въ числѣ около 40 тысячъ кибитокъ, текинцы, отдѣлившіеся отъ своихъ ахальскихъ соплеменниковъ и номинально признававшіе надъ собою власть Персіи.

Въ 1855 году хивинскій *Медеминъ-ханъ* задумалъ подчинить текинцевъ своей власти, и съ этою цѣлью двинулся въ Сараксъ, во главѣ, какъ рассказываютъ, 40 тысячъ конницы. Походъ былъ крайне неудачный. Хивинцы потерпѣли страшное пораженіе и бѣжали, оставивъ въ Сараксѣ, въ рукахъ непріятеля, своего убитаго хана, массу плѣнныхъ, оружіе и лошадей. Въ это время они покинули и Мервъ. Черезъ два года послѣ того, раздраженный злоупотребленіями персидскихъ властей, *Коушутъ-ханъ*, тогдашній глава текинцевъ, внезапно поднялъ свой народъ и перекочевалъ съ нимъ къ Мерву. Пользуясь безначаліемъ, господствовавшимъ въ это время въ Хивѣ, новые пришельцы безъ труда прогнали сарыковъ и заняли всѣ ихъ земли. Съ этихъ поръ текинцы господствовали надъ Мервскимъ оазисомъ, а нѣсколько южнѣе ихъ два оазиса на Мургабѣ, *Юлатанъ* и *Пенде*, занимали сарыки.

Въ 1860 году персы также сдѣлали крайне неудачную попытку наказать текинцевъ и вырвать Мервъ, это старинное достояніе ихъ государства, изъ рукъ полудикихъ номадовъ. Ихъ армія, выступивъ изъ Саракса подъ начальствомъ принца Султанъ-Мурадъ-мирзы, въ составѣ болѣе 20 тысячъ регулярной

пѣхоты, съ 32 орудіями и съ многочисленной нерегулярной конницей, подошла къ лѣвому берегу Мургаба и остановилась противъ существовавшей тогда крѣпости сарыковъ, Порсу-кала. Усиливъ этотъ пунктъ и оставивъ здѣсь подъ прикрытіемъ большую часть своихъ тяжестей, главные силы персовъ двинулись далѣе по лѣвому берегу рѣки, къ мѣсту расположенія нынѣшней крѣпости Мервъ, или Кошутъ-ханъ-кала. Здѣсь въ то время существовала только кала сарыковъ, хотя и обширная, но крайне слабой профили; въ ней сосредоточились текинцы со всего оазиса, по обыкновенію съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Персы остановились противъ этой калы, на противоположномъ берегу Мургаба, и, окопавшись предварительно, открыли бомбардировку текинскаго оплота, гдѣ произвели среди обороняющихся страшныя опустошенія и почти панику. Боясь наступленія персовъ на правый берегъ, текинцы разрушили мостъ и окончательно ушли съ поля внутрь своей ограды. Но персы точно и не думали воспользоваться результатомъ бомбардировки и произведеннымъ впечатлѣніемъ. Продолжая окапываться, они и въ слѣдующіе дни ограничивались однимъ артиллерійскимъ огнемъ, который теперь уже не производилъ прежняго дѣйствія, такъ какъ текинцы успѣли вырыть почти безопасныя убѣжища для себя и своихъ семействъ. Такъ прошелъ почти мѣсяцъ. Ободренные явною нерѣшительностью своего противника, текинцы сами перешли, наконецъ, къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они вышли изъ калы подъ начальствомъ Кошутъ-хана, быстро навели мостъ черезъ рѣку, передъ самымъ носомъ персидскихъ войскъ, и энергически напали на нихъ среди бѣлаго дня. Результатъ былъ блестящій. Текинцы возвратились съ нѣсколькими персидскими орудіями, а ихъ противники съ своимъ „регулярнымъ“ войскомъ понесли громадныя потери и послѣ этого не смѣли выходить изъ-за окоповъ даже за водой къ Мургабу. Противники, такимъ образомъ, помѣнялись ролями, и о наступленіи персовъ уже не могло быть и рѣчи, такъ какъ текинцы, не ограничиваясь первымъ успѣхомъ, продолжали свои нападенія и наносили противникамъ пораженіе за пораженіемъ. Кончилось тѣмъ, что принцъ Султанъ-Мурадъ поднялъ свои войска и направился съ ними обратно въ Порсу. Текинцы только того и ждали. Они вышли изъ калы старъ и младъ, и обрушились на персовъ въ открытомъ полѣ. Пораженіе послѣднихъ было ужасное. Едва нѣсколько сотъ всадниковъ спаслись въ бѣгствѣ съ главнокомандовавшимъ; все остальное бѣжало, побросавъ оружіе и артиллерию, и было или перебито, или взято въ плѣнъ. Преслѣдуя жалкіе остатки пер-

сидскихъ воиновъ, текинская конница съ небольшимъ въ сутки достигла Саракса, гдѣ были сдѣланы громадныя заготовленія для арміи Султанъ-Мурада, и, что называется, стерла этотъ пунетъ съ лица земли въ то самое время, когда пѣшіе собратья этихъ туркменъ чинили самый безпощадный разность съ войсками и запасами, остававшимися въ Порсу. Таковъ былъ конецъ этого злополучнаго нашествія персовъ. Въ Мервѣ сосредоточилась послѣ этого такая масса плѣнныхъ и оружія, что цѣна на невольника-перса спала съ 300 рублей на 5, а за ружье едва платили два-три крана.

Послѣ трехъ такихъ крупныхъ успѣховъ, какъ пораженіе хивинцевъ, завоеваніе Мервскаго оазиса и пораженіе персидской арміи, Коушутъ-ханъ, который былъ избранъ только предводителемъ во время этихъ событій, остался послѣ нихъ, и до самой смерти, фактическимъ ханомъ той половины текинскаго народа, которая поселилась на земляхъ сарыковъ.

Коушутъ-ханъ былъ далеко не дюжинный человѣкъ между туркменами. Отличаясь представительною внѣшностью и необыкновенной отвагой, онъ считался однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего племени и выказалъ замѣчательное умѣнье въ дѣлѣ организаціи и обузданія текинцевъ, которые до него никогда не признавали ни власти, ни порядка.

Вскорѣ послѣ пораженія персовъ, Коушутъ-ханъ сформировалъ въ странѣ полицейскую стражу, состоявшую изъ 2.000 преданныхъ ему нукеровъ, и, опираясь на нее, явился почти неограниченнымъ повелителемъ своего народа. Были случаи, когда онъ произносилъ даже смертные приговоры.

Населеніе Мерва обязано Коушутъ-хану своей ирригаціонной системой, такъ какъ, благодаря его заботливости, была воздвигнута на Мургабѣ громадная плотина. Онъ же началъ постройку нынѣшней, почти чудовищной крѣпости въ 1873 году, полагая, что русскіе пойдутъ изъ Хивы прямо на Мервъ. Оба эти сооруженія носятъ его имя и, по словамъ самихъ текинцевъ, могли возникнуть только благодаря значенію Коушутъ-хана, такъ какъ требовали бесплатныхъ усилій многихъ десятковъ тысячъ отъявленныхъ грабителей, почти презирающихъ всякій трудъ. Завѣтная мечта Коушутъ-хана состояла въ томъ, чтобы переселить народъ къ старому Мерву и возобновить этотъ городъ. Онъ уже собирался приступить къ необходимому для этого возобновленію плотины Бенди-Султанъ, когда неожиданная смерть постигла его въ 1878 году.

Послѣ смерти Коушутъ-хана, въ Мервѣ былъ приглашенъ

изъ Ахала (не вѣмъ, однако, народомъ) не менѣе его популярный, но далеко не столь энергичный старикъ Нуръ-Верды-ханъ. Стража при немъ была распущена, или, вѣрнѣе, разошлась сама. Власть, не опиравшаяся на силу, да еще надъ текинцами, естественно лишилась всякаго значенія при немъ, и онъ умеръ въ началѣ 1880 года.

Послѣ Нуръ-Верды-хана, въ Мервѣ возникли раздоры между разными родами, и званіе хана, но не власть, черезъ каждые нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовательно переходило къ Баба-хану, Каджаръ-хану, опять къ Баба-хану и, наконецъ, къ Халли-хану, который носилъ это званіе всего только 5 дней...

Ханы эти оказались одинъ безцвѣтнѣе другого и только способствовали водворенію въ странѣ полнаго хаоса, съ засадами на дорогахъ, съ тайными убійствами и съ явными вооруженными нападеніями цѣлыхъ партій другъ на друга, среди бѣлаго дня. Всякая торговля прекратилась. Караваны если изрѣдка осмѣливались проходить черезъ Мервъ, то только въ сопровожденіи значительнаго наемнаго конвоя, который, случалось, самъ нерѣдко расхищалъ эти караваны и затѣмъ безнаказанно расходился по ауламъ...

Таково было внутреннее положеніе Мерва въ теченіе почти пяти лѣтъ послѣ смерти Коушутъ-хана, и оно повело къ разнымъ попыткамъ извнѣ, для того, чтобы воспользоваться этимъ неустройствомъ края. Такъ, эмиссары изъ Авганистана шныряли по странѣ съ цѣлью подготовить народъ къ признанію власти своего эмира, но безуспѣшно, ибо не имѣли денегъ. Имъ отвѣчали обыкновенно:

„Мы знаемъ обѣщанія авганцевъ. Привезите сначала деньги и исполните хоть часть вашихъ посуловъ. Тогда поговоримъ“...

Не лишенный нѣкотораго значенія въ народѣ, сардаръ изъ колѣна Кара-ерма, Озбекъ-Батыръ, даже отправился въ Кабуль съ предложеніемъ устроить подчиненіе Мерва Авганистану. Эмиръ Абдуррахманъ сначала обласкалъ его и осыпалъ подарками, а затѣмъ, когда Мервъ присоединился къ Россіи, приказалъ его повѣсить.

Персы прислали въ Мервъ, съ тою же цѣлью, брата даргезскаго правителя, Сеидъ-Али-хана, миссія котораго также потерпѣла фіаско. За нимъ, впрочемъ, поѣхалъ въ Тегеранъ, для непосредственныхъ переговоровъ, извѣстный предводитель аламановъ, а впослѣдствіи глава рода Бахши, Сары-Батыръ-ханъ. Онъ обѣщалъ персамъ возвратить сорокъ отбитыхъ у нихъ въ 1860 году орудій и вучу другихъ вещей, получилъ тоже кучу

подарковъ, и, возвратившись въ Мервъ, только смѣялся надъ легковѣрностью персовъ.

Не безъ политическихъ замысловъ явился въ Мервъ въ 1880 году и ирландецъ О'Донованъ, отважный корреспондентъ „Daily-News“, позже убитый махдистами въ Египтѣ. Болѣе или менѣе неискренніе сторонники Англіи охотно сносились съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ сорилъ деньгами и подарками; его даже снабдили огромнымъ пергаментомъ съ массой печатей и подписей въ удостовѣреніе того, что мервцы приняли подданство королевы Викторіи. Но деньги и подарки О'Донована скоро истощились, и тогда, повинутый всѣми друзьями, онъ очутился подъ арестомъ у тогдашняго Каджаръ-хана, изъ котораго его выкупилъ за 500 рублей англійскій консулъ въ Мешедѣ.

Замѣчательно, что этотъ самый Каджаръ-ханъ, такъ низко поступившій съ единственнымъ англичаниномъ, появившимся въ Мервѣ, почти искренно сдѣлался вскорѣ сторонникомъ другой личности, появившейся тамъ же и весьма усердно работавшей въ пользу, какъ утверждали, тѣхъ же англичанъ. Я говорю о Сіяхъ-Пушѣ, темная личность котораго осталась, какъ для насъ, такъ и для туркменъ, почти неразгаданною, несмотря на то, что впоследствии, при занятіи Мерва, онъ попалъ въ наши руки и былъ подвергнутъ всевозможнымъ допросамъ. Но рѣчь о немъ впереди еще...

Въ 1881 году мервцы уже не могли придти къ соглашенію относительно новыхъ претендентовъ на ханство всего народа, и кончилось тѣмъ, что каждый родъ его избралъ своего хана: *Векили* — Мехтемъ-Кули-хана, молодого человѣка двадцати-пяти лѣтъ, который, впрочемъ, переселился вскорѣ на Ахаль и былъ замѣненъ своимъ шестнадцатилѣтнимъ братомъ, Юсуфъ-ханомъ. Большое значеніе среди Векилей имѣла мать послѣдняго, извѣстная *Гюль-джамалъ*, съ которою мы еще встрѣтимся въ нашемъ повѣствованіи. Затѣмъ, *Беки* избрали своимъ ханомъ Кара-Кули-сардара, *Бахши* — Сары-Батыра, а *Сичмазъ* — Майли-хана. Первый изъ этихъ трехъ былъ старый аламанъ, извѣстный своими жестокими грабежами на границахъ Персіи и Авганистана, человѣкъ жадный и ограниченный. Второй занимался тѣмъ же ремесломъ и въ теченіе многихъ лѣтъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ рыцарства. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка разсудительнаго, съ большимъ тактомъ и самообладаніемъ; впоследствии онъ и оказался такимъ. Наконецъ, третій, Майли-ханъ, былъ молодой человѣкъ, изуродованный оспой, но скромный и неглупый. Особеннаго значенія, однако, эти люди не имѣли даже въ своемъ

районѣ, такъ какъ каждый текинецъ считалъ для себя болѣе или менѣе обязательнымъ только постановленіе общаго собранія представителей народа, такъ называемаго *тегеша*, о которомъ мнѣ еще придется говорить.

Мервскіе текинцы сильно преувеличивали свою численность, чтобы казаться сосѣдямъ народомъ сильнымъ. Они утверждали, что ихъ сто тысячъ кибитокъ. На самомъ же дѣлѣ районъ каждаго изъ четырехъ хановъ дѣлился на шесть старшинствъ, или кетхудъ, и въ каждомъ изъ нихъ полагалось до двухъ тысячъ кибитокъ, или во всемъ оазисѣ, приблизительно, до 200 тысячъ душъ ¹⁾, которыя могли выставить, въ случаѣ нужды, около 30-ти тысячъ пѣшихъ и не менѣе 5-ти тысячъ конныхъ людей, способныхъ носить оружіе. Роды *Бекъ* и *Векиль*, составляя *тахтамышскую* половину народа, занимали своими аулами земли на правомъ берегу Мургаба, а *Бахши* и *Сичмазъ* или *отамышская* половина — на лѣвомъ. Тѣ и другіе подраздѣлялись на чомуръ и чарва, т.-е. на земледѣльцевъ и скотоводовъ. Но избранное ремесло главной массы населенія заключалось въ такъ называемомъ *калтаманствѣ* и *аламанствѣ*. Это два вида одного и того же порока, дѣлавшаго Мервскій оазисъ въ его тогдашнемъ видѣ буквально однимъ большимъ притономъ воровъ и разбойниковъ...

Калтаманомъ называли простого вора, промышляющаго своимъ ремесломъ ночью и днемъ, если представится удобный случай, но пѣшкомъ и безъ оружія. Помимо массы людей и даже организованныхъ шайкъ съ предводителями, жившихъ исключительно воровскимъ ремесломъ, калтаманами можно было назвать, нисколько не рискуя ошибиться, три четверти мервскаго населенія, — въ такой степени это зло всосалось въ плоть и кровь текинскаго племени.

Ааламанство — степной разбой, предпринимаемый партіями отъ нѣсколькихъ десятковъ и до нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ всадниковъ. Въ этихъ набѣгахъ текинецъ, кромѣ болѣе или менѣе солидной наживы, пріобрѣталъ репутацію воина и званіе *батыря*, и самый промыселъ поэтому не только не порицался общественнымъ мнѣніемъ страны, напротивъ, — вѣками онъ возведенъ былъ здѣсь на степень рыцарства и поощрялся народными симпатіями, какъ ремесло, вырабатывающее лихость и молодечество. Ааламанство создало среди мервскихъ текинцевъ массу

¹⁾ И эта численность значительно уменьшилась послѣ появленія въ странѣ русскихъ, такъ какъ водворившаяся кругомъ безопасность позволила части населенія переселиться въ плодородный районъ Теджена.

людей, отличавшихся поразительнымъ знаніемъ не только всѣхъ дорогъ, тропинокъ и колодцевъ во всѣхъ необъятныхъ пустыняхъ, окружающихъ ихъ оазисъ, но не менѣе того знакомыхъ и со всѣми окраинами сопредѣльныхъ странъ, какъ Персія, Бухара, Хива и Авганистанъ. Люди эти назывались *сардарами* и руководили обыкновенно партіями аламановъ, одновременно въ качествѣ предводителей и путеводителей. Имъ принадлежала инициатива каждаго набѣга, они же вербовали участниковъ и избирали пунктъ нападенія. Собравшійся народъ и духовные торжественно напутствовали выступающую партію благословеніями и пожеланіями ей всякаго успѣха. Выйдя за предѣлы оазиса, всѣ аламанъ, послѣ общей молитвы о помощи Аллаха, принимали по обычаю клятву въ томъ, что будутъ дѣйствовать единодушно и безпрекословно повиноваться сардару. Наткнувшись на караванъ или стада, или приблизившись къ заранѣ определенной мѣстности, преимущественно ночью или на разсвѣтѣ, они кидались, по знаку сардара, съ оглушительными криками на свою жертву. Въ случаѣ успѣха, аламанъ дѣлились на двѣ половины: одна возила или угоняла добычу; другая, на лучшихъ лошадяхъ, составляла арріергардъ на случай погони. На первомъ же ночлегѣ послѣ этого происходилъ раздѣлъ добычи, причемъ сардаръ получалъ двѣ доли со всего награбленнаго и столько же выдѣлялось на мечеть и бѣднымъ; остальное дѣлилось поровну между всѣми аламанъ. Если попались въ плѣнъ мужчины или женщины—ихъ продавали и такимъ же образомъ дѣлили вырученныя деньги. При такомъ исходѣ набѣга аламанъ торжественно, среди бѣлаго дня, вступали въ оазисъ и расходились по своимъ ауламъ, гдѣ ихъ привѣтствовали какъ героевъ и побѣдителей. Вслѣдствіе навыка и осторожности, набѣги въ большинствѣ случаевъ сопровождались успѣхомъ, и аламанъ въ каждую поѣздку обезпечивали свое существованіе на болѣе или менѣе продолжительное время. Бывали, конечно, неудачи и пораженія; тогда партія разсыпалась по степи и каждая группа всадниковъ отдѣльно пробиралась къ оазису и къ своему аулу, — преимущественно ночью, во избѣжаніе насмѣшекъ...

„Аламанство, какъ ремесло, наиболѣе соотвѣтствующее наклонностямъ текинцевъ,—писалъ я въ 1882 году въ своей книгѣ „Мервскій оазисъ“, — составляло до послѣдняго времени одно изъ главныхъ средствъ существованія большей части мервскаго населенія. Паденіе Геокъ-Тепе и покореніе Ахала повліяли на это дѣло въ томъ смыслѣ, что арена грабежей значительно сужилась и они не предпринимаются уже въ тѣхъ грандіозныхъ

размѣрахъ, какъ было раньше. Хотя русское сосѣдство и служить такимъ образомъ вѣкоторой уздой этимъ любителямъ легкой наживы, тѣмъ не менѣе набѣги на сѣверъ и востокъ продолжаются, мелкія шайки работаютъ на Атекъ, и дороги далеко небезопасны даже на границѣ нашихъ предѣловъ. Окончательно искоренить это зло, всосавшееся въ плоть и кровь народа, можетъ только внѣшнее давленіе. Всѣ общанія такъ называемыхъ *хановъ* препятствовать набѣгамъ не могутъ имѣть практическаго значенія уже потому, что, по убѣжденіямъ и привычкамъ, они сами — аламанъ прежде всего. Кромѣ того, вліяніе этихъ людей весьма ничтожное, чтобы не сказать нулевое; они терпимы, пока явно или тайно потворствуютъ народнымъ желаніямъ, и немедленно смѣщаются, какъ только пойдутъ противъ нихъ. Гораздо болѣе значенія имѣютъ здѣсь *ишаны*, или духовные, не рѣдко являющіеся настоящими двигателями народа. Званіе *ишана* приобретаетъ у туреманъ всякій болѣе или менѣе популярный ученый. Всѣ ишаны — фанатики и ханжи, а большинство — и продажны. Тѣмъ не менѣе, по немѣнѣю какова бы то ни было судилища и въ силу привычки, къ нимъ добровольно прибѣгаетъ народъ во всѣхъ случаяхъ, когда нуженъ совѣтъ или третейское рѣшеніе. Они являются примирителями во всѣхъ распряхъ между отдѣльными лицами или цѣлыми партіями, и они же, помимо хановъ, весьма часто ссылаютъ мервскій *генешъ*. Хотя намъ приходилось слышать мнѣніе и наиболѣе разумныхъ людей Мервскаго оазиса, что повліять на аламанство могутъ только ишаны, но и они едва ли въ состояніи вырвать съ корнемъ это зло. Дѣло въ томъ, что произволъ, отсутствіе всякой организаціи и вѣчныя распри между отдѣльными родами въ такой степени вкоренились и господствуютъ среди этого народа, что безопасность какъ въ оазисѣ, такъ и въ окружающихъ его пустыняхъ, свободное движеніе каравановъ и правильныя торговыя сношенія — останутся въ области желаній до тѣхъ поръ, пока Мервъ не будетъ поставленъ на ногу Ахала, т.-е. присоединенъ къ Россіи“...

Таковы были, въ общихъ чертахъ, порядки, укоренившіеся въ Мервѣ, и особенности быта и нравовъ его населенія въ концѣ 1883 года, когда мнѣ представился случай вторично посѣтить эту страну.

III.

Занятіє Теджена и вторая поѣздка въ Мервъ.

Послѣ паденія Геокъ-Тепе и занятія Асхабада, Скобелевъ, съ небольшимъ отрядомъ, продвинулся на востокъ еще верстъ на восемьдесятъ за территорию Ахала и, расположившись лагеремъ въ хорасанской деревнѣ Люфъ-абадъ, пробылъ въ немъ нѣсколько недѣль, пока не былъ отозванъ назадъ, вслѣдствіе протеста Персін.

Это смѣлое вторженіе въ арену вѣчныхъ разбоевъ, — да къ тому же въ чужую землю, — имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что шайки мервскихъ аламановъ точно канули въ воду: о нихъ не было слышно въ теченіе добраго года.

Но Скобелевъ не долго оставался въ покоренной имъ странѣ, а послѣ его выѣзда въ Россію наши дѣла на Ахалѣ приняли довольно странный оборотъ, чтобы не сказать больше... Мы точно стали въ оборонительное положеніе. Въ Асхабадѣ, по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, поглощавшаго, конечно, не мало казенныхъ денегъ, начали возводить бруствера, обносить ихъ глубокими рвами, словомъ, строить *крѣпость*, мысль о которой могла возникнуть только въ связи съ предположеніемъ, что въ этой части Закаспія мы можемъ быть атакованы... кѣмъ же?.. шайкой голодныхъ аламановъ, которые никогда не выдержали бы добраго залпа даже полуроты. И это — послѣ геокъ-тепенскаго погрома, когда престижъ русскаго имени, поднятый въ глазахъ турменъ какъ нельзя выше, давалъ намъ полную возможность держать себя съ гораздо большимъ достоинствомъ!.. Къ сожалѣнію, это была ошибка, которая, весьма естественно, повліяла ободряющимъ образомъ на нашихъ сосѣдей, мервцевъ. Уже въ 1882 году аламанство ожило, а въ слѣдующемъ — оно приняло размѣры просто небывалые. На грабежи Атека и Хорасана начали выѣзжать изъ Мерва партіи, иногда до тысячи и болѣе всадниковъ, и отъ нихъ не разъ доставалось и нашимъ съемочнымъ партіямъ, состоявшимъ обыкновенно изъ фотографа съ нѣсколькими казаками. Положеніе, словомъ, было такое, что инженеръ не рѣшался ѣхать по персидской территоріи до Саракса иначе, какъ въ сопровожденіи джигитовъ и цѣлаго взвода казаковъ подъ командой офицера...

Въ срединѣ 1883 года начальникомъ Закаспійской области

былъ назначенъ А. В. Комаровъ ¹⁾. Съ его прїѣздомъ въ Асхабадъ, положеніе дѣлъ въ краѣ приняло другой характеръ. „Крѣпость“ была упразднена, большая часть войскъ расположилась внѣ бывшей ея ограды, а для водворенія безопасности въ нашихъ и сосѣднихъ предѣлахъ высланы усиленные разѣзды, доходившіе до Душака и далѣе, т.-е. за сто слишкомъ верстъ отъ Гяурса, послѣдняго пункта, занятаго нами. Но демонстраціи эти уже оказывались недействительными. Какъ только разѣзды возвращались въ Асхабадъ, шайки мервцевъ вновь стремились на пограничныя селенія Хорасана. Россія между тѣмъ еще ранѣе взяла на себя обязательство заботиться о безопасности хорасанской окраины, почему шахское правительство и обратилось къ намъ съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ возвращенію плѣнныхъ, захваченныхъ мервцами во время послѣднихъ набѣговъ. Въ виду этого, въ концѣ 1883 года, была двинута къ берегамъ Теджена болѣе солидная демонстративная колонна, состоявшая изъ своднаго баталіона закаспійскихъ стрѣлковъ, двухъ сотенъ казаковъ таманскаго полка, взвода горныхъ орудій и команды туркменскихъ джигитовъ. Начальникомъ этого маленькаго отряда былъ назначенъ командиръ таманскаго полка, полковникъ Муратовъ; начальникомъ штаба—генеральнаго штаба подполковникъ Заержевскій ²⁾, и я — отряднымъ адъютантомъ. Къ намъ, по своему желанію, присоединился также текинecъ Мехтемъ-Кулиханъ, весьма разумный молодой человѣкъ 27-ми лѣтъ, руководившій, вмѣстѣ съ Текме-сардаромъ, обороной Геокъ-Тепе, ѣздившій затѣмъ въ Москву, на коронацію императора Александра III, гдѣ ему былъ пожалованъ чинъ майора милиціи ³⁾. Отряды были

¹⁾ Нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Александровскаго комитета.

²⁾ Нынѣ—генералъ-майоръ, нач. штаба 5-го корпуса.

³⁾ Въ концѣ августа 1903 года мнѣ пришлось прочесть въ „Нов. Вр.“ такую замѣтку: „Въ „Русск. Турк.“ разсказывается недавняя исторія основанія Асхабада и присоединеніе Мерва со словъ лица, по своей службѣ *близкаго къ этимъ событіямъ*“. Надо полагать, что *лицо это*, такъ тщательно скрывающее, почему-то, свою личность, стояло очень не близко къ упомянутымъ событіямъ, потому что все его писаніе состоитъ изъ ряда курьезныхъ измышленій, подобныхъ слѣдующему:

„По вѣсти Геокъ-Тепе, — говоритъ онъ, — *Махмутъ-Кулиханъ* (хоть бы имя запомнилъ) самъ явился къ генералу Скобелеву. Генералу, *какъ онъ самъ говорилъ*, очень понравились его гордость и лицо, внушавшее симпатію. Ему возвратили недвижимое имущество и имѣвшееся движимое. Возвращая пашку, Скобелевъ сказалъ ему, что онъ будетъ представленъ къ производству въ майоры русской службѣ. Производство Махмутъ-Кули-хана въ скорости послѣдовало, и юный по лѣтамъ майоръ, во все время пребыванія генерала Скобелева, находился при немъ. По отозваніи генерала, Махмутъ-Кули-ханъ жилъ въ своемъ аулѣ, какъ-то незамѣчаемымъ“.

приданъ еще саперный офицеръ Затеplinскій и переводчики Маргани и Пацо-Пліевъ ¹⁾).

Отрядъ выступилъ изъ Асхабада въ концѣ ноября и, идя почти все время по страшной грязи, дотянулся черезъ двѣ недѣли до Теджена и расположился здѣсь, у плотины *Карры-бенътъ*, служащей для орошенія Тедженскаго оазиса, обширнаго района, населеннаго выходцами изъ Мерва. Замѣтимъ встать, что по мѣрѣ движенія нашего отряда, его на сотни верстъ опережалъ разнесшійся по странѣ слухъ, что идетъ авангардъ русскихъ войскъ, предназначенныхъ для покоренія Мерва. Слухъ этотъ проникъ, конечно, и въ Мервъ, и въ послѣдствіи оказался небезполезнымъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, отряду *„ни подѣ какимъ видомъ не разсмѣшалось переходить за Тедженъ“*... ²⁾

Дня черезъ два послѣ прибытія на Карры-бенътъ, полковникъ Муратовъ снова поднялъ вопросъ, котораго мы не разъ касались и во время похода къ этому пункту. Дѣло въ томъ, что главная цѣль нашего отряда, какъ я уже говорилъ, была демонстративная, т.-е. своимъ движеніемъ и появленіемъ въ странѣ, гдѣ безнаказанно своевольничали шайки грабителей, способствовать водворенію безопасности. Затѣмъ, полковнику Муратову было предписано начальникомъ области: „По прибытіи отряда на Тедженъ, отправить въ Мервъ, съ нѣсколькими джигитами, переводчика, который долженъ предъявить тамошнимъ властямъ наше требованіе о прекращеніи аламанства и о выдачѣ 14 плѣнныхъ персовъ, захваченныхъ мервцами во время послѣдняго ихъ набѣга на Хорасанъ“.

Я доказывалъ полковнику бесплодность въ данномъ случаѣ командированія переводчика.

— Въ Мервъ полная анархія,—говорилъ я.—Номинальные ханы, еслибъ и желали, то безсильны повліять даже на уменьшеніе аламанства, уже не говоря о его прекращеніи... 14 плѣнныхъ составляютъ на мервскомъ базарѣ цѣнность отъ 4-хъ до

Предоставляю читателю судить, сколько правды во всемъ этомъ!.. Ближе ружейнаго выстрѣла Мехтемъ-Кули-ханъ ни разу въ жизни не видѣлъ генерала Скобелева, какъ и генераль—его. Въ самый разгаръ штурма Мехтемъ Кули-ханъ выбѣжалъ изъ Геокъ-Тепе и удалился въ Мервъ, гдѣ прожилъ безвыѣздно болѣе двухъ лѣтъ. Весною 1883 года онъ вернулся на Ахалъ и былъ отправленъ на коронацію въ Москву, куда прибылъ *послѣ смерти* Скобелева и гдѣ былъ произведенъ въ майоры.

¹⁾ Первый изъ нихъ теперь—подполковникъ и командиръ, а другой—ротмистръ туркменскаго дивизіона.

²⁾ „Переговоры между Россіей и Великобританіей. Официальное изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ“, стр. 22.

5-ти тысячъ рублей. Шайки, захватившія этихъ людей, конечно, давно ихъ продали и раздѣлили между собою вырученные деньги. Отъ кого же ихъ требовать?!.. Жадный мервецъ, не останавливающийся передъ убійствомъ даже изъ-за 10 крановъ, отдастъ ли добровольно свой товаръ, за который, въ видахъ барыша при перепродажѣ, онъ самъ заплатилъ не менѣе 300 рублей?!.. И наконецъ, еслибъ это и было возможно, что значить освобожденіе 14-ти плѣнныхъ, когда въ Мервѣ изнываетъ въ такомъ же плѣну и рабствѣ, по меньшей мѣрѣ, добрая тысяча разновременно захваченныхъ персовъ и персіанокъ?!..

Доказывая такимъ образомъ несостоятельность послышки переводчика, я просилъ полковника разрѣшить мнѣ поѣхать въ Мервъ, какъ человѣку, изучившему эту страну и уже знакомому со многими изъ мѣстныхъ воровъ.

— Я бы не имѣлъ ничего противъ этого, — возражалъ полковникъ, — еслибъ на меня не падала отвѣтственность, что послалъ офицера, а не переводчика, какъ приказано; — если, не дай Богъ, васъ тамъ убьютъ...

— Вы мнѣ не приказываете ѣхать, а я напрашиваюсь на эту поѣздку, — отвѣчалъ я; — слѣдовательно объ отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи... Откровенно говоря, изъ-за 14 персовъ я, быть можетъ, и не поѣхалъ бы въ Мервъ въ эту слякоть, да еще рискуя жизнью... Требовать прекращенія аламанства я также не намѣренъ, будучи убѣжденъ, что никто не въ силахъ сдѣлать это въ странѣ, гдѣ нѣтъ власти, гдѣ почти каждый изъ мужской половины двухсотъ-тысячнаго населенія — и аламанъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе живущій этимъ ремесломъ, и единственная власть надъ самимъ собою... Мною руководить иная цѣль, — предъявить мервскому народу, отъ имени нашего начальства, ультиматумъ: немедленно принять русское подданство или приготовиться къ повторенію въ Мервѣ геокъ-тепенсаго погрома... Я давно обдумываю этотъ шагъ, и давно у меня готовы доводы, которыми я думаю повліять на мервцевъ. Если осуществится моя надежда, — первыми ея результатами будутъ, конечно, безусловное прекращеніе аламанства, водвореніе въ странѣ порядка и освобожденіе — не 14-ти плѣнныхъ персовъ, а доброй тысячи этихъ несчастныхъ... И это еще не все. Покореніе Ахала, или, вѣрнѣе, одна только Скобелевская экспедиція, не считая походовъ сюда же 1872 и 1879 годовъ, стоила 37 милліоновъ рублей и цѣлыхъ рѣкъ крови. Мервъ въ пять разъ больше Ахала и по территоріи, и по численности населенія; доступъ къ нему гораздо труднѣе, и Геокъ-Тепе — просто игрушка

въ сравненіи съ чудовищними валами мервской крѣпости. Во что же обойдется завоеваніе этой страны?!.. Подумайте, какое дѣло мы поднесемъ Россіи, если намъ удастся мирнымъ путемъ, безъ капли крови и безъ рубля расходовъ, приобрѣсти этотъ край!..

Далѣе я не буду приводить всего, что еще говорилось за и противъ моего предложенія. Кончились наши дружескіе дебаты тѣмъ, что полковникъ Муратовъ, желавшій, конечно, чтобы результатомъ нашего движенія изъ Асхабада было что-либо болѣе существенное, чѣмъ военная прогулка на Тедженъ и обратно, не только согласился на мою поѣздку, но даже рискнулъ назначить со мною взводъ казаковъ, что я считалъ необходимымъ для представительности. Говорю: рискнулъ, потому что разрѣшено было отправить въ Мервъ съ переводчикомъ только нѣсколько джигитовъ, и на полковника, конечно, пала бы отвѣтственность, въ случаѣ какой-либо катастрофы съ его казаками...

Сборы наши были недолги. На слѣдующій день, 12 декабря, напутствуемый добрыми пожеланіями всего отряда, я выступилъ изъ Карры-бента въ сопровожденіи 20 казаковъ и 10 джигитовъ. Съ собою я взялъ еще Мехтемъ-Кули-хана, какъ человѣка, могущаго быть весьма полезнымъ среди своихъ соплеменниковъ, и конюера изъ чеченцевъ, Пацо-Пліева, по своему веселому нраву незамѣнимаго спутника во время скучныхъ и утомительныхъ переѣздовъ по безводной пустынѣ, какую представляли тогда первыя 120 верстъ отъ Карры-бента до края Мервскаго оазиса.

Въ числѣ джигитовъ были трое изъ тѣхъ, которые сопровождали нашъ караванъ еще во время первой моей поѣздки въ Мервъ, и между ними—извѣстный Акъ-Мурадъ-сардаръ, старый мервскій аламанъ, называвшій себя „пріятелемъ“ Скобелева. Онъ былъ словоохотливъ до того, что каждый мелочной вопросъ служилъ для него какъ бы ключомъ, заводившимъ его, какъ говорильную машину, на добрый часъ.

— Ну, что, Акъ-Мурадъ, — спрашиваю его, когда Карры-бентъ уже скрылся изъ виду, — охотно ѣдешь въ Мервъ?

— Нѣтъ, — осканился сардаръ. — Только за недѣлю передъ выѣздомъ изъ Асхабада я купилъ себѣ въ жены тринадцати-лѣтнюю дѣвушку...

— Не соскучился по аламанству?

Въ отвѣтъ на это, Акъ-Мурадъ выложилъ характерный автобіографическій разсказъ, настолько приложимый, съ нѣкоторыми варіаціями, къ жизни почти каждаго изъ тогдашнихъ текинцевъ,

что считаю нелишнимъ привести его здѣсь, вмѣсто описанія песковъ съ савсауломъ и голыхъ равнинъ, смѣняющихъ другъ друга по пути къ Мерву.

— Нѣтъ, я уже старъ сталъ, — началъ онъ. — На все — свое время. Аламанство — дѣло хорошее, но требуетъ молодости. Въ пустыняхъ между Хивой и Авганистаномъ, между Бухарой и Хорасаномъ нѣтъ тропки, не напоминающей мнѣ случая изъ моей жизни, нѣтъ колодца, изъ котораго я не утолилъ бы жажду... Сколько разъ я былъ раненъ, сколько разъ я былъ близокъ къ смерти то отъ голода, то отъ пули! Вся жизнь моя прошла въ скитаніяхъ, вся она полна приключеній... Въ дѣтствѣ, какъ и всѣ у насъ, я былъ отчаяннымъ калтаманомъ, а съ 18-ти лѣтъ и до встрѣчи со Скобелевымъ, въ продолженіе почти 30-ти лѣтъ, я существовалъ, по туркменскому обычаю, аламанствомъ. Сначала пѣшкомъ, потомъ на конѣ, а напоследокъ и въ качествѣ сардара, я грабилъ на границахъ Персіи, Бухары и Авганистана всѣхъ, кромѣ своихъ теккицевъ. У насъ нельзя иначе: я не прослылъ бы батыремъ, пытался бы одними дынными корками и никогда не имѣлъ бы жены, еслибы ограничился однимъ земледѣліемъ. Скучное да и тяжелое дѣло въ нашихъ странахъ — хлѣбопашество. Туркменъ рожденъ для аламанства. Для этого именно, для наѣздовъ, говорятъ у насъ, — Аллахъ и снабдилъ насъ такими лошадьми, какихъ нѣтъ ни у кого изъ нашихъ сосѣдей... Бывало, сегодня голодаемъ, завтра сговорились 20—30 человекъ, свалились, какъ съ неба, на одинъ изъ поселковъ Хорасана, — и чудное дѣло выходитъ: трусливые персы разбѣгаются какъ бараны, а ты себѣ вижешь преспокойно ихъ женъ, забираешь дѣтей, имущество. Продали все это, — и вся партія сыта и обезпечена на цѣлый годъ, если не болѣе... Но не всегда такъ кончалось.

Далѣе Акъ-Мурадъ началъ было рассказывать, какъ онъ однажды, нарвавшись съ своей шайкой на засаду и будучи при этомъ раненъ, очутился въ плѣну у персовъ, которые въ теченіе цѣлаго года, до выкупа, подвергали его всевозможнымъ пыткамъ...

— Но объ этомъ ты мнѣ уже рассказывалъ еще въ первую нашу поѣздку въ Мервъ, — прервалъ я рѣчь сардара, — а вотъ я не слышалъ, какъ ты „подружился“ съ Бѣлымъ генераломъ.

— Я былъ на Тедженѣ, — продолжалъ онъ, — когда русскіе взяли Геокъ-Тепе. Въ нѣсколько дней послѣ паденія крѣпости, пустыня, отдѣляющая Тедженъ отъ Ахала, покрылась бѣглецами изъ Геокъ-Тепе. Побросавъ имущество и думая только о спасе-

ніи жизни, все бѣжало и разсыпалось по степи, обѣятой страшнымъ холодомъ. Я видѣлъ, какъ умирали отъ этого холода и голода цѣлыя семейства, едва прикрытыя рубищами. Многіе были не въ силахъ не только добраться до Мерва, но даже дотянуть до Теджена. При такихъ обстоятельствахъ, текинцы послали меня къ Скобелеву просить помилованія и разрѣшенія вернуться. Я явился въ русскій лагерь подъ Лютфъ-абадомъ, и, признаюсь, первая мысль, которая мнѣ пришла здѣсь, была та, что дураки наши текинцы: русскихъ было такъ мало здѣсь, — нѣсколько сотъ человѣкъ, — что мы могли бы вырѣзать ихъ поголовно, еслибъ соединились и напали, вмѣсто того, чтобы погибать такъ глупо въ голодной пустынѣ...

— Эхъ, какой человѣкъ былъ *Скобулатъ*! — продолжалъ Акъ-Мурадъ послѣ нѣкоторой паузы, и всѣ черты его лица изобразили восторгъ. — Не то что сартибъ, но даже деревенскій старшина въ Персіи не подпускаетъ къ себѣ ближе пятнадцати шаговъ такого оборваннаго аламана, какимъ былъ я. Этотъ же генералъ назвалъ меня въ свою палатку вмѣстѣ съ переводчикомъ, выслушалъ просьбу, похлопалъ меня по плечу и выразилъ свое удовольствіе за то, что я взялся просить за своихъ собратьевъ. „Напрасно текинцы бѣжали, — говорилъ онъ далѣе. — Мы не преслѣдуемъ побѣжденныхъ. Пусть они вернутся къ своимъ мѣстамъ, — я имъ окажу помощь и покровительство“... Затѣмъ, узнавши, что я изъ Мерва, генералъ предложилъ мнѣ доставить туда его воззваніе. Я согласился. Вручая мнѣ на другой день письмо къ нашему народу, онъ выразился такъ: „Передай ты мервцамъ и на словахъ, что ихъ ожидаетъ участь ахаль-текинцевъ, если во-время не образумятся. Я совѣтую имъ изъявить покорность и исполнять наши требованія. Если же они предпочтутъ борьбу, — я прошу ихъ объ одномъ: пусть они выдѣляютъ свои семейства; я ихъ не трону. Не достойно храбраго народа подставлять подъ наши пушки неповинныхъ женщинъ и дѣтей“... Получивъ послѣ этого въ подарокъ отъ генерала сто серебряныхъ рублей и револьверъ, я пустился въ дорогу. — Вѣсть о словахъ Скобелева быстро разнеслась по Теджеу и большая часть бѣглецовъ потянулась обратно къ Ахалу... Въ Мервѣ со дня на день ожидали въ это время русскихъ и все населеніе было занято усиленіемъ крѣпости. Десятки тысячъ людей работали непрерывно, даже ночью, при свѣтѣ огромныхъ костровъ. Воззваніе Скобелева, однако, не имѣло успѣха. Каджаръ-ханъ разорвалъ его письмо и пригрозилъ мнѣ, какъ измѣннику, смертью, если я буду привозить въ Мервъ подобныя

бумаги. Въ то же время въ Мервѣ получено было извѣстіе, что русскіе возвратились изъ Лютфъ-абада въ Асхабадъ. Въ виду этого народъ прекратилъ крѣпостныя работы и разошелся. Послѣ этого, тайно выѣхавъ изъ Мерва, я снова пробрался на Ахаль и здѣсь сообщилъ обо всемъ Скобелеву, который наградилъ меня вторично и зачислилъ на службу. Съ тѣхъ поръ я былъ русскій хлѣбъ и, слава Аллаху, совершенно счастливъ и безъ аламанства...

Въ тотъ же день, выславъ нѣсколько впередъ джигитовъ и оставшись вдвоемъ съ Мехтемъ-Кули-ханомъ, — который, стѣсняясь своихъ соплеменниковъ, выѣхалъ въ дорогу въ туркменскомъ халатѣ, безъ всякихъ офицерскихъ знаковъ, — я посвятилъ его въ дѣйствительную цѣль нашей поѣздки въ Мервъ.

— Ты самъ боролся съ русскими въ Геокъ-Тепе, — говорилъ я между прочимъ, — и видѣлъ всѣ ужасы, испытанные бѣдными ахальцами. Ты лучше кого бы то ни было знаешь, что, несмотря на всю храбрость и отчаянныя усилія этого народа, борьба повела только къ тому, что половина народа легла костью, другая — обвиняла въ конецъ. Скажи откровенно: не жалѣешь ты, что была эта напрасная бойня, и не благоразумнѣе ли поступили бы ахальцы, если бы добровольно подчинились тогда Россіи?

— Конечно, — отвѣчалъ мой собесѣдникъ. — Теперь-то я вижу, что это было безуміе съ нашей стороны. Но развѣ мы могли думать, что насъ ожидаетъ подобный конецъ? Напротивъ, предшествовавшая неудача русскихъ (1879 года) такъ ободрила текинцевъ Ахала, что никто изъ насъ не сомнѣвался въ исходѣ борьбы. До послѣдняго дня мы были увѣрены, что истребимъ русскихъ, если они не уйдутъ такъ же, какъ ихъ предшественники. Мы даже собирались, съ этою цѣлью, на новую, черезъ нѣсколько дней, ночную вылазку всего народа, но русскіе предупредили насъ своимъ штурмомъ...

— Ты былъ въ Москвѣ, — продолжалъ я, — видѣлъ не всю, конечно, но хоть малую часть государства Бѣлаго царя; видѣлъ массу городовъ, массу войскъ, — слѣдовательно, имѣешь нѣкоторое понятіе о Россіи. Въ силахъ ли сопротивляться такому государству туркмены, если бы даже соединились всѣ ихъ племена?!

— Конечно, нѣтъ... Но вѣдь до поѣздки въ Москву и я этого не зналъ, а мервцы и теперь не знаютъ. Когда намъ говорили, что Россія — большое государство, мы отвѣчали, обыкновенно, что и Персія не малое царство, однако мы столько били этихъ персовъ, что отбили у нихъ всякую охоту къ намъ по-

казываться... О томъ, что и между большими царствами бываетъ разница, никто изъ насъ не думалъ тогда. Поѣздка въ Москву раскрыла мнѣ глаза: а народъ нашъ, по прежнему, пребываетъ въ своей слѣпотѣ...

— Вотъ теперь нашъ долгъ и цѣль нашей поѣздки — постараться снять пелену съ глазъ мервскаго народа, и тѣмъ самымъ удержать его отъ повторенія ошибки, которая погубила ахальцевъ... Ты, какъ текинecъ и сынъ Нуръ-Верды-хана, оставшаго славную память въ народѣ, несомнѣнно желаешь добра своему племени и можешь оказать намъ огромную помощь въ этомъ дѣлѣ. Я и рассчитываю на тебя больше, чѣмъ на кого бы то ни было. Убѣждай мервцевъ, при всякомъ случаѣ, одуматься и принять русское подданство. Увѣряй всѣхъ, что въ противномъ случаѣ ихъ ожидаетъ гибель неизбежная отъ русскихъ войскъ, которыя не сегодня—завтра двинутся на Мервъ...

— Рассчитывая на меня, ты не ошибешься, — отвѣтилъ Мехтемъ-Кули-ханъ. — Я буду стараться днемъ и ночью. Но, откровенно говоря, я не очень рассчитываю на благоразуміе мервцевъ: это народъ слишкомъ темный, слишкомъ своевольный и, по преданію, никогда не признавалъ ничьей власти надъ собою...

— Постараемся, насколько хватитъ силъ, — заключилъ я, — чтобы совѣсть наша была чиста, что мы выполнили свой долгъ, какъ люди, желающіе добра народу. А тамъ — что Богъ пошлетъ!..

Такимъ образомъ, первый изъ туркменъ и убѣжденный прозелитъ, такъ сказать, Мехтемъ-Кули-ханъ болѣе чѣмъ сомнѣвался въ окончательномъ успѣхѣ задуманной мною пропаганды среди мервцевъ. Но, какъ искренній сторонникъ, онъ, все-же, былъ хорошимъ приобрѣтеніемъ для дѣла.

До Мерва мы имѣли три ночлега подъ открытымъ небомъ. На второмъ переходѣ, передъ вечеромъ, на равнинѣ передъ нами показалась толпа въ нѣсколько десятковъ туркменскихъ всадниковъ. Одинъ изъ нашихъ джигитовъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ извѣстіемъ, что ѣдутъ мервскіе ханы. Когда мы приблизились, мервцы остановились и встрѣтили насъ, выстроившись въ одну линію, передъ которою стояли ханы: благообразный, но совершенный еще мальчикъ, Юсуфъ-ханъ; точно отлитый изъ темной бронзы, но съ привѣтливымъ выраженіемъ лица, старый аламанъ Сары-Батыръ-ханъ, и, наконецъ, тщедушный и обезображенный оспой, опіофагъ, Майли-ханъ. Эти трое были представителями текинскихъ родовъ Векиль, Бахши и Сичмазъ. Недоставало только четвер-

таго хана, Каракули-сардара, не пожелавшаго присоединиться къ нимъ; его, въ качествѣ представителя рода Бекъ, замѣнялъ Мурадъ-бай, человѣкъ огромнаго роста и одинъ изъ наиболѣе состоятельныхъ людей Мерва.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и безконечныхъ, по туркменскому обычаю, перекрестныхъ разспросовъ о здоровьи, я обратился къ ханамъ съ вопросомъ:

— Куда путь держите, съ созволенія Аллаха?

— Слышали мы,—отвѣчалъ Сары-Батыръ,—что русскіе на Тедженѣ пришли. Народъ нашъ волнуется, теряясь въ догадкахъ по этому случаю... И вотъ, мы разсудили выѣхать къ вамъ, чтобы получить достовѣрныя свѣдѣнія о цѣли вашего появленія. „Слухъ, какъ и струя воды, — говорятъ у насъ, — мутится по мѣрѣ удаленія отъ источника. За чистой водой надо идти къ самому источнику“...

— Прекрасно сдѣлали,—отвѣчалъ я. Но, къ сожалѣнію, вы немного опоздали, и тѣмъ лишили русскихъ удовольствія оказывать вамъ гостепріимство въ своемъ лагерѣ, такъ какъ теперь вы должны ѣхать со мною обратно въ Мервъ, гдѣ вы будете нужны мнѣ. Я отправляюсь туда, по приказанію моего начальства, именно съ тѣмъ, чтобы поставить вашъ народъ въ извѣстность о цѣли прихода русскихъ войскъ на Тедженѣ. О томъ же я буду говорить съ вами въ пути и въ Мервѣ... А теперь двинемся, чтобы засвѣтло прибыть на ночлегъ къ Куланъ-рабату.

— У Кулана нѣтъ теперь ни воды, ни топлива,—заявилъ Сары-Батыръ,—придется немного дальше проѣхать.

Я зналъ, что значить у степняковъ „немного“, но согласился, и мы тронулись. Впереди разсыпались мервцы, за ними — ханы со мною, и наконецъ — казаки. Вскорѣ стемнѣло, говоръ умолкъ, по степи раздается только глухой топотъ сотни коней... Мы уже давно проѣхали мимо развалинъ Куланъ-рабата, а мервцы, отдѣлившись далеко впередъ, то-и-дѣло погоняютъ своихъ коней... Во мнѣ уже начало-было зарождаться сомнѣніе, — не увлекаютъ ли насъ эти господа съ волчьими вождельніями?... Но вдругъ мервцы остановились и послышалось: „Пріѣхали“!

Мы слѣзали съ коней среди тощаго савсауловаго лѣса и на берегу небольшого дождевого озера, въ обстановкѣ, слѣдовательно, представлявшей все, что требуется для зимняго ночлега въ пустынѣ...

Немного погодя, запылали костры и освѣтили нашъ бивакъ съ характерными группами казаковъ и, въ особенности, воору-

женнихъ съ головы до ногъ текинцевъ, по сторонамъ которыхъ видѣлись не менѣ живописныя группы ихъ рослыхъ коней, сверкавшихъ при свѣтѣ огня своими серебряными уборами... Нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ живыхъ картинъ, такъ напрашивавшихся на полотно, и по сосѣдству съ огромнымъ костромъ, расположились со мною на разостланныхъ кошмахъ ханы съ нѣсколькими приближенными, и между ними Падо-Плиевъ, уже успѣвшій подружиться съ нѣкоторыми и развлекавшій всѣхъ своими рассказами... За веселымъ ужиномъ, состоявшимъ изъ смѣси дорожныхъ запасовъ русскихъ и туременскихъ, бесѣда наша тянулася здѣсь до поздней ночи...

Эта неожиданная встрѣча съ представителями Мерва была мнѣ на руку какъ нельзя болѣе. Она увеличила число ѣдущихъ со мною до сотни всадниковъ, что было далеко не лишнее для представительности русскаго „посланца“ и для перваго впечатлѣнія при въѣздѣ въ Мервъ. А главное, — хановъ окружали ихъ ближайшіе совѣтники, друзья и лица, не лишеныя нѣкотораго значенія въ народѣ. Вразумить и привлечь ихъ на свою сторону было весьма важно. Я и занялся этимъ, бесѣдуя по цѣлымъ часамъ въ пути и на ночлегахъ то съ отдѣльными лицами, то съ цѣлыми группами. Что таили въ душѣ эти темные мои слушатели, и всѣ ли убѣдились моими доводами, — я не знаю. Но, повидимому, угроза русскаго нашествія на Мервъ и возможности его послѣдствія, — для обрисовки которыхъ я, конечно, не жалѣлъ красокъ, — производили впечатлѣніе, что и требовалось... Во всякомъ случаѣ, наединѣ, еще по пути къ Мерву, меня многіе увѣряли въ своей солидарности со мною, а одинъ старикъ даже при всѣхъ и громко произнесъ, обращаясь ко мнѣ однажды на привалѣ, такую фразу:

— Тѣ, которые предпочтутъ гибель, пускай гибнутъ... Если ты пріѣхалъ на пользу Мерва, — да поможетъ тебѣ Богъ!.. Но помни нашу старинную поговорку: „Хорошій посредникъ соединяетъ племена, дурной — ихъ губитъ“... ¹⁾

Несомнѣнный же результатъ моихъ путевыхъ стараній заключался въ томъ, что ханы и Мурадъ-бай, которымъ обѣщаны были значительно лучшія условія существованія подъ властью Россіи, въ свою очередь обѣщали мнѣ свое содѣйствіе вполне искренно...

¹⁾ По-текински:

„Коу эльчи — эли бирларъ,
Яманъ эльчи — эли пузаръ“.

IV.

По Мервскому оазису.

Черезъ два дня послѣ встрѣчи съ ханами, мы подѣхали къ первому аулу Мервскаго оазиса, Топазу, и расположились въ немъ для ночлега. Хозяинъ отведенной мнѣ кибитки, Абдалъ-сардаръ, бывшій предводитель аламановъ, сутуловатый, сморщившій исподлобья старикъ, голова котораго напоминала стараго бизона, но оказавшійся впоследствии весьма добродушнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, провелъ въ бесѣдѣ со мною цѣлый вечеръ.

— Ну, что у васъ хорошаго, — спрашиваю между прочимъ, — каковы слухи?

— Да что можетъ быть хорошаго въ Мервѣ, — отвѣтилъ сардаръ, — *туркменчиликъ* ¹⁾, какого никогда не было: безначаліе, повальное воровство и раздоры... Всѣ желаютъ властвовать, но никто не хочетъ подчиняться, и грызутся, какъ собаки. Не даромъ у насъ говорятъ, что „туркмены — собачье отродье“... По ауламъ шатаются теперь и волнуютъ народъ авганскіе эмиссары: какой-то Искандеръ-ханъ и Сіяхъ - Пушъ; къ нимъ примкнулъ съ своими сторонниками глупый Каджаръ-ханъ. Такой же Каразули-ханъ привезъ изъ Хивы, въ качествѣ „правителя Мерва“, какого-то Атаджана, чтобы властвовать его именемъ. И теперь оба возбуждаютъ народъ противъ русскихъ, говоря, что лучше умереть, чѣмъ пустить къ себѣ гяуровъ... Чѣмъ все это кончится — Аллахъ вѣдаетъ...

Извѣстія были крайне непріятныя, но... я и не думалъ, что мой путь по Мерву будетъ устланъ одними розами безъ шиповъ. Объяснивъ Абдалъ-сардару, чѣмъ „все это“ должно кончиться, я перебрался на другой день къ Майли-хану, а остальные ханы разѣхались по своимъ ауламъ. Уѣхалъ также и Мехтемъ-Кули-ханъ на противоположный конецъ оазиса, къ своей мачихѣ, обѣщая собрать свѣдѣнія о персахъ послѣдняго плѣна.

Проведя въ аулѣ Майли-хана два дня въ постоянныхъ переговорахъ съ выдающимися текинцами рода Сичмазъ, которые приглашались ханомъ, или являлись сами, и подготавливая такимъ образомъ почву для будущихъ дѣйствій, я переѣхалъ съ тою же цѣлью къ Сары-Батыръ-хану, въ районъ рода Бахши. День здѣсь

¹⁾ Туркменщина.

прошелъ въ томъ же занятіи, но ночью случилось нѣчто неожиданное...

Послѣ ужина я, по обыкновенію, провелъ еще нѣкоторое время за своимъ дневникомъ и затѣмъ легъ, какъ всѣ эти дни, не раздѣваясь. Но не прошло и часа послѣ того, какъ вдругъ въ двери кибитки влетѣлъ, какъ бомба, Падо-Плиевъ и произнесъ торопливо:

— Ротмистръ, вставайте! Нападеніе...

— Что?!.. Какое нападеніе? — спрашиваю, вскакивая на ноги и хватаясь за оружіе.

— Въ темнотѣ не видно, — отвѣчалъ взволнованный юнкеръ, съ трудомъ произнося слова, — но какое-то сборище идетъ сюда съ громкими криками...

Я бросился въ кибитку казаковъ; они также суетились, расталкивая другъ друга.

— Ребята, слышны какіе-то крики. Будьте, молодцы, готовы на всякій случай! — произнесъ я и вышелъ во дворъ, гдѣ среди джигитовъ и десятка текинцевъ слышался голосъ Сары-Батыра. Къ нему же продолжали сбѣгаться люди изъ кибитокъ сосѣдняго аула.

— Что такое, ханъ? — спросилъ я, подходя къ нему.

— Турменчиликъ, — отвѣтилъ онъ, — съ ума сошли какіе-нибудь калтаманъ...

Крики между тѣмъ быстро приближались. Тогда вышелъ впередъ Сары-Батыръ-ханъ, и его голосъ зазвучалъ какъ труба.

— Идите, безумные, если рѣшились! — кричалъ онъ. — Но знайте, что вы доберетесь до моихъ гостей только черезъ наши трупы!

Въ ту же минуту, по приказанію хана, нѣкоторые изъ окружающихъ побѣжали передать его слова нападающимъ. Вскорѣ послѣ этого крики смолкли, и толпа отхлынула съ угрозами, что дождутся болѣе удобнаго времени...

Разставивъ вокругъ часовыхъ джигитовъ, въ эту ночь мы просидѣли еще нѣсколько часовъ у огня кибитки. Не скрываю, я былъ взволнованъ, но не грозившею намъ опасностью, нѣтъ, — я видалъ не такіе виды! — а тою степенью рыцарскаго благородства, которую проявилъ Сары-Батыръ-ханъ, и которой я, конечно, не ожидалъ отъ стараго аламана. Поэтому, разставаясь съ нимъ передъ разсвѣтомъ, я сказалъ:

— Спасибо тебѣ, Сары-Батыръ, за эту ночь! Отнынѣ — мы съ тобою друзья. Къ сожалѣнію, я не имѣю съ собою ничего цѣннаго, и поэтому прошу принять отъ меня на память эту вещь.

И, вынувъ изъ кобуры, я вручилъ ему одинъ изъ моихъ револьверовъ.

На другой день разспросы Сары-Батыра выяснили, что на нападеніе подстрекнулъ своихъ сторонниковъ Каджаръ-ханъ, по совѣту, конечно, авганскихъ эмиссаровъ...

Переговоры съ представителями родовъ Бахши и Сичмазъ убѣдили меня въ томъ, что среди мервцевъ не мало благоразумныхъ людей, сознающихъ невозможность дальнѣйшаго существованія ихъ разбойничьяго гнѣзда въ сосѣдствѣ съ Россією. Но эти люди скрывали свои убѣжденія въ виду настроенія большинства, привязаннаго къ своей независимости. Въ этомъ отношеніи, не удавшееся ночное нападеніе въ аулъ Сары-Батыръ-хана имѣло свою хорошую сторону: среди бахшинцевъ произошелъ расколъ, и та горсть людей, которая, сбѣжавшись на зовъ хана, избавила насъ отъ кровопролитія, послужила ядромъ *явной русской партіи*, возраставшей затѣмъ съ каждымъ днемъ моего пребыванія въ Мервѣ...

Покинувъ районъ рода Бахши, мы перешли на правый берегъ Мургаба, въ землю Бековъ, и, проѣхавъ черезъ Коушатъ-ханъ-калу, прибыли въ аулъ Каракули-хана. Кибитки послѣдняго стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ аула, и между ними красовалась яркая бухарская палатка, при входѣ въ которую, сохраняя свое достоинство, встрѣтили меня ханъ и „правитель Мерва“, Атаджанъ-бай.

— Узнаешь приказчика Сибиръ-ніязъ-бая? ¹⁾—спросилъ я Каракули-хана послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ.

— Узнаю,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой.—Мы и въ первый твой пріѣздъ подозрѣвали, что не Сибиръ-ніязъ, а ты—гвоздь каравана, только выдающій себя за приказчика.

— Тогда это нужно было,—продолжалъ я.—Теперь мнѣ не зачѣмъ скрываться, такъ какъ имѣю весьма несложное порученіе отъ русскаго начальства... Но прежде я хотѣлъ бы узнать, кого изъ себя представляетъ твой почтенный гость, Атаджанъ-бай?

— Я *хакимъ* (правитель) Мерва,—отвѣчалъ самъ Атаджанъ,—назначенный хивинскимъ ханомъ и утвержденный русскими.

— Откуда же взялось у хивинскаго хана право назначать правителя въ Мервѣ, и что значитъ выраженіе: „утвержденный русскими“?

Въ отвѣтъ на это, хивинецъ досталъ изъ лежавшей неда-

) Такъ прозвали текинцы Северина Косыха въ первый мой пріѣздъ въ Мерв.

лего отъ него шкатулки бумагу, развернулъ ее и, передавая мнѣ, произнесъ лаконически: „Прочти“.

Бумага эта меня поразила. На первой ея страницѣ было написано на джагатайскомъ языкѣ, что, „склоняясь на поступившую ко мнѣ просьбу всего мервскаго народа, и въ видахъ водворенія въ этой странѣ спокойствія и порядка, я, повелитель Хивы, Магомедъ-Рагимъ-ханъ, назначаю хакимомъ Мерва испытаннаго сановника моего, Атаджанъ-бая, въ увѣренности, что мервскій народъ послѣдуетъ его разумнымъ указаніямъ“; и т. д. На слѣдующей страницѣ русскій текстъ, за печатью и подписью тогдашняго туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Черняева, гласилъ кратко: „Одобряю выборъ его свѣтлости, хивинскаго хана, и утверждаю Атаджанъ-бая правителемъ Мерва“.

Для разъясненія этого и, встати, для характеристики Каракули-хана, необходимо сдѣлать маленькое отступленіе.

Во время перваго нашего пріѣзда въ Мервъ, о Каракули-ханѣ носилась плохая молва, и насъ предостерегали не довѣряться этому человѣку. Но онъ жилъ недалеко отъ насъ, заглядывалъ къ намъ, оставался обѣдать, и разъ позвалъ и къ себѣ на угощеніе, на которое мы отправились, скрѣпя сердце и скрывъ подъ халатами винжалы и револьверы, такъ какъ были почти увѣрены, что за трапезой этого хищника насъ ожидаетъ катастрофа или отравленіе. Опасенія, однако, не оправдались. За этимъ обѣдомъ я заговорилъ между прочимъ и о томъ, что напрасно мервскіе ханы не стараются сблизиться съ русскими властями, что имъ слѣдовало бы заглядывать и въ Асхабадъ, гдѣ ихъ несомнѣнно ожидаетъ радушный пріемъ, *подарки* и т. п. Мысль эта, повидимому, понравилась Каракули-хану. По крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, онъ явился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, въ Асхабадъ, гдѣ, однако, надеждамъ его не суждено было осуществиться. Вмѣсто радужія и чего-нибудь болѣе существеннаго, генераль Рербергъ, на пріемѣ подъ открытымъ небомъ, подарилъ ему суконый халатъ. Скромность подарка такъ подѣйствовала на алчнаго аламана, что онъ довольно грубо обратился къ переводчику со словами:

— Пусть генераль надѣнетъ халаты прежде на моихъ людей!..

Но эта фраза не имѣла послѣдствій, и ханъ, сдѣлавшій въ Асхабадъ и обратно 700 верстъ верхомъ, вернулся на родину съ двадцати-рублевымъ халатомъ, вызвавшимъ насмѣшки въ Мервѣ,

съ цѣлымъ адомъ злобы въ душѣ и съ твердымъ рѣшеніемъ прервать всякія сношенія съ русскими.

Вскорѣ послѣ этого энергичный ханъ, обуреваемый жаждой повелѣвать всѣмъ оазисомъ, отправился къ хивинскому хану и просилъ его, именемъ всего мервскаго народа, назначить въ правители Мерва одного изъ своихъ сановниковъ. При этомъ, какъ разсказывали мервцы, Каракули-ханъ, будучи самъ однимъ изъ безпокойнѣйшихъ людей своего народа, и не помышлялъ, конечно, о водвореніи въ немъ порядка, а руководился главнымъ образомъ мечтой—быть въ своей странѣ фактическимъ воротилой, прикрываясь именемъ хивинскаго ставленника, и, въ придачу, получить подарки отъ хивинскаго хана. Въ послѣднемъ, какъ говорятъ, онъ обманулся во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ въ Асхабадѣ, а первая—такъ и осталась мечтой. Правда, хивинскій ханъ назначилъ, а случившійся тогда въ Петро-Александровскѣ генералъ Черняевъ утвердилъ Атаджанъ-бая правителемъ Мерва. Но мервцы отнеслись болѣе чѣмъ индифферентно къ этой затѣѣ Каракули-хана, а остальные ханы не сочли даже нужнымъ познакомиться съ Атаджаномъ. Тѣмъ не менѣе, первый шагъ этого хивинца, по прибытіи въ Мервъ, заключался въ проектъ обложенія мѣстнаго населенія сборомъ на содержаніе стражи, который вызвалъ только глумленіе народа и не принесъ ни одного крана. Слѣдующія его попытки „управлять“ были столь же успѣшны. Затѣмъ прекратились всякія попытки, и въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ до моего пріѣзда хивинскій правитель пребывалъ въ Мервѣ въ совершенномъ забвеніи.

Вотъ краткія свѣдѣнія о двухъ моихъ собесѣдникахъ, съ которыми я встрѣтился въ пестрой бухарской палатѣ.

— Теперь я вижу, что ты дѣйствительно утвержденъ „ярымъ-падишахомъ“¹⁾,—продолжалъ я, обращаясь къ Атаджану послѣ прочтенія надписи Черняева.—Но Каракули-хана, какъ я слышу со всѣхъ сторонъ, никто не уполномочивалъ просить о назначеніи сюда „хакима“; слѣдовательно, онъ обманулъ хивинскаго хана, и тѣмъ самымъ заставилъ твоего повелителя ввести въ заблужденіе ярымъ-падишаха. По пріѣздѣ въ Мервъ, истина раскрылась передъ тобою какъ нельзя болѣе: вромѣ Каракули и двухъ-трехъ десятковъ его близкихъ, никто здѣсь тебя и знать не хочетъ, потому именно, что ты явился сюда непрошенымъ. Водворить какой-либо порядокъ въ странѣ тебѣ не удалось; на-

¹⁾ Т.-е. полу-государемъ. Такъ въ Средней Азіи величаютъ туземцы туркестанскаго генералъ-губернатора.

противъ, неурядица и аламанство приняли при тебѣ размѣры просто небывалые, чего русскіе не могутъ терпѣть въ своемъ сосѣдствѣ. Далѣе, не знаю, правда ли, но меня увѣрили здѣсь, что ты, человѣкъ, утвержденный русскими, распускаешь слухи крайне для нихъ неблагопріятные... Еслибы все это было извѣстно въ Хивѣ или въ Ташкентѣ, тебя бы давно отозвали. Поэтому я долженъ сказать въ заключеніе, что твое пребываніе въ Мервѣ бесполезно и нежелательно русскимъ. Ты долженъ вернуться въ Хиву и добросовѣстно доложить своему хану объ ошибкахъ, въ которую вовлекли его и ярымъ-падвшаха. Совѣтую сдѣлать это добровольно. Въ противномъ случаѣ я теперь же доведу обо всемъ этомъ до свѣдѣнія моего начальства, и тогда легко быть можетъ, что тебѣ придется покинуть Мервъ при худшихъ условіяхъ... Настаиваю на этомъ еще потому, — добавилъ я, — что не позже, какъ черезъ нѣсколько дней, Мервъ долженъ подчиниться Россіи, или же приготовиться испытать на себѣ, подобно Хивѣ и Ахалу, силу русскаго оружія; въ обоихъ случаяхъ тебѣ здѣсь нечего будетъ дѣлать...

Въ отвѣтъ на это, мнѣ пришлось выслушать со стороны видимо взволнованныхъ Каранули-хана и Атаджанъ-бая вучу безцвѣтныхъ возраженій и оправдательныхъ фразъ, приводить которыя не стоитъ. Конечный же результатъ былъ таковъ: мое письмо о встрѣчѣ съ Атаджаномъ и о необходимости его удаленія изъ края, хотя бы путемъ сношенія съ начальствомъ Туркестана, полковникъ Муратовъ переслалъ начальнику области. Затѣмъ, возникла ли по этому поводу переписка, и какая, — мнѣ неизвѣстно. Но еще недѣли за три до занятія нами Мерва, Атаджанъ покинулъ Мервъ, а вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Хиву и Каракули-ханъ...

Послѣ ночлега у этихъ господъ, я провелъ еще сутки въ аулѣ Мурадъ-бая и затѣмъ переѣхалъ въ районъ Везилей.

Обѣзжая такимъ образомъ оазисъ и останавливаясь у лицъ, пользующихся вліяніемъ, я старался въ пути и на ночлегахъ переговорить съ возможно большимъ числомъ людей, съ тѣмъ, конечно, чтобы перелить въ нихъ мое убѣжденіе, что Мервъ переживаетъ послѣдніе дни своего дикаго разгула, и что населеніе его, въ своихъ собственныхъ интересахъ, должно, путемъ добровольнаго принятія русскаго подданства, избѣгнуть неминуемаго, въ противномъ случаѣ, кровопролитія. Сущность моей аргументаціи я приведу ниже. Здѣсь же достаточно сказать, что проповѣдь моя далеко не была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, въ отдѣльности со мною соглашался почти каждый

тевинецъ, и, за рѣдкими исключеніями, главари народа были уже солидарны со мною, когда я закончилъ свой объѣздъ въ районѣ рода Векиль.

Здѣсь, въ аулѣ Юсуфъ-хана и его матери Гюль-Джамаль, гдѣ я засталъ и Мехтемъ-Кули-хана, мнѣ пришлось пробыть около десяти дней.

Въ самый день пріѣзда я узналъ, что въ числѣ гостей ханши находится авганскій эмиссаръ, капитанъ Искандеръ-ханъ, съ двумя товарищами. Я уже слышалъ ранѣе, что они разъѣзжаютъ по странѣ нѣсколько недѣль, и съ цѣлями, конечно, совершенно противоположными моимъ. Необходимо было устранить этихъ противниковъ, и судьба помогла мнѣ въ этомъ, пославъ неожиданную съ ними встрѣчу. Съ вечера я распорядился нанять въ аулѣ четырехъ надежныхъ туркменъ, для доставленія этихъ эмиссаровъ въ русскій отрядъ на Карры-бентъ, и когда это было сдѣлано, пригласилъ къ себѣ Искандеръ-хана. Явился рослый красавецъ, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ. Безъ дальнихъ околичностей, я объявилъ ему, чтобы онъ приготовился къ выѣзду изъ Мерва черезъ полчаса. Глаза авганца запылали при этомъ страшною яростью, но сопротивленіе было немыслимо, такъ какъ вслѣдъ за нимъ къ дверямъ подошли джигиты съ берданками.

— На какомъ основаніи, по какому праву ты арестуешь меня?!.. Я такой же офицеръ моего эмира, какъ ты своего Бѣлаго царя, — началъ было Искандеръ-ханъ, возвышая голосъ и сильно жестикулируя.

Объяснивъ ему въ двухъ словахъ, что мы находимся въ странѣ, гдѣ *сила* издавна составляетъ и право, и основаніе всякаго дѣйствія, я заключилъ словами, что *такъ нужно*, и что дальнѣйшіе разговоры ни къ чему доброму не поведутъ.

Авганцы выѣхали около полуночи. Этотъ поздній часъ былъ избранъ для того, чтобы враждебные намъ люди не отбили ихъ, что могло случиться при отправленіи ихъ днемъ. А на другой день я извинился передъ ханшей, что нашелъ себя вынужденнымъ нарушить въ ея домѣ права гостепріимства.

Слухъ объ арестованіи и высылкѣ авганскихъ эмиссаровъ быстро разошелся по Мерву и принесъ свою пользу. Первымъ его послѣдствіемъ было немедленное бѣгство изъ Мерва въ Иолатанъ другого, еще болѣе мутившаго населеніе, эмиссара Сіяхъ-Пуша съ его нѣсколькими приверженцами.

V.

Пребываніе у ханши.—Генгешъ и ультиматумъ.

Въ аулѣ Юсуфъ-хана, послѣ бесѣдъ съ его матерью, родственниками и приближенными, окончилась моя предварительная работа, — такъ сказать, зондированія настроенія и подготовки почвы. Теперь предстоялъ послѣдній рѣшительный шагъ, безъ котораго вся затѣя могла кончиться ничѣмъ.

Дѣло въ томъ, что многіе въ Мервѣ были запуганы возможностью нашествія русскихъ, и искренно желали отклонить эту грозу. Одни безкорыстно, другіе въ надеждѣ на вознагражденіе впослѣдствіи ихъ услугъ, обѣщали мнѣ свою поддержку и содѣйствіе. Но фактически никто въ этой странѣ не имѣлъ и тѣни власти; она всецѣло принадлежала самому народу. По старинному туркменскому обычаю, для рѣшенія такихъ важныхъ вопросовъ, какимъ въ данномъ случаѣ являлось принятіе или отклоненіе русскаго подданства, было необходимо постановленіе *ютеши*, т.-е. общаго собранія представителей народа. Только оно могло дать тотъ или другой отвѣтъ, имѣющій значеніе и силу. Къ нему я и рѣшился обратиться. Въ старину, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, генгешъ собирался на назначенное мѣсто по приглашенію одного изъ главарей народа. Такъ Коушутъ-ханъ трижды собиралъ генгешъ, который рѣшалъ переселеніе народа изъ Саракса въ Мервъ, возведеніе здѣсь огромной плотины на Мургабѣ и сооруженіе крѣпости.

Но послѣднія лѣтъ десять, благодаря наступившей въ странѣ анархіи, генгешъ уже не собирался никѣмъ, и, въ виду этого, меня затрудняли вопросы: гдѣ и какимъ способомъ собрать этотъ первообразъ парламента, да еще туркменскій?.. Было еще обстоятельство: я зналъ, что на генгешъ собирается до трехсотъ представителей, и каждый изъ нихъ пріѣзжаетъ съ двумя-тремя провожатыми. Нужно было принять всю эту ораву, поставить кибитки для ея размѣщенія и прокормить ее и сотни лошадей, по крайней мѣрѣ, три дня. Говорили, что это удовольствіе обходится въ нѣсколько тысячъ крановъ, которыхъ у меня тоже не было. „Какъ тутъ быть?“ — ломалъ я свою голову, и съ этимъ вопросомъ обратился къ ханшѣ *Гюль-Джамалъ*, о которой не лишнее сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Какъ мнѣ рассказывали въ Мервѣ, Гюль-Джамалъ считалась въ молодости одною изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ своего пле-

мени, и, по оригинальному обычаю туркменъ награждать заслуги своихъ выдающихся людей, была выдана въ жены Нурвердыхану, по приговору народа, вмѣстѣ съ значительнымъ райономъ земли и съ цѣлымъ оросительнымъ каналомъ. Но она оказалась обладательницею не только красоты, но еще и замѣчательнаго ума, тѣста, доброты и щедрости, и, благодаря этому, овладѣла вскорѣ и волею своего мужа, и симпатіями народа настолько, что верѣдко вліяла на рѣшеніе даже весьма важныхъ общественныхъ вопросовъ. Словомъ, Гюль-Джамаль была тогда, въ прямомъ и переносномъ значеніи, самою состоятельною личностью Мерва. Нечего и говорить, что я жаждалъ склонить на свою сторону столь популярную текинку, и, рассчитывая на нее, я не ошибся.

Выслушавъ меня, она проговорила безъ колебанія:

— Въ интересахъ нашего народа и моихъ сыновей, я не разъ приносила и не такія жертвы... Я созову генгешъ отъ твоего имени и охотно приму на себя всѣ хлопоты и издержки по приему, если только ты надѣнешся на успѣхъ...

— Я увѣренъ, что Мервъ или послѣдуетъ моему доброму совѣту, или сдѣлается жертвою русскихъ пушекъ,—отвѣчалъ я, и затѣмъ деликатно намекнулъ ей, что, во всякомъ случаѣ, ея издержки будутъ оцѣнены.

Это было 28-го декабря 1883 года. Ханша въ тотъ же день разослала гонцовъ по всѣмъ направленіямъ, съ приглашеніемъ на генгешъ, а въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней шли у нея горячія приготовленія къ приему сотенъ гостей. Изъ сосѣднихъ ауловъ свозили на верблюдахъ кибитки и устанавливали ихъ на ближайшей полянѣ. Рѣзали массу барановъ. Десятки туркменовъ пекли хлѣбъ, варили рисъ и т. п. Всѣмъ этимъ непосредственно распоряжалась сама Гюль-Джамаль. Вездѣ былъ ея глазъ, вездѣ слышался ея голосъ—спокойный, но повелительный.

30-го декабря начались сѣзды и угощеніе. Отъ говора и криковъ, топота и ржанья коней, непрерывнаго лая собакъ и неразлучныхъ съ туркменскими сборищами гортанныхъ пѣсенъ съ монотоннымъ рокотомъ балалайки, съ утра до поздней ночи стоялъ непрерывный звонъ во всемъ аулѣ ханши. А я въ это время, растянувшись на коврѣ или расхаживая по двору, обдумывалъ ультиматумъ, для предъявленія его, въ возможно внушительной формѣ, представителямъ Мерва.

Около десяти часовъ утра 1-го января 1884 года всѣ съѣхавшіеся ханы, ветхуды, ахсавалы всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскихъ текинцевъ, въ числѣ около трехсотъ человекъ, усѣлись огромнымъ

кольцомъ, на равнинѣ, за ауломъ ханши. За ними сплошной стѣной тѣснились двѣ-три тысячи любопытныхъ, а въ срединѣ круга былъ разостланъ для меня небольшой коврижъ.

Когда дали знать, что генгешъ готовъ и ожидаетъ меня, я направился къ нему въ сопровожденіи Папо-Пліева, который остался внѣ круга. Войдя въ средину одинъ, я произнесъ громко по-туркменски:

— Привѣтъ вамъ, уважаемые ханы и представители мервскаго народа!

Затѣмъ, опустившись на коверъ, я продолжалъ такъ:

„Вы, собравшіеся здѣсь, представляете совѣтъ лучшихъ умовъ мервскаго народа. Сегодня рѣшится его судьба. Она—въ вашихъ рукахъ, потому что будетъ зависѣть отъ степени вашего благо-разумія и осмотрительности. Приглашаю васъ, поэтому, выслушать меня съ должнымъ вниманіемъ. Отъ сильнѣйшаго государства въ мірѣ я уполномоченъ предъявить вамъ нѣчто чрезвычайное... Слушайте!

„На мнѣ лежатъ сегодня двѣ обязанности: первая, служеб-ная,—исполнить приказаніе высшаго русскаго начальства; вторая, нравственная,—по долгу человѣка, и къ тому же—мусульманина, вашего единовѣрца,—дать вамъ добрый совѣтъ лично отъ себя... Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ русскіе завоевали Ахалъ. Въ теченіе этого времени никто не посягалъ на вашу независимость и вамъ была дана полная возможность жить мирно, въ качествѣ добрыхъ сосѣдей. Это было сдѣлано между прочимъ и потому, что Мервъ самъ по себѣ не представляетъ особаго соблазна, и величайшему въ мірѣ русскому государству совершенно безразлично, принадлежитъ ему этотъ край или нѣтъ. Но русскіе убѣдились за тѣ же три года, что жить мирно—не въ вашихъ привычкахъ... Безначаліе, распущенность и повальные грабежи ваши сдѣлали то, что съ вами не только не мыслимы обыкновенныя, торговныя и вообще сосѣдскія отношенія, но нѣтъ даже проѣзда для мирныхъ людей какъ по странѣ вашей, такъ и по сосѣдству. Вы привыкли имѣть дѣло съ слабыми персами и, несмотря на свѣжій еще геокъ-тепенскій урокъ, забыли, къ сожалѣнію, что русскіе—не персы. Ни одно солидное государство не потерпѣло бы подъ бокомъ у себя вашего образа жизни. Россія и подавно нечего съ вами церемониться!.. И вотъ, насталъ моментъ, когда она считаетъ, что вы должны немедленно и безпрекословно сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, или же приготовиться встрѣтить черезъ двѣ недѣли русскія войска. Итакъ, выбирайте: благоденствіе мирной жизни, или—безпощадная война,

которая, смѣю васъ увѣрить, можетъ стереть съ лица земли не только васъ, но и самое имя Мерва!..

„Теперь я забуду на минуту, что я русскій офицеръ, и буду говорить съ вами частнымъ образомъ, въ качествѣ вашего едино-вѣрца.

„Обсудивъ спокойно русское требованіе, вы можете принять его—или рѣшиться на войну. Скажу вамъ откровенно, что я лично и всѣ подобные мнѣ русскіе офицеры будемъ рады войнѣ. Война съ вами, при вашей численности и вашемъ оружьи, была бы для насъ только забавой, которая, однако, принесетъ многимъ славу, чины, ордена, деньги, словомъ — все, о чемъ мечтаетъ каждый русскій военный. Но вы — не русскіе офицеры, ваше положеніе иное, и совершенно различныя послѣдствія ожидаютъ васъ, смотря по тому, на что вы рѣшитесь... Подумайте объ этомъ...

„Знаете ли вы, кто привелъ русскихъ въ глубь страны вашихъ собратьевъ, въ Асхабадъ? Я думаю, что не знаете, и потому расскажу вамъ:

„Русскимъ принадлежитъ, между прочими, и море Хазарское (Каспій). Многія сотни судовъ плаваютъ по этому морю, поддерживая торговлю между различными странами. Туркменскіе пираты съ Гасанъ-кули и Челикена стѣсняли свободу этой торговли, и, чтобы обезопасить ее, пришлось, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, занять Чагадамъ (Красноводскъ) и Чекишляръ. Текинцы Ахала сдѣлались тогда сосѣдями русскихъ, и вмѣсто того, чтобы жить по-сосѣдски, несмотря на всѣ увѣщанія русскихъ, не прекращали своихъ набѣговъ даже на самый Чагадамъ. Это безразсудное поведеніе ахаль-текинцевъ вынудило русскихъ на военное вторженіе въ ихъ страну, окончившееся геокъ-тепенскимъ погромомъ. Одна половина ахальскаго населенія легла костью, другая — лишилась всего имущества и впала въ нищету, отъ которой едва оправляется въ настоящее время... Что же выиграли ахаль-текинцы и не они ли привели русскихъ въ Асхабадъ?!

„Къ сожалѣнію, вы послѣдовали примѣру вашихъ неразумныхъ братьевъ, — вы вывели русскихъ изъ терпѣнія вашимъ аламанствомъ, и васъ ожидаетъ такая же судьба, если не образумитесь и не примете благоразумное рѣшеніе, пока есть время!.. Бухара, Хива и Коканъ были значительно сильнѣе васъ. Они также вынудили русскихъ взяться за оружіе. Вспомните, чѣмъ же кончилась борьба?!..

„Если васъ обуреваютъ такая степень помраченія разсудка, что вы не жалѣете лично себя, то подумайте о судьбѣ вашихъ неповинныхъ женъ, дѣтей и стариковъ, кровь которыхъ также

полезется ручьями, ибо пушки бьютъ, не различая правыхъ и виноватыхъ... Религія наша запрещаетъ непосильную борьбу, и Богъ не проститъ вамъ пролитія невинной крови, которая будетъ лежать на вашей совѣсти, на совѣсти представителей и руководителей народа, если не приложите всѣхъ усилій для того, чтобы спасти народъ отъ грозящаго ему не только бѣдствія, но просто—истребленія...

„Я знаю, люди несвѣдущіе, а можетъ быть и недобросовѣстные, вселили въ васъ убѣжденіе, что русскіе, какъ гяуры, не терпятъ мусульманъ и силою обратятъ васъ въ христіанство. Не вѣрьте этому!.. Мусульманскія царства Казанское и Астраханское присоединены къ Россіи нѣсколько столѣтій тому назадъ, Крымъ — болѣе ста лѣтъ въ подданствѣ Россіи, а многія провинціи Кавказа—десятки лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, жители этихъ странъ и сегодня—мусульмане, и почище васъ!.. Отецъ мой,—посѣтившій Мекку и Медину,—служилъ сорокъ лѣтъ и дослужился до чина генерала; я служу двадцать лѣтъ. Мы оба, слава Богу, мусульмане, а подобныхъ намъ—почти четырнадцать милліоновъ у Бѣлаго царя... Нѣтъ, русскіе не преслѣдуютъ мусульманъ, имъ нѣтъ дѣла до религій, они требуютъ только вѣрнаго подданства и добраго поведенія. Скажу болѣе, строгое соблюденіе правилъ всякой вѣры внушаетъ русскимъ только уваженіе...

„Для окончательнаго уясненія вамъ истины, скажу два слова и объ англичанахъ, такъ какъ знаю, что между вами есть люди, болтающіе объ Англіи...

„Въ какую бы страну ни направились русскіе, имъ постоянно приходится слышать, что мѣстное населеніе подстрекалось къ сопротивленію какимъ-нибудь англійскимъ эmissаромъ, вводившимъ народъ въ заблужденіе щедрыми обѣщаніями денегъ, оружія и даже войска. Не вѣрьте такимъ людямъ. Обѣщанія ихъ всегда оказывались пустыми словами и ни разу не помѣшали русскимъ придти и силою оружія привести въ исполненіе свою угрозу. Такъ было со многими народами, и съ ахальскими текинцами въ томъ числѣ; такъ будетъ и съ вами,—если дадитесь въ обманъ.

„Еще недавно вы дали бывшему здѣсь О'Доновану, за вашими печатами, огромную бумагу о томъ, что согласны быть подданными Англіи. Почему же послѣ этого англичане не пришли и не водворили порядка между вами? Потому что, имѣя на шеѣ такую обузу, какъ Индія, хотя и съ обабившимися индусами, они не въ силахъ это сдѣлать. Откуда они придутъ къ вамъ, когда васъ окружаютъ земли, не принадлежащія Англіи? А откуда придутъ русскіе—вы очень хорошо знаете. Въ ожиданіи

вашего отвѣта, въ трехъ переходахъ отсюда; на Карры-бентѣ, стоятъ передовыя ихъ войска, за которыми повалить къ вамъ столько тысячъ, сколько царской душѣ будетъ угодно... Знайте это!

„О томъ, что интересы ваши и вашего народа требуютъ непрекословнаго исполненія моего совѣта; что въ результатѣ его васъ ожидаютъ несравненно лучшія условія существованія, чѣмъ тѣ, которыми вы пользуетесь; а равно и о томъ, что нечего опасаться посягательства на вашу религію и обычаи,—я могъ бы говорить еще очень долго. Но я увѣренъ, что вы меня поняли, и потому, не распространяясь болѣе, ограничусь желаніемъ, чтобы Богъ вразумилъ васъ на доброе рѣшеніе и избавилъ вашъ народъ отъ грозящаго ему бѣдствія...

„Итакъ, подданство или—война?.. Я увѣренъ, что вопросъ этотъ уже рѣшенъ въ головѣ каждаго изъ васъ, и потому, для совѣщанія и передачи мнѣ отвѣта, даю вамъ полчаса времени. Каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, я оставляю Мервъ съ чистою совѣстью, что съ своей стороны сдѣлалъ все для того, чтобы отвратить отъ васъ бѣдствія неравной борьбы“.

Пока я говорилъ, въ кругу царило молчаніе; въ серьезныхъ лицахъ представителей и окружавшей толпы можно было читать только напряженное вниманіе и нѣкоторое впечатлѣніе. Но когда, окончивъ рѣчь, я поднялся съ мѣста, вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались громкія восклицанія:

— *Баракялла* (спасибо)!!.

Это было хорошее предзнаменованіе.

— Переговорить съ каждымъ изъ васъ въ отдѣльности я не могу и не нахожу нужнымъ. Пусть каждый родъ уполномочить одного для передачи мнѣ отвѣта, и когда онъ будетъ готовъ, пусть дадутъ мнѣ знать!—крикнулъ я въ заключеніе и, выйдя изъ круга, направился въ свою кибитку.

Минутъ черезъ двадцать, которыя я прождалъ не безъ нѣкотораго колебанія между надеждой и сомнѣніемъ, мнѣ дали знать, что отвѣтъ готовъ. Я снова вошелъ въ *тешиг* и занялъ свое мѣсто.

— Ну, кого вы избрали для передачи мнѣ отвѣта?

— Мехтемъ-Кули-хана! — послышались голоса съ разныхъ сторонъ.

Онъ сидѣлъ въ кругу, между представителями рода Векиль.

— Мехтемъ-Кули-ханъ, — обратился я къ нему, — въ чемъ состоитъ отвѣтъ мервскаго народа?

— Представители Мерва, — произнесъ онъ среди всеобщаго молчанія, — единогласно постановили принять подданство Бѣлаго царя...

Послѣдовала нѣкоторая пауза. Отвѣтъ точно свалилъ гору съ моихъ плечъ. Но, быстро совладавъ съ охватившимъ меня невольнымъ порывомъ радости, я спокойно прервалъ молчаніе:

— Теперь я вижу съ удовольствіемъ, что имѣлъ дѣло съ умными людьми. Потомство благословитъ васъ за это разумное рѣшеніе. *Баракялла!*.. Въ виду такого оборота дѣла я останусь въ Мервѣ еще три дня. Въ теченіе этого времени вы должны написать о вашемъ постановленіи просьбу на имя Бѣлаго царя, за подписями или печатами всѣхъ представителей народа; а также избрать депутацію изъ четырехъ родовыхъ хановъ и двадцати-четырехъ старшинъ (по одному отъ каждаго канала или отъ каждаго двухъ тысячъ кибитокъ) для представленія просьбы русскому генералу въ Асхабадѣ. Депутація эта пусть приготовится ѣхать со мною.

Этимъ кончились всѣ разговоры. Я вернулся въ свою кибитку, и черезъ часъ два джигита уже полетѣли на Карры-бентъ съ письмомъ къ полковнику Муратову.

„Поздравляю васъ, г. полковникъ, — писалъ я, — съ новымъ годомъ и съ новымъ славнымъ дѣломъ! Сегодня, въ полдень, ханы, представители всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскаго народа, собравшись на совѣщаніе въ числѣ около 300 человекъ и выслушавъ энергично имъ представленный ультиматумъ, единогласно постановили принять русское подданство и вручить свою судьбу Бѣлому царю. Черезъ три дня выѣду въ обратный путь съ прошеніемъ народа на Высочайшее имя и съ депутацію, которая съ ханами, старшинами, почетными лицами и сопровождающими ихъ будетъ простираться, вѣроятно, до полутораста всадниковъ. Надѣюсь, что на Карры-бентѣ имъ будетъ оказанъ должный пріемъ... Итакъ, до скораго свиданія!“

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, ко мнѣ явился письмоводитель Майли-хана, молла Клычъ-Ніязъ, съ огромнымъ листомъ навощеннѣй бухарской бумаги, на первой страницѣ которой крупными буквами было написано по-турецки:

„Прославленному, Великому Бѣлому Царю, Высочайшему повелителю русскихъ и иныхъ народовъ, — да продлится его благоденствіе и могущество, да не изсякнетъ его милость и благоволеніе, да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха!“

„Мы, ханы, старшины и уполномоченные представители всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскаго народа, собравшись сегодня ¹⁾ на генгешъ и выслушавъ присланнаго къ намъ штабсъ-ротмистра

¹⁾ 1 января 1884 года.

Алиханова, единогласно постановили добровольно принять русское подданство. Отдавая себя, свой народъ и свою страну подъ мощную Твою руку, Великій Царь, повергаемъ передъ твоимъ трономъ просьбу сравнить насъ со всѣми подвластными Тебѣ народами, назначить надъ нами правителей и водворить между нами порядокъ, для чего, по Твоему велѣнію, мы готовы выставить нужное число вооруженныхъ конниковъ.

„Для поднесенія сего постановленія народныхъ представителей, нами уполномочены 4 хана и 24 старшины, каждый отъ двухъ тысячъ кибитокъ“.

Этотъ документъ, хранящійся въ настоящее время въ государственномъ архивѣ, до поздней ночи покрывался затѣмъ печатями или подписями собравшихся на генгешъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней число этихъ подписей и приложений увеличилось еще нѣсколькими сотнями, такъ какъ во время обратнаго нашего слѣдованія черезъ аулы всѣ сколько-нибудь знающіе текинцы, наперерывъ другъ передъ другомъ, просили моего разрѣшенія приобщить и свое имя къ представителямъ народа.

На слѣдующій день мнѣ сообщили, что наканунѣ у Караули-хана и Атаджанъ-бая также происходилъ генгешъ, имѣвшій цѣль совершенно противоположную моимъ стремленіямъ. Но эти господа ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. На ихъ призывъ отозвалось только десятка три ихъ сторонниковъ, и результатъ ограничился нѣсколькими сѣдленными баранами...

Въ тотъ же день нарочный привезъ мнѣ отвѣтъ полковника Муратова на мое письмо, въ которомъ я выражалъ мысль о необходимости отозвать изъ Мерва хивинскаго „правителя“ и, если возможно, нѣсколько приблизить къ оазису хотя бы двѣ сотни казаковъ, что могло произвести извѣстное давленіе на генгешъ. Въ отвѣтѣ этомъ заключается, между прочимъ, слѣдующее:

„Совершенно согласенъ съ вами, что мое прибытіе къ озеру Карыбата принесло бы пользу дѣлу. Но я связанъ инструкціею командующаго войсками, которая не разрѣшаетъ мнѣ посылать даже сотню къ сторонѣ Мерва, далѣе одного перехода. А до Карыбата добрыхъ сто верстъ... Генераль пишетъ, чтобы на высылкѣ Атаджана изъ Мерва не особенно настаивать, но требовать выдачи персуконъ послѣдняго плѣна. Онъ прибавляетъ къ этому, что съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій о вашихъ дѣйствіяхъ. Пишите, ради Бога, чаще: мы всѣ истомились здѣсь въ ожиданіи вѣстей отъ васъ. Берегите себя и своихъ людей. Собираемся встрѣтить новый годъ пальбой всего отряда. Будемъ пить за ваше здоровье и успѣхъ вашего лихого предпріятія...

Посылаю вамъ № „Кавказа“, въ которомъ найдете подробности о смерти вашего предшественника по Мерву, ирландца О'Донована“...

Письмо это мнѣ снова напомнило о злополучныхъ персахъ, къ освобожденію которыхъ пока ничего не было сдѣлано. Теперь я заговорилъ о нихъ съ Мехтемъ-Кули-ханомъ и привелъ такіе аргументы.

Когда мы взяли Хиву, первое требованіе русскихъ заключалось въ томъ, чтобы немедленно были освобождены и отправлены на родину всѣ плѣнные персы. Это и было исполнено. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, когда русскія войска займутъ Мервъ, здѣсь повторится то же самое.

— Не попытаешься ли ты, — сказалъ я въ заключеніе, — объяснить это хозяевамъ персовъ, захваченныхъ въ послѣднее время, и вразумить ихъ, чтобы они сдѣлали теперь добровольно то, чтò неминуемо принуждены будутъ исполнить черезъ нѣсколько недѣль?.. Если это удастся, — ты доставишь большое удовольствіе нашему генералу.

Попытка, которую охотно теперь принялъ на себя Мехтемъ-Кули-ханъ, была весьма успѣшна. Изъ числа плѣнныхъ трое оказались уже отправленными въ Бухару на продажу, а съ остальными одиннадцатью освобожденными женщинами, дѣтьми и стариками, Мехтемъ-Кули-ханъ, черезъ нѣсколько дней, догналъ меня въ аулѣ Топазъ.

VI.

Возвращеніе. — Свиданіе съ губернаторомъ Саракса. — Прибытіе въ Асхабадъ и присяга мервской депутаціи.

Мы выѣхали изъ аула Гюль-Джамаль-бай утромъ 4 января. Въ теченіе этого и слѣдующаго дня къ намъ постепенно присоединялись изъ попутныхъ ауловъ назначенные въ депутацію ханы и старшины съ ихъ сопровождающими, такъ что къ прибытію на окраину оазиса, въ аулъ Топазъ, движеніе наше представляло большой и характерный туркменскій кортежъ, на пре-восходныхъ коняхъ, простиравшійся, вмѣстѣ съ нашими казаками и джигитами, до 200 всадниковъ.

Въ этомъ же аулѣ я получилъ съ нарочными второе письмо полковника Муратова, отъ 3 января, рисующее впечатлѣніе, произведенное въ Карры-бентѣ моимъ сообщеніемъ отъ 1 января. Вотъ оно дословно:

„Сегодня, въ пять часовъ пополудни, прискакали ваши посланные съ извѣстіемъ... просто ошеломляющимъ! Пробѣжавъ ваше письмо, я, не помня себя отъ радости, безъ шапки выскочилъ изъ кибитки и началъ кричать: „Сюда, сюда, господа!“... Черезъ нѣсколько секундъ, не только „господа“, но весь лагерь собѣжался ко мнѣ, точно по тревогѣ. Едва я успѣлъ, потрясая въ рукѣ ваше письмо, крикнуть: — „Поздравляю, господа, поздравляю, братцы: Мервъ у ногъ государя!“ — какъ вдругъ вся эта масса людей разразилась долго неумолкавшимъ, оглушительнымъ „ура!“ и въ воздухѣ полетѣли всѣ шапки... Отрядъ, словомъ, въ неопишемомъ восторгѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой сцены, я отправилъ ваше письмо командующему войсками, прибавивъ съ своей стороны только одно: „Мервъ у ногъ Его Императорскаго Величества“. Джигитамъ, отправленнымъ съ письмомъ, приказалъ быть завтра вечеромъ въ Асхабадѣ, во что бы то ни стало. Думаю, что самъ генералъ прискачетъ сюда... Что же еще сказать вамъ? Я не нахожу словъ, которыя могли бы выразить мою искреннюю благодарность. Дай Богъ, чтобы и дальше все шло такъ же гигантски хорошо!.. Весь отрядъ вамъ кланяется, а я жажду обнять васъ и съ нетерпѣніемъ жду вашего возвращенія съ представителями Мерва. Мехтемъ-Кули-хану и Папо-Плиеву шлю мой сердечный поклонъ, а вамъ — „вдовушку“ Редереръ. Весь вашъ, А. Муратовъ“.

Три дня на пути къ Карры бенту прошли незамѣтно. Общее настроеніе было радужное; смѣхъ и говоръ не умолкали ни на минуту. Но на последнемъ ночлегѣ судьба вздумала пошутить надъ нами. Случилось нѣчто траги-комичное, которое, однако, было настолько близко отъ серьезной катастрофы, что, при нѣсколько иномъ исходѣ, могло потребовать, по меньшей мѣрѣ, новой побѣдки въ Мервѣ, что отдалило бы недѣли на двѣ наше прибытіе къ отряду. Случилось вотъ что.

Последній ночлегъ, передъ Карры-бентомъ, мы имѣли около развалинъ Геокъ-Сююръ, въ открытой степи, кое-гдѣ поросшей мелкимъ кустарникомъ. Переходъ былъ большой въ этотъ день; къ ночлегу прибыли поздно, да еще предстояло выступленіе на разсвѣтѣ. Поэтому утомленные казаки быстро стреножили своихъ коней; туркмены, по обыкновенію, привязали своихъ къ желѣзнымъ кольямъ, вбитымъ въ землю; и тѣ, и другіе, разбившись на группы вокругъ костровъ, наскоро поуживали и повалились спать. То же самое сдѣлали и мы, оставивъ бодрствовать у костровъ только нѣсколько человѣкъ...

Прошелъ какой-нибудь часъ послѣ наступившаго на нашемъ

бивакъ затишья, какъ вдругъ точно дрогнула и загудѣла земля. Вслѣдъ затѣмъ мгновенно раздалась трескъ, ржанье коней и крики исполошившихся людей... Едва успѣлъ я вскочить на ноги и инстинктивно кинуться въ сторону, какъ, подобно сокрушительному урагану, пронеслась мимо, разметая костры, добрая сотня испуганныхъ коней... Съ четверть часа на бивакъ царилъ адъ кромѣшный... Но, вотъ, многихъ лошадей переловили, за другими поскакали конные, люди начали успокоиваться.

— Чтò случилось?! — обращаюсь въ недоумѣніи къ казакамъ и туркменамъ.

Изъ ихъ объясненій оказалось, что недалеко отъ лошадей внезапно раздалось какое-то грозное звѣриное рычаніе, какъ увѣряли туркмены, барса или тигра, которые довольно часто встрѣчаются въ густыхъ прибрежныхъ камышахъ Теджена. Это и было причиной паники лошадей, послѣдствія которой ограничились, къ счастью, пятью-шестью изрядно, однако, помятыми туркменами... Обойдя этихъ послѣднихъ и побывавъ у казаковъ, я вернулся къ своему истоптанному и разбросанному ложу съ сѣдомъ у изголовья, и тутъ только спохватился, что ни въ карманѣ пальто, ни около кошмы, на которой я лежалъ, нѣтъ моего дневника, а главное—прошенія мервцевъ на Высочайшее имя; почти съ тысячею печатей и подписей. „А чтò, думаю, если оно не отыщется или найдется въ изуродованномъ видѣ, чтò легко могло случиться подъ ногами людей и лошадей во время общей суматохи“?.. Меня бросило въ жаръ. Цѣлые часы поисковъ, которыми занимались почти всѣ, такъ какъ было обѣщано 25 руб. нашедшему, оказывались тщетными. И только на разсвѣтѣ бумаги, наконецъ, были найдены и, къ моему восторгу, безъ всякихъ поврежденій...

Радужный пріемъ, ожидавшій насъ въ Карры-бентѣ, составилъ цѣлое празднество. Разспросамъ и рассказамъ не было конца.

— Знаете ли, какъ было встрѣчено въ Асхабадѣ мое донесеніе о принятіи мервцами русскаго подданства?—между прочимъ, спрашиваетъ меня полковникъ Муратовъ.

— Не знаю,—говорю,—но очень интересно...

— Командующій войсками не повѣрилъ!.. Какъ мнѣ пишутъ, онъ воскликнулъ: „Какое тамъ присоединеніе!.. Пускай выдадутъ сначала плѣнныхъ“... Тѣмъ лучше,—прибавилъ полковникъ,—значить, совершился фактъ, казавшійся настолько невозможнымъ, что и вѣрить не хотять... Теперь надо послать генералу болѣе или менѣе обстоятельное донесеніе, какъ все это случилось, и извѣстить его о прибытіи мервской депутаціи. Затѣмъ, до на-

шего выѣзда въ Асхабадъ, мнѣ хотѣлось бы выполнить и послѣднее, недавно полученное, приказаніе генерала. Но я не знаю, какъ быть съ этимъ... Онъ пишетъ, чтобы я командировалъ на рекогносцировку Саракса подполковника Закржевскаго, а онъ, бѣдный, боленъ...

— Составленіе и переписка обстоятельнаго донесенія потребуютъ нѣсколькихъ дней,—отвѣтилъ я.— Не лучше ли будетъ, вмѣсто этого, при донесеніи о прибытіи депутаціи, отправить мой дневникъ, въ которомъ все изложено шагъ за шагомъ?.. А эти нѣсколько дней я охотно употребилъ бы на интересную поѣздку въ Сараксъ, если, конечно, Закржевскій ничего не будетъ имѣть противъ этого.

— И прекрасно!—воскликнулъ Муратовъ.—Быть по сему!

„По сему“ мы и поступили. Дневникъ въ тотъ же день полетѣлъ съ нарочными въ Асхабадъ, а рано утромъ слѣдующаго дня, съ Мехтемъ-Кули-ханомъ, съ Пацо-Плиевымъ и двумя десятками казаковъ и джигитовъ, я выѣхалъ въ Сараксъ. Все 225-верстное разстояніе туда по лѣвому берегу Теджена, и обратно—по правому, мы проѣхали въ четыре дня, и большею частью подъ проливнымъ дождемъ; а одинъ день провели въ Сараксѣ въ гостяхъ у персидскаго губернатора, Али-Марданъ-хана, который принялъ насъ чрезвычайно любезно.

О результатѣ этой поѣздки, въ смыслѣ рекогносцировки, я поведу рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ, посвященныхъ занятію нами Саракса. Здѣсь же передамъ только разговоръ съ персидскимъ губернаторомъ, по поводу рѣшенія мервцевъ принять русское подданство.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и взаимныхъ разспросовъ о здоровьи, когда, опустившись на ковры, мы принялись за неизбѣжные въ Персіи кофе и кальяны, губернаторъ Саракса обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы тотъ самый Али-ханъ, который недавно ѣздилъ въ Мервъ?

Я, молча, кивнулъ головой.

— Я знаю, мервцы вамъ дали бумагу, что принимаютъ русское подданство. Но придаете ли вы серьезное значеніе этой бумагѣ?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, я прочту вамъ то, что пишетъ мнѣ изъ Мерва одинъ изъ моихъ тайныхъ агентовъ.

Съ этими словами ханъ досталъ изъ-подъ тюфячка, на которомъ сидѣлъ, исписанный по-туркменски листъ бумаги и почти съ иронической улыбкой прочелъ изъ него слѣдующій отрывокъ:

„Сегодня выѣхаль отсюда прїѣзжавшій изъ Асхабада и пробывшій здѣсь двѣ-три недѣли русскій „самбъ-мансабъ“¹⁾ Алиханъ. Люди, чающіе что-либо получить за это, выдали ему бумагу, что нашъ народъ принимаетъ подданство Бѣлаго Царя. Народъ же, конечно, только смѣется надъ этимъ. Подобныя же бумаги мы не разъ давали прїѣзжавшимъ къ намъ изъ Ирана, Авганистана и даже Англіи, и готовы дать еще кому угодно“...

— Если подобныя бумаги, выданныя прїѣзжимъ изъ разныхъ странъ, — произнесъ я, подчеркивая каждое слово, — остались только *бумагами*, то, значитъ, повелители этихъ странъ были не въ силахъ ими воспользоваться. Русскій государь не таковъ. Онъ не позволить съ собою шутить!..

— Подождемъ, увидимъ, — отвѣтилъ ханъ.

— Могу васъ увѣрить, — заключилъ я, — что если не увидите, то услышите, что я правъ, и гораздо ранѣе, чѣмъ вы думаете...

Вернувшись черезъ два дня послѣ этого разговора въ Каррыбентъ, мы съ полковникомъ Муратовымъ и съ мервскою депутаціею выѣхали на слѣдующій день въ Асхабадъ, куда прибыли въ полдень 22 января.

О пріемѣ депутаціи въ Асхабадѣ и говорить нечего. Въ теченіе двадцатидневнаго пребыванія ее здѣсь чуть не на рукахъ носили...

Почти двѣ недѣли тянулись телеграфныя сношенія генерала Комарова съ Тифлисомъ и Петербургомъ. Въ первыхъ числахъ февраля были, наконецъ, получены разрѣшенія и приказы по разнымъ представленіямъ, а затѣмъ послѣдовалъ офиціальныи пріемъ депутаціи, происходившій въ домѣ начальника области.

Здѣсь, 6 февраля, въ большой залъ, гдѣ уже стояли въ парадныхъ мундирахъ всѣ мѣстныя военныя и гражданскія власти, были введены представители Мерва. Впереди нихъ сталъ почтенный сѣдобородый старикъ Дурды-Ніязъ, имѣя въ рукахъ обернутую въ золотую парчу просьбу на имя государя. Онъ вручалъ этотъ документъ вскорѣ вошедшему въ залъ генералу Комарову съ словами:

— Вотъ просьба, которую нашъ мервскій народъ повергаетъ къ стопамъ Бѣлаго Царя.

Генералъ развернулъ парчу и передалъ заключавшійся въ ней огромный бухарскій листъ переводчику, который громко

¹⁾ Чиновникъ, офицеръ.

прочелъ сперва турьменскій текстъ, а потомъ и русскій переводъ его.

— По Высочайшему повелѣнiю Государя Императора я принимаю вашу просьбу, — отвѣтилъ генералъ по окончанiи чтенiя. — Отнынѣ вы и вашъ народъ — подданные Бѣлаго Царя. Поздравляю васъ!

Затѣмъ, объяснивъ въ краткой рѣчи обязанности новыхъ подданныхъ и ихъ будущее устройство, генералъ высказалъ надежды и пожеланiя, и въ заключенiе объявилъ, указывая на меня, что я назначенъ начальникомъ мервскаго округа, что ко мнѣ должны обращаться они по всѣмъ своимъ дѣламъ и безпрекословно исполнять мои приказанiя.

Послѣ этого выступилъ впередъ турьменскій мулла съ кораномъ, и началась процедура приведенiя къ присягѣ депутацiи, по окончанiи которой генералъ объявилъ о Высочайшемъ пожалованiи Сары-Батыръ-хану, Майли-хану, Мурадъ-хану и шестнадцатилѣтнему сыну Гюль-Джамалъ, Юсуфъ-хану, чиновъ капитана милицiи, а остальнымъ членамъ депутацiи — золотыя медали на шею и почетныя халаты, которые тутъ же и были на нихъ возложены. Этимъ кончился прiемъ; и депутацiя удалилась. Меня же генералъ пригласилъ въ кабинетъ.

— Теперь намъ остается занять Мервъ войсками, — началъ онъ. — Какъ вы полагаете, какой отрядъ понадобится для этого?

— Ожидать какого-либо сопротивленiя со стороны мервцевъ, — отвѣчалъ я, — не вижу никакого основанiя. Тѣмъ не менѣе, въ виду триста-пятидесятиверстнаго разстоянiя, отдѣляющаго Асхабадъ отъ Мерва, бросить туда какую-нибудь роту или сотню, значило бы представить соблазнъ для неспокойнаго элемента, который можетъ оказаться и въ Мервѣ. Поэтому карры-бентскiй отрядъ, состоящiй ихъ 4-хъ ротъ, 2-хъ сотенъ и 2-хъ орудiй, я считаю не только достаточнымъ для расположенiя въ Мервѣ, но еще и способнымъ удержать его населенiе отъ всякаго соблазна...

— Вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ, — продолжалъ генералъ. — Значить, мы сдѣлаемъ такъ: вы съ депутацiею выйдете отсюда дня черезъ два-три и подождете въ Карры-бентѣ моего прiбытiя. Дальнѣйшее движенiе мы рѣшимъ тамъ, на мѣстѣ.

Такъ и было сдѣлано. 9-го февраля полковникъ Муратовъ выѣхалъ въ Петербургъ съ донесенiемъ о послѣднихъ событiяхъ, а я съ депутацiею — въ Карры-бентъ. Сюда же, черезъ три дня послѣ насъ, прибылъ командующiй войсками. Онъ поздравилъ отрядъ съ предстоящимъ ему на дняхъ походомъ въ Мервъ, а

представителямъ тебженскаго населенія объявилъ о назначеніи ихъ начальникомъ маіора Мехтемъ-Кули-хана. Миѣ въ тотъ же день вечеромъ генералъ сообщилъ слѣдующее:

— Я намѣренъ выступить отсюда съ отрядомъ 25-го февраля, значить—черезъ три дня. А вамъ нужно будетъ выѣхать съ депутаціею въ Мервѣ, если можно, завтра же, съ тѣмъ, чтобы вы успѣли собрать наиболѣе почетныхъ людей страны и съ ними встрѣтить меня на одномъ переходѣ до вступленія въ оазисъ. Успѣете это устроить?

— Вѣроятно, не встрѣчу въ этому препятствія.

— Рано вы думаете выѣхать?

— По обыкновенію, съ разсвѣтомъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, покойной ночи и счастливаго пути!—пожелалъ генералъ, и мы расстались...

М. Алихановъ-Аварскій.

ЗАКАСПІЙСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

1881—1885.

Окончаніе.

VII *).

Третья поѣздка въ Мервѣ и его занятіе.

Оставивъ за собою еще разъ пустыню, отдѣляющую Тедженскій оазисъ отъ Мервскаго, я съ своимъ конвоемъ расположился въ Топазѣ, а депутацію распустилъ по домамъ, съ приказаніемъ снова собраться ко мнѣ черезъ три дня для встрѣчи русскаго отряда. Каждому изъ четырехъ хановъ было поручено при этомъ привести съ собою не менѣе ста наиболѣе представительныхъ всадниковъ своего колѣна.

Послѣ ихъ отъѣзда, мой словоохотливый хозяинъ, уже знакомый читателямъ, старіежъ Абдалъ-сардаръ, прислѣлъ къ очагу въ срединѣ кибитки и выложилъ мнѣ всѣ новости Мерва. Слухъ о прибытіи генерала на Тедженъ и о предстоящемъ на-дняхъ появленіи въ Мервѣ русскихъ войскъ уже проникъ въ среду населенія. Каракули-ханъ и „правитель“ Атаджанъ бѣжали поэтому въ Хиву. Населеніе совершенно спокойно. Не унимается только Каджаръ-ханъ, подстрекаемый Сіяхъ-пушемъ.

*) См. выше: сентябрь, стр. 78.

— Онъ, говорятъ, покаялся, что не пустить русскихъ въ Мервъ,—сообщилъ Абдалъ, едва сдерживая смѣхъ.

— Какъ думаютъ мервцы,—спрашиваю,—кто такой Сіяхъ-пушъ?

— Да кто его знаетъ!—былъ отвѣтъ.—Одни называютъ его авганцемъ, другіе—индусомъ. Человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати. Выдаетъ себя за святого... Ходитъ въ остроконечной шапѣйъ деревниша, съ длинными, до плечъ волосами и съ завѣшаннымъ лицомъ... Говорятъ, что его постоянно снабжаетъ деньгами какой-то проживающій здѣсь еврей изъ Мешедъ, по порученію тамошняго англійскаго консула...

— Чего же онъ добивается?

— Раньше говорилъ все объ авганскомъ эмирѣ, а теперь подстрекаетъ людей противъ русскихъ...

— Что же, есть у него сторонники?

— Какіе тамъ сторонники?!.. Глупый Каджаръ-ханъ, да, можетъ быть, нѣсколько десятковъ голодныхъ крикуновъ изъ его аула, которымъ Сіяхъ-пушъ обѣщалъ по верблюжьему вьюку англійскаго золота...

Разсказы Абдалъ-сарлара, по которымъ можно было бы написать цѣлую эпопею мервскихъ аламановъ, сдѣлали то, что два дня въ Топазѣ пролетѣли незамѣтно, а на третій съ утра начали съѣзжаться ханы съ своими людьми. Въ этотъ же день нарочный привезъ мнѣ письмо генерала Комарова и сообщилъ между прочимъ, что вечеромъ отрядъ подойдетъ къ озеру Карибъ-ата, находящемуся верстахъ въ двѣнадцать отъ Топазъ. Полученное письмо столько же порадовало меня первою своею частью, сколько удивило второю. Вотъ что писалъ генералъ 26 февраля, изъ Кумъ-япа:

„Князь Дондуковъ-Корсаковъ, телеграммой отъ 22 февраля, сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ изволилъ пожаловать вамъ чинъ майора. Отъ души поздравляю васъ съ этимъ и радуюсь, что теперь не будетъ препятствія къ утвержденію васъ въ должности начальника Мервскаго округа.

„На Карибъ-ата я приѣду, вѣроятно, завтра къ вечеру, а можетъ быть послѣ-завтра. Обдумавъ хорошенько, я первую стоянку намѣренъ сдѣлать въ Порсу и пройти туда съ Карибъ-ата, черезъ Сичмазъ, степной дорогой. Сообразно съ этимъ и дѣлайте ваши распоряженія. До свиданія.—А. Комаровъ“.

Письмо это я могъ объяснить только недостаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями, а потому черезъ нѣсколько минутъ послалъ генералу слѣдующій отвѣтъ:

„По поводу вашего намѣренія пройти, съ отрядомъ, не входя въ оазисъ, прямо изъ Карибъ-ата, степной дорогой, и расположиться въ Порсу, давно заброшенные развалины котораго находятся совершенно на отлетѣ отъ населеннаго района, считаю своимъ долгомъ доложить вашему превосходительству слѣдующее: Расположиться въ Порсу, или гдѣ бы то ни было внѣ оазиса, не значить „занять Мервъ“; такой шагъ не вызывается необходимостью и можетъ произвести впечатлѣніе нежелательное. Для занятія Мерва надо идти прямо къ его сердцу и стать твердой ногой въ Коушутъ-ханъ-калѣ, чему обстоятельства считаю вполне благоприятными. Завтра встрѣчу васъ съ представителями Мерва“.

Къ вечеру уже собрались всѣ ханы и, въ числѣ ихъ, вошелъ ко мнѣ, въ сумеркахъ, сынъ знаменитаго Коушутъ-хана, невзрачный на видъ и слѣпой на одинъ глазъ, Баба-ханъ. На вопросъ—что новаго?—онъ отвѣчалъ:

— Новаго ничего нѣтъ, а продолжается старое: Каджаръ-ханъ дуритъ, какъ всегда. По пути сюда, я наткнулся въ одномъ аулѣ на шайку оборванцевъ, человѣкъ въ двѣсти, собранную этимъ сумасбродомъ и галдѣвшую, что не пустятъ въ Мервъ русскихъ...

— Ты хорошо знаешь Каджаръ-хана?

— Какъ же,—родственникъ...

— А моему слову ты вѣришь?—спрашиваю.

— Конечно...

— Такъ слушай. Я очень сожалѣлъ, что болѣзнь помѣшала тебѣ участвовать въ депутаціи и лишила несомнѣнной награды. Поэтому предоставляю тебѣ сегодня первый представившійся случай оказать услугу и... вернуть потерянное ¹⁾: Поѣзжай сейчасъ и, какими угодно способами, уговори Каджара пріѣхать ко мнѣ сегодня же, хоть на нѣсколько минутъ. Мнѣ нужно сказать ему нѣсколько словъ... А затѣмъ, если ему не угодно будетъ послѣдовать моему совѣту,—онъ свободенъ уѣхать отсюда во всякую минуту. Въ этомъ даю тебѣ слово, вотъ, въ присутствіи всѣхъ хановъ!

Баба-ханъ немного замаялся.

— Я попытаюсь,—отвѣтилъ онъ наконецъ,—но думается, что легче будетъ доставить сюда голову этого сумасброда, чѣмъ его живымъ.

¹⁾ И дѣйствительно, по моему ходатайству передъ начальникомъ области, Баба-ханъ получилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого чинъ прапорщика милиціи и являлся въ слѣдующемъ году, въ бою на Кушкѣ, лихимъ командиромъ сотни мервскихъ текинцевъ.

— Нѣтъ, головы мнѣ не надо!.. Увѣрь его, что я желаю ему добра. Если же онъ окажется неспособнымъ понять это,— передай ему отъ меня, что онъ весь остатокъ жизни будетъ кусать свои пальцы...

Баба-ханъ уѣхалъ и, часа черезъ три, когда я оставался одинъ, занятый своимъ дневникомъ, явился снова и произнесъ лаконически: „привель“!.. Едва я успѣлъ придвинуть ближе къ себѣ револьверъ и положить его такъ, чтобы былъ виденъ „званому гостю“, какъ въ кибитку вошелъ туркменъ огромнаго роста, съ мрачно-надменной фізіономіей, точно отлитой изъ темной бронзы. Этотъ Голіаѳъ, котораго не особенно пріятно было бы встрѣтить и на Невскомъ среди бѣлаго дня, еще представлялъ собой живой арсеналъ въ полутемной кибиткѣ. Помимо кривой сабли на боку, у него были за поясомъ „акъ-бичакъ“¹⁾ и два пистолета, а за спиною—двустволка. Въ такомъ видѣ предсталъ предо мною Каджаръ, бывшій недавно ханомъ всего Мерва, продававшій при этомъ за пятьсотъ рублей англичанина О'Донована, а теперь—пресловутый сторонникъ Сіяхъ-пуша, мечтавшій съ жалкой толпой мервскихъ босняковъ задержать наступленіе русскихъ...

— Добро пожаловать Каджаръ-ханъ. Садись!—указалъ я ему мѣсто противъ себя, не поднимаясь съ сидѣнья и не протягивая руки, изъ опасенія, чтобы она не осталась непринятою. Онъ, однако, не рѣшился опуститься на коверъ возлѣ очага и сѣлъ на какой-то сундукъ, видимо предпочитая, въ своей подозрительности, сохранить болѣе удобное оборонительное положеніе.

— Слышалъ, что ты умный человѣкъ, и радъ случаю познакомиться съ тобою,—началь-было я въ минорномъ тонѣ, какъ вдругъ Каджаръ грубо прервалъ меня вопросомъ:

— Зачѣмъ русскіе идутъ сюда? Чтѣ вамъ нужно?..

Это заставило меня перемѣнить тонъ и отвѣтить:

— Русскіе идутъ сюда по желанію всего мервскаго народа, чтобы положить конецъ царившимъ здѣсь волчьимъ нравамъ, сторонникомъ которыхъ остался теперь ты одинъ. Это ты можешь услышать отъ любого изъ четырехсотъ слишкомъ лучшихъ представителей страны, которые окружаютъ меня въ эту ночь, чтобы выѣхать завтра на встрѣчу русскимъ войскамъ... А теперь ты отвѣчай мнѣ: чего ты, считающій себя умнымъ человѣкомъ, думаешь достигнуть, отдѣлившись отъ своего народа и слѣдуя глупымъ совѣтамъ какого-то бродяги, Сіяхъ-пуша?!.. Подумай объ

¹⁾ „Акъ-бичакъ“ — большой ножъ, въ серебряныхъ ножнахъ, замѣняющій у туркменовъ кинжалъ.

этомъ; завтра уже будетъ поздно... Мнѣ извѣстно, какъ нельзя лучше, что въ Мервѣ всегда найдется одна-другая сотня голодныхъ воришекъ, которая послѣдуетъ за тобою и за кѣмъ угодно, и разбѣжится послѣ первой же встрѣпки. Неужели у тебя не хватаетъ ума сообразить, что подобные оборвыши, сколько бы ихъ ни было, не въ силахъ выдержать и одного дня борьбы,—куда тамъ съ государствомъ! — даже съ одной тысячею его воиновъ!.. Въ какую же бездну ты хочешь кинуться внизъ головой и вмѣстѣ съ собою безплодно погубить горсть темныхъ, безумныхъ людей, которые если и пойдутъ за тобою, то только повѣривъ твоимъ обманамъ?!.. Какой ты отвѣтъ дашь за это передъ Богомъ?!.. Скажу тебѣ больше: мы и бороться съ вами не станемъ. Если это понадобится,—сами мервцы перевяжутъ и выдадутъ васъ поголовно...

Каджаръ, не проронившій до сихъ поръ ни слова, вдругъ поднялся и хотѣлъ уйти.

— Подожди немного. Самое главное еще не сказано,—остановилъ я.—Ты вынудилъ меня произнести эти горькія слова. Но моя цѣль была иная. Я пригласилъ тебя потому, что искренно желаю тебѣ добра... Ты ошибся и сталъ на ложный путь. Но я готовъ забыть это разъ навсегда, если ты послѣдуешь моему совѣту. Поди, переговори, посоветуйся съ своими братьями и выѣзжай съ ними завтра въ Карибъ-ата, гдѣ я представлю тебя русскому генералу, какъ бывшего хана всего Мерва. Повѣрь, что ты не будешь разочарованъ... А затѣмъ, если останешься при прежнихъ мысляхъ, ты свободенъ, какъ и сегодня, уѣхать, когда и куда угодно и приняться за свое дѣло... Теперь,—съ Богомъ!..

Каджаръ всталъ и ушелъ безъ всякаго отвѣта. Черезъ часъ пришелъ Баба-ханъ и заявилъ съ улыбкой, что „сумасбродъ“ остается и поѣдетъ завтра на встрѣчу генерала.

Такъ кончился послѣдній день февраля. Слѣдующій день оказался чреватымъ всякими неожиданностями.

Выѣзжая изъ Топазы, я оставилъ здѣсь бывшихъ со мною дѣлепронаводителя маіора Ляшевскаго и повара Карапета. Упомяну объ этомъ потому, что, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, имъ суждено было попасть въ этотъ день въ трагическую обстановку и пережить такія минуты, послѣ которыхъ первый оказался нервно разстроеннымъ настолько, что черезъ годъ покончилъ самоубійствомъ; второй же посѣдѣлъ въ нѣсколько часовъ...

Когда я выѣхалъ къ длинной линіи конницы, выстроившейся

по дорогѣ въ Карибъ-ата, туземный письмоводитель представилъ мнѣ отдѣльно стоявшую небольшую группу всадниковъ, назвавъ ее „депутацію іолотанскихъ сарыковъ, съ Гусейнъ-ханомъ во главѣ“.

— Вы какимъ образомъ здѣсь? — спрашиваю.

— Мы, сарыки, сосѣди Мерва, небольшой народъ въ тридцать — сорокъ тысячъ душъ, живемъ въ Іолотанскомъ оазисѣ, — объяснилъ Гусейнъ-ханъ, тучный, коренастый мужчина съ обросшимъ лицомъ и съ заплывшими жиромъ добродушными глазами. — Узнавъ, что Мервъ принялъ подданство Бѣлаго Царя, народъ нашъ рѣшилъ послѣдовать этому примѣру и прислалъ насъ извѣстить объ этомъ.

— Прекрасно сдѣлали, — отвѣтилъ я, — такъ какъ это должно было случиться рано или поздно. Видно, что во главѣ сарыковъ стоятъ люди благоразумные... Поѣзжайте съ ними. Я васъ представлю генералу.

Затѣмъ мы тронулись и около полудня прибыли въ Карибъ-ата. Остановивъ и выстроивъ конницу въ полуверстѣ отъ озера, я помчался съ казаками и джигитами въ лагерь отряда, палатки котораго бѣлѣли на берегу самаго озера. Не успѣлъ я соскочить съ коня передъ ставкою командующаго войсками, какъ уже изъ палатки вышелъ генералъ Комаровъ и, не разглядѣвъ хорошо мчавшуюся за мною группу всадниковъ, встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Это и есть ваша мервская депутація?!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, это — казаки и джигиты. Мервская депутація со всѣми ханами, къ которой присоединилась сегодня еще и іолотанская, въ числѣ болѣе четырехсотъ всадниковъ, ждетъ васъ въ полуверстѣ отсюда.

Генералъ, повидимому не ожидавшій такого успѣха, прояснился и, потребовавъ дипломатическаго чиновника Таирова, поручилъ ему озаботиться приготовленіемъ всего необходимаго для угощенія пловомъ, бараниной и сладями всей массы прибывшихъ со мною людей. Затѣмъ генералъ выѣхалъ къ мервской конницѣ, предшествуемый джигитами, сопровождаемый казаками и окруженный пестрой свитой офицеровъ и чиновниковъ, между которыми были также камеръ-юнкеръ Чарыковъ и инженеръ Лессаръ, нынѣшніе посланники въ Сербію и въ Китаѣ. По мѣрѣ движенія нашего кортежа по фронту мервцевъ, я представлялъ изъ нихъ командующему войсками болѣе выдающихся и, между прочимъ, — іолотанскую депутацію и Каджаръ-хана. Вся эта процедура кончилась привѣтливою рѣчью генерала, который въ заключеніе пригласилъ всѣхъ быть „сегодня“ его гостями. Послѣ этого мы вернулись въ лагерь. Мервцы также послѣдовали за

нами и расположились на краю лагеря, гдѣ вскорѣ началось ихъ угощеніе...

Подъ вечеръ мнѣ сообщили, что „сумасбродъ“ Каджаръ-ханъ скрылся; а еще часа черезъ два, когда уже совершенно стемнѣло, за лагеремъ начали раздаваться угрожающіе крики какого-то сборища, продолжавшіеся до девяти часовъ и прекратившіеся сразу послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашихъ джигитовъ... На слѣдующій день отрядъ передвинулся къ Топазу, гдѣ мы узнали слѣдующее.

Наканунѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего выѣзда изъ этого аула, къ нему начали приближаться толпы, вооруженныя всякимъ хламомъ и предводимыя Сіяхъ-пушемъ и его сторонникомъ Дурды-Ходжа. Оставшіеся въ Топазѣ маіоръ Ляшевскій и Карапетъ, видя грозящую имъ опасность, не догадались вскочить на коней и мчаться вслѣдъ за нами. Гроза между тѣмъ надвигалась. Тогда прибѣжала къ нимъ въ кибитку съ двумя своими замужними дочерьми энергичная старуха, жена Абдалъ-сардара, выѣхавшаго съ нами, и тономъ, не допускающимъ возраженія, приказала своимъ гостямъ лечь. Едва Ляшевскій и Карапетъ исполнили это требованіе, три женщины разбросали между ними подушки, накинули сверху кошму, поставили сбоку ткацкій станокъ и, усѣвшись тутъ же, принялись за работу ковра, какъ ни въ чемъ не бывало... Черезъ нѣсколько минутъ на дворѣ слышались возгласы „гдѣ русскіе?“—и съ этимъ же вопросомъ толпа подошла вскорѣ къ дверямъ кибитки Абдалъ-сардара.

— Опоздали,—спокойно отвѣтила старуха:—русскіе съ утра уѣхали въ Карибъ-ата. Отправляйтесь туда,—тамъ ихъ сколько угодно...

Толпа отхлынула, но черезъ нѣсколько минутъ подходитъ другая, и нѣкоторые переступаютъ даже порогъ кибитки. Старуха вскакиваетъ тогда съ мѣста, хватаетъ у очага желѣзные щипцы и кидается на вошедшихъ съ кривомъ:

— Убирайтесь, голодные псы! Какихъ вы русскихъ ищете среди женщинъ?!.. Не русскіе вамъ нужны, а норовите, нельзя ли стянуть что-либо... Убирайтесь, говорю, если не хотите, чтобы я размозжила кому-нибудь голову!..

Подобныя сцены повторялись нѣсколько разъ, пока вечеромъ не прибылъ въ Топазъ Каджаръ-ханъ, который повелъ весь этотъ сбродъ въ сторону Карибъ-ата. Не трудно себѣ представить, что испытывали во все это время Ляшевскій и Карапетъ, задыхаясь подъ кошмой, не смѣя пошевелинуться и ежеминутно слыша

назойливая приставація шайки, разыскивавшей ихъ по всему аулу?!.. О послѣдствіяхъ пережитого ими я уже говорилъ...

Переночевавъ въ Топазѣ, отрядъ нашъ вступилъ на другой день въ густо населенный районъ оазиса. Предшествуемый блестящей мервской конницей, онъ двигался довольно торжественно между садами и аулами, поминутно переправляясь, въ бродъ или по жидкимъ мосткамъ, черезъ оросительныя каналы, и возбуждая любопытство населенія, тѣснивагося по сторонамъ дороги почти непрерывной шпалерой. Такъ мы прошли верстъ пятнадцать и расположились для ночлега на равнинѣ, недалеко отъ аула Сары-батыръ-хана. Вечеръ здѣсь прошелъ спокойно. Но ночь готовила намъ сюрпризъ и довольно непріятнаго свойства...

Было около полуночи, я еще не спалъ. Надъ соннымъ отрядомъ царила мертвая тишина, и возлѣ догорѣвшихъ костровъ бодрствовали только ночные, когда къ моей палаткѣ подскакалъ одинъ изъ конныхъ текинцевъ рода Бахши, которымъ было поручено наблюденіе за ближайшими аулами.

— Вставай, баяръ!—произнесъ онъ сдержаннымъ голосомъ, не слѣзая съ коня.

— Чтò случилось?—спрашиваю, выскочивъ изъ палатки.

— Идутъ,—коротко отвѣтилъ бахшинецъ.

— Кто такіе идутъ?.. Говори толкомъ.

— Да все тѣ же... толпы Каджара.

И дѣйствительно, едва я успѣлъ разбудить генерала и полковника Закржевскаго и объяснить имъ въ двухъ словахъ, что предстоитъ нападеніе, какъ уже противъ западнаго фаса лагеря, расположеннаго въ каре, послышались обычные и на этотъ разъ довольно многочисленные возгласы нападающихъ туркменовъ, которые, подражая какому-то звѣрю, оглашаютъ воздухъ пронзительными криками: „кыу, кыу, кыу“!.. Не прошло и минуты послѣ этого, какъ уже весь отрядъ былъ на ногахъ и въ полной готовности. Моментально прискакали къ намъ и ханы изъ своего бивака.

Крики между тѣмъ быстро приближались. Судя по голосамъ, нападающіе были не далѣе 150—200 шаговъ. Темные силуэты передовыхъ уже начали слегка вырисовываться при тускломъ свѣтѣ луны. Раздались наконецъ два-три выстрѣла въ нашу сторону, и среди стрѣлковъ кто-то громко и отрывисто крикнулъ: „ой“! Пуля попала несчастному въ животъ, и онъ свалился мертвымъ. Пора была образумить Каджара.

— Ваше превосходительство,—не выдержалъ я,—позвольте открыть огонь!

— Открывайте!

Вслѣдъ за этимъ, по командѣ полковника Закржевскаго, какъ одинъ выстрѣлъ грянулъ залпъ цѣлаго фаса, и... точно все пало замертво передъ нами: ни звука!.. Одинъ за другимъ раздались еще два залпа,—но это было больше „для очищенія совѣсти“,—и бой кончился.

— Давно надо было,—заговорилъ какъ бы про себя, когда все стихло, стоявшій возлѣ меня Сары-батыръ-ханъ. — Кричите теперь, безумные!.. Они забыли, что стоятъ передъ ними не персы, которыхъ можно было запугивать ночными криками...

Какъ выяснилось впослѣдствіи, крикуны дорого заплатились за свое безразсудство: семь человекъ изъ нихъ оказались убитыми и десятка два ранеными. Каджаръ и Сіяхъ-пушъ бѣжали изъ Мерва въ ту же ночь, а шайка ихъ разбрелась по ауламъ.

На слѣдующій день утромъ, пока отрядъ торжественно хоронилъ вблизи дороги, на возвышеніи, осѣненномъ нѣсколькими деревьями, убитого ночью молодого стрѣлка,—единственную нашу жертву при занятіи Мерва,—я съ нѣсколькими джигитами прискакалъ, по приказанію генерала, до ограды мервской крѣпости и, вернувшись, доложилъ, что путь свободенъ. Тогда войска двинулись въ дальнѣйшій путь и, переправившись около полудня черезъ Мургабъ, подошли къ сердцу Мерва,—къ чудовищной оградѣ Коушутъ-ханъ-калы. Это было 4-го марта 1884 года.

Внутри Коушутъ-ханъ-калы располагался тогда небольшой аулъ колѣна Геокча, на краю котораго валялись сорокъ-два орудія, двѣ мортиры и нѣсколько фальконетовъ,—народные трофеи мервцевъ, свидѣтельствовавшіе о пораженіи ими персидской арміи въ 1860 году. Затѣмъ, все внутреннее пространство крѣпости, представляющее площадь около ста десятинъ, было занято посѣвами и, большею частью, рисовыми полями, которыя въ извѣстное время года уподоблялись сплошнымъ болотамъ, развивавшимъ лихорадки и тучи мошекъ. Да и помимо этого, крѣпостная ограда, имѣющая около семи верстъ протяженія, представила бы огромныя неудобства для гарнизона въ четыре роты, двѣ сотни и два горныхъ орудія. По всѣмъ этимъ причинамъ было рѣшено расположить нашъ маленькій отрядъ, на первое время, внѣ ограды, на узкой полосѣ земли между крѣпостнымъ валомъ и Мургабомъ, такимъ образомъ, чтобы мы командовали внутреннимъ пространствомъ калы, чтобы на всякій случай оно было подъ нашими выстрѣлами. Въ первые же дни, площадь занятая отрядомъ, была обнесена—рабочими изъ мервцевъ, подъ руководствомъ сапернаго офицера Затецлинскаго—небольшимъ валикомъ со рвомъ. Возник-

шее такимъ образомъ крошечное русское укрѣпленіе на Мургабѣ, заставленное внутри рядами кибитокъ и палатокъ, послужило зародышемъ будущаго города Мерва, который, благодаря нахлынувшимъ со всѣхъ сторонъ искателямъ наживы, выросталъ настолько по-американски, что, менѣе чѣмъ черезъ два года, уже представлялъ на обоихъ берегахъ рѣки 16 широкихъ улицъ, массу красивыхъ зданій и желѣзнодорожныхъ сооружений, два капитальныхъ моста и до 15 тысячъ пришлаго населенія, помимо войскъ, численность которыхъ также значительно возросла... Но возвратимся къ началу занятія Мерва.

На третій день, когда были уже установлены въ укрѣпленіи заказанныя для меня кибитки, я устроилъ нѣчто въ родѣ „новоселья“ и пригласилъ къ себѣ командующаго войсками съ его окружающими и мѣстныхъ хановъ. Въ серединѣ обѣда меня вызвалъ „по важному дѣлу“ тотъ самый старикъ Дурды-Ніязъ, который въ Асхабадѣ, подносилъ генералу просьбу мервцевъ на Высочайшее имя.

— Мнѣ сейчасъ дали знать, — сообщилъ онъ шопотомъ, — что Каджаръ-ханъ, Сіяхъ-пушъ и ихъ приближенные возвратились сегодня изъ Іолотана и находятся теперь въ крайнемъ аулѣ рода Бахши, возлѣ кургана Геокъ-Тепе, не болѣе какъ въ двухъ часахъ пути отсюда, даже для пѣшехода.

— Спасибо, другъ, за извѣстіе, — сказалъ я старику, — и немедленно доложилъ новость генералу, съ разрѣшенія котораго вызвалъ хановъ и приказалъ имъ сказать въ указанномъ направленіи съ своими всадниками и во что бы то ни стало захватить названныхъ людей, обѣщая, въ случаѣ успѣшности выполнения этого порученія, тысячу рублей вознагражденія.

Ханы помчались точно на праздникъ и часа черезъ три вернулись сіяющіе, ведя передъ собою связанныхъ Каджаръ-хана, Сіяхъ-пуша, муллу Дурды-ходжа и *джадиди* Мамедъ-Рагима ¹⁾.

Нужно было видѣть еще недавно надменную, а теперь жалкую, избитую фигуру Каджара, который до того растерялся при внезапномъ нападеніи своихъ соплеменниковъ, что даже не нашелся взять что-либо изъ своего грознаго „арсенала“!..

¹⁾ Меня увѣряли, что, при посредствѣ этого джадиди, англійскій консулъ въ Мешедѣ снабжалъ деньгами Сіяхъ-пуша на дѣло возбужденія мервцевъ противъ русскихъ.

Джадидами называются въ Персіи еврей-торговцы, которые, оставаясь въ сущности послѣдователями религіи Моисея, формально принимаютъ исламъ, гарантирующій ихъ отъ преслѣдованія мѣстныхъ фанатиковъ. Сотни подобныхъ „мусульманъ“, въ первый же годъ занятія нами Мерва, перебрались сюда изъ священнаго Мешеда и выстроили здѣсь *синагогу*...

— Ну, что, Каджаръ, вѣрно я предсказывалъ или нѣтъ?.. Я старался сравнять тебя вотъ съ ними,—говорю, указывая на хановъ, бывшихъ верхами въ своихъ капитанскихъ погонахъ.— Ты не вяля моему доброму совѣту, и вотъ что вышло!.. Теперь пеняй, другъ, на одного себя...

— *Кысмаѣ* (судьба)!—едва слышно отвѣтилъ Каджаръ дрожащимъ голосомъ...

Сіяхъ-пушъ ¹⁾ держалъ себя съ гораздо бѣльшимъ достоинствомъ. Это былъ замѣчательно красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати-трехъ, съ матово-блѣднымъ лицомъ, съ большими выразительно-задумчивыми глазами, съ маленькой бородкой и съ длинными, распущенными по плечамъ волосами. На головѣ онъ носилъ тюрбанъ, повязанный вокругъ высокой, остроконечной тюбетейки, какъ его повязываютъ только индусы и авганцы. Глаза также были насурмлены по обычаю этихъ народовъ. Вообще же вся внѣшность и костюмъ его напоминали аскета-дервиша. По-персидски онъ говорилъ прекрасно, по-туркменски—съ акцентомъ авганца, и писалъ на этихъ языкахъ изящнымъ почеркомъ.

Въ срединѣ 1882 года Сіяхъ-пушъ точно изъ земли выросъ въ Юлотанскомъ оазисѣ. Онъ вскорѣ привлечь тамъ общее вниманіе и сдѣлался предметомъ толковъ, проникшихъ и въ Мервъ. Для достиженія своей цѣли, въ чемъ бы она ни состояла, ему нужно было пріобрѣсти вліяніе на туркменовъ, и онъ рѣшился, повидимому, эксплуатировать ихъ для этого на почвѣ религіи, окружая свою личность ореоломъ святости. Онъ показывался не иначе, какъ съ завѣшаннымъ лицомъ, говорилъ загадочно и съ длинными цитатами изъ корана. Для характеристики приведу нѣкоторые изъ его отвѣтовъ.

— Кто ты, какъ тебя зовутъ, какой ты національности?—ставлю вопросы, усадивъ его въ своей кибиткѣ.

— Я—созданіе Бога; зовутъ—человѣкомъ; моя нація—человѣчество.

— Изъ какой ты страны, гдѣ родился, сколько тебѣ лѣтъ?

— Я изъ той страны, куда назначенъ Богомъ. Родился тамъ же. Лѣтъ мнѣ столько, сколько нужно для прославленія Бога.

— Съ какою цѣлью ты явился среди туркменовъ?

— Цѣль извѣстна одному Богу. Я—не разсуждающій исполнитель Его воли...

¹⁾ *Сіяхъ-пушъ* значитъ по-персидски „чернорясникъ“. Это названіе носятъ воинственные горцы-язычники, населяющіе такъ называемый *Кяфиристанъ*, на границѣ Индіи и Авганистана.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ, съ поразительнымъ спокойствіемъ смотря мнѣ прямо въ глаза. Ничего болѣе яснаго я не могъ добиться, и это вывело меня, наконецъ, изъ терпѣнія.

— Послушай, ты—просто шарлатанъ!—разразился я.—Выбирай: или ты отвѣтишь по-человѣчески на всѣ мои вопросы, и тогда... ступай на всѣ четыре стороны; или же—я велю тебя повѣсить!

— Огвѣчаю, какъ велитъ Богъ,—продолжалъ Сіяхъ-пушъ съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ.—Если буду повѣшенъ, то также по волѣ Бога...

Я крикнулъ джигитовъ и приказалъ имъ взять этого нахала и повѣсить его на первомъ деревѣ, если черезъ полчаса онъ не изъявитъ согласія отвѣтить на всѣ мои вопросы... Еще ранѣе получаса явился урядникъ и передалъ слѣдующее:

— Сіяхъ-пушъ говоритъ, что онъ сказалъ все, и что если его потребуютъ вторично,—онъ не раскроетъ и рта.

Его, конечно, не повѣсили...

Камеръ-юнкеру Чарыкову было поручено специально заняться Сіяхъ-пушемъ и выяснить вопросъ,—чьимъ интересамъ служила эта темная личность? Но и онъ, сколько помнится, въ результатѣ своихъ трудовъ, остался при однѣхъ догадкахъ, между которыми болѣе вѣроятною казалась присылка Сіяхъ-пуша въ Мервъ извѣстнымъ претендентомъ на авганскій престолъ, Эюбханомъ, мечтавшимъ поднять туркменовъ и, при ихъ содѣйствіи, свергнуть эмира Абдурахмана. Когда же туркмены не выразили никакого желанія рисковать своими головами ради голоднаго авганскаго претендента, Сіяхъ-пушъ сдѣлался орудіемъ англійскаго консула въ Мешедѣ и сталъ возбуждать мервцевъ противъ русскихъ...

Такъ или иначе, но Сіяхъ-пушъ и три его клеветы высидѣли подъ арестомъ въ Мервѣ около недѣли и затѣмъ были высланы въ Россію. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Съ ихъ удаленіемъ, населеніе Мерва избавилось по крайней мѣрѣ отъ явныхъ нашихъ недруговъ, и дѣло устройства новаго края пошло затѣмъ безпрепятственно.

Но жизнь Мерва подъ властью Россіи уже не входитъ въ программу моихъ разсказовъ. Ограничусь поэтому нѣсколькими словами о первыхъ дняхъ этого періода.

Первымъ послѣдствіемъ занятія Мерва было уничтоженіе здѣсь невольничества и освобожденіе всѣхъ плѣнныхъ персовъ. Послѣднихъ оказалось около семисотъ человѣкъ разныхъ возра-

стовъ и положеній, не исключая и персидскихъ офицеровъ, захваченныхъ еще въ 1860 году. Въ теченіе двухъ недѣль всѣ они были доставлены, нѣсколькими партіями, персидскимъ властямъ Саракса и Дарайгеа.

Вторымъ памятнымъ событіемъ тѣхъ же дней послужилъ прїѣздъ въ Мервъ, черезъ два мѣсяца послѣ его занятія, главноначальствовавшего тогда на Кавказѣ, генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова. Князь прїѣхалъ съ блестящей свитой, въ сопровожденіи цѣлаго казачьяго полка, и въ трехъ переходахъ отъ Мерва былъ встрѣченъ мѣстной конницей въ числѣ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ. Кортѣжъ получился чисто царскій. Да и шесть дней, проведенныхъ княземъ въ нашемъ маленькомъ укрѣпленіи, въ разѣздахъ по оазису и въ посѣщеніи развалинъ древнихъ городовъ, долго вспоминались въ Мервѣ, какъ непрерывный рядъ празднествъ для войскъ и народа. Широкая, истинно барская натура князя тутъ обнаружилась вполнѣ: угощенія войскъ и народа слѣдовали день за днемъ. Награды и подарки сыпались точно изъ рога изобилія... Посѣтивъ, между прочимъ, и ханшу Гюль-Джамаль, князь торжественно вручилъ ей подарки, присланные, съ особымъ курьеромъ, изъ Кабинета Его Величества: пару массивныхъ золотыхъ браслетъ, украшенныхъ драгоценными камнями, такой же поясъ и роскошный соболій халатъ, крытый золотою парчей. Сверхъ того, и отъ себя лично князь подарилъ ханшѣ дорогое ожерелье и объявилъ, что, за оказанныя услуги, „Бѣлый Царь“ назначилъ ей пожизненную пенсію, по двѣ тысячи, а ея сыну, Юсуфъ-хану, по 1.200 рублей. Такимъ образомъ, издержки ханши на „генгешъ“ были возвращены ей сторицею...

Къ этому считаю не лишнимъ прибавить, что, благодаря какъ политическому, такъ и стратегическому значенію, которое англійскіе публицисты издавна придавали Мерву, присоединеніе его къ Россіи подняло цѣлую бурю въ англійскомъ парламентѣ и въ прессѣ. Между прочимъ, по порученію своего правительства, великобританскій посолъ при Высочайшемъ дворѣ, сэръ Э. Торнтонъ, заявилъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что включеніе Мерва въ предѣлы Россіи признается несогласнымъ съ принятыми, будто бы, ею обязательствами по отношенію къ Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посолъ освѣдомлялся о томъ, „какія предложенія русскій кабинетъ могъ бы сдѣлать Англіи съ тѣмъ, чтобы предупредить осложненія, которыя можетъ повлечь за собою вновь совершившееся расширеніе предѣловъ русскаго владычества по направленію къ границамъ Авганистана“?

Наше правительство отвѣтило въ томъ смыслѣ, что оно никогда не брало на себя обязательства воздерживаться, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, отъ занятія Мерва; а условія, при которыхъ неожиданно совершился этотъ фактъ,—ведущій за собою прекращеніе туркменскихъ разбоевъ и безусловно благотворный для будущаго положенія дѣлъ въ Средней Азій,—не таковы, чтобы могли служить поводомъ къ оспариванію свободы дѣйствій Россіи и къ заявленію какихъ-либо притязаній со стороны Англіи... Въ то же время, во избѣжаніе въ будущемъ всякихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ, Россія подняла вопросъ о необходимости разграниченія сферы нашихъ притязаній съ владѣніями авганскаго эмира, что повело къ столкновенію на Кушкѣ... Но объ этомъ рѣчь впереди.

VIII.

Присоединеніе Иолотана.

Въ послѣдніе дни своей независимости, туркмены довольно часто повторяли мнѣ ходячій афоризмъ своего народа: „Мервъ — крѣпость; остальные наши оазисы — только отдѣльныя башни. Взяли Мервъ, — значить, взяли всю Туркменію“... Изреченіе это, дѣйствительно, оказалось пророчествомъ, перешедшимъ въ область реальныхъ фактовъ не позже нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ занятія Мерва. Кахка, населенное туркменами рода Алили, и Тедженъ, находившійся въ рукахъ текинцевъ, были заняты нами еще по пути къ Мерву. Затѣмъ, послѣ Мерва, наступила очередь *Иолотана*.

Довольно обширная капа подъ этимъ названіемъ, съ разбросанными вокругъ аулами и базарными постройками, лежала тогда на лѣвомъ берегу Мургаба, на юго-востокѣ отъ Мерва и въ шестидесяти верстахъ отъ послѣдняго; а самый оазисъ, съ населеніемъ отъ тридцати до тридцати-пяти тысячъ душъ туркменъ-сарыковъ, начинался верстахъ въ двадцати отъ послѣднихъ мервскихъ посѣвовъ и тянулся по побережью рѣки верстъ на семьдесятъ. Это промежуточное пространство между двумя оазисами, — хотя и покрытое сѣтью старыхъ ирригаціонныхъ каналовъ и остатками кирпичныхъ построекъ осѣдлаго иранскаго населенія, жившаго здѣсь до конца XVIII столѣтія, — не было занято ни текинцами, ни сарыками только потому, что служило

ареной постоянныхъ схватокъ между этими враждовавшими тогда племенами. Помимо земледѣлія, іолотанцы занимались въ довольно широкихъ размѣрахъ скотоводствомъ, чему способствовала захваченная ими на лѣвомъ берегу Мургаба обширная степная площадь около 4.000 кв. верстъ.

Вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Мервомъ, сравнительно слабое населеніе Іолотана должно было, конечно, ранѣе другихъ послѣдовать примѣру текинцевъ. И дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ февраля 1884 года, черезъ три дня послѣ моего прибытія въ Мервъ въ качествѣ начальника округа, сарыки уже прислали ко мнѣ депутацію, съ Гусейнъ-ханомъ во главѣ, и съ заявленіемъ, что, по примѣру мервцевъ, они также просятъ о принятіи ихъ въ подданство Бѣлаго Царя. Какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, это было въ то время, когда мы уже выѣзжали изъ Топаза на встрѣчу нашего отряда. Депутація эта послѣдовала съ нами въ Карибъ-ата, гдѣ и была представлена генералу Комарову. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней послѣ занятія нашими войсками Мерва, генералъ отправилъ въ Іолотанъ, съ порученіемъ позондировать дѣйствительное настроеніе тамошнихъ сарыковъ, маіора Мехтемъ-кули-хана, который вернулся съ извѣстіемъ, что сарыки ждутъ къ себѣ русскихъ и будутъ очень рады избавиться, наконецъ, отъ безначалія и раздоровъ, такъ долго препятствующихъ ихъ благосостоянію...

Въ началѣ апрѣля того же года депутація сарыковъ, въ числѣ двѣнадцати уполномоченныхъ, съ двумя ханами, была отправлена въ Асхабадъ, гдѣ ихъ прибытіе совпало съ пріѣздомъ туда же генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, въ присутствіи котораго, 21 апрѣля, она и приняла присягу на подданство русскому императору. Оставалось только ввести у сарыковъ наше управленіе. Съ этою цѣлью я выѣхалъ въ Іолотанъ въ сопровожденіи мервской милиціи и сотни казаковъ, черезъ два дня послѣ отъѣзда изъ Мерва князя и начальника области. Конные сарыки, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, встрѣтили насъ на границѣ своего оазиса, а все остальное мужское населеніе—на базарной площади передъ оградой своего укрѣпленія. Здѣсь, на другой день послѣ пріѣзда, я торжественно объявилъ собравшемуся народу о его присоединеніи къ Россіи и къ Мервскому округу, и, утвердивъ избранныхъ ими аульныхъ старшинъ, а также казія и членовъ народнаго суда, объяснилъ имъ ихъ права и обязанности. Въ заключеніе было также объявлено, что, впредь до назначенія русскаго офицера

начальникомъ іолотанскаго участка, управленіе этого оазиса ввѣряется Сары-хану, который являлся главою наиболѣе крупнаго изъ сарыескихъ родовъ, да и вообще человѣкомъ болѣе вліятельнымъ въ народѣ.

До этого момента все шло какъ нельзя лучше. Но не успѣлъ я окончить послѣднюю фразу о Сары-ханѣ, какъ точно ужаленный вскочилъ съ своего мѣста глава другого изъ сарыескихъ родовъ, Гусейнъ-ханъ, и съ чисто туркменскою необузданностью заговорилъ чуть не съ пѣною у рта:

— Я такой же глава сарыевъ, какъ Сары-ханъ, и никогда ему не подчинюсь!.. Если уже назначать одного изъ насъ правителемъ всего Іолотана, то на эту должность я имѣю не меньше правъ, чѣмъ мой противникъ и врагъ...

— Эту глупую выходку, — отвѣтилъ я, — готовъ тебѣ простить только потому, что ты не знаешь русскихъ порядковъ. У насъ нельзя требовать должностей. Право выбора того или другого лица принадлежитъ поставленному выше начальству, въ данномъ случаѣ — мнѣ. Поэтому, успокойся, ступай на свое мѣсто и впредь будь умнѣе.

Гусейнъ-ханъ, однако, не унялся и продолжалъ настаивать на своемъ, указывая на то, что четыре хана въ Мервѣ назначены правителями своихъ родовъ. Тогда я кривнулъ джигитовъ и приказалъ взять Гусейнъ-хана подъ стражу, что моментально и было исполнено. Его заключили въ какую-то савлю и поставили караулъ. Но въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ явилась цѣлая депутація сѣдобородыхъ сарыевъ, съ Сары-ханомъ во главѣ, съ просьбою простить на этотъ разъ Гусейнъ-хана, который поступилъ по туркменской привычкѣ, глубоко раскаивается и т. д. Онъ, конечно, былъ освобожденъ, и инцидентъ исчерпанъ ¹⁾.

Такъ 12 мая 1884 года совершилось образованіе іолотанскаго приставства Мервскаго округа. Назначенный управлять имъ Сары-ханъ, мѣсяца черезъ два послѣ того, получилъ чинъ капитана, а черезъ нѣсколько лѣтъ и его глухой родинѣ суждено было дожидаться благихъ послѣдствій появленія паровоза, окрещеннаго туркменами „русскимъ верблюдомъ“...

¹⁾ Этотъ Гусейнъ-ханъ оказался въ послѣдствіи настолько разумнымъ и рынымъ служакой, что, года черезъ полтора, былъ назначенъ пендинскимъ ханомъ и произведенъ въ офицеры милиціи.

IX.

Занятіє Саракса и переселеніє изъ Персіи турменъ-салыровъ.

Въ главѣ VI-ой настоящихъ воспоминаній я говорилъ, что, по прибытіи изъ Мерва на Карры-бентъ съ мервскою депутаціею и до выѣзда отсюда въ Асхабадъ, мнѣ пришлось совершить еще поѣздку, продолжавшуюся около недѣли, для рекогносцировки Саракса. Результаты этой поѣздки, вмѣстѣ съ планами Нового Саракса и Рукнабада, были представлены мною въ особой запискѣ генералу Комарову, въ февралѣ того же года. Для ясности дальнѣйшаго повѣствованія, считаю необходимымъ привести здѣсь вкратцѣ нѣкоторые изъ свѣдѣній, заключавшихся въ упомянутой запискѣ, и дополнить ихъ позднѣйшими свѣдѣніями...

Обширный и всегда славившійся въ Средней Азіи необыкновеннымъ плодородіемъ, земледѣльческій районъ Саракса, снабженный цѣлою системой ирригаціонныхъ каналовъ изъ Герируда, иначе называемаго Тедженомъ, даже въ началѣ прошлаго столѣтія непосредственно прилегалъ къ послѣднимъ полямъ мервцевъ, пользовавшихся орошеніемъ изъ Мургаба. Довольно значительной пустыни, лежащей въ настоящее время между Мервомъ и Сараксомъ, не существовало тогда. Дорога, соединяющая оба эти пункта, была снабжена на всемъ протяженіи цистернами, каравансараями и даже помильными курганами ¹⁾, и служила важнѣйшею торговою артеріею между Ираномъ и Тураномъ. Благодаря такимъ сосѣдству и связи, Сараксъ во все время дѣлилъ судьбу Мерва. Это же случилось и въ 1884 году.

Городъ Сараксъ, когда-то цвѣтушій и сильно укрѣпленный, какъ свидѣлствуютъ его развалины, и называемый теперь *Старымъ*, лежалъ на высокомъ курганѣ, въ пяти верстахъ отъ праваго берега Герируда, и почти въ равномъ, сто двадцати-верстномъ, разстояніи отъ Мешеда и Мерва. Послѣдній разъ онъ былъ разрушенъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія войсками Аббасъ-Мирзы, и тогда же, подъ руководствомъ европейца-инженера, персы выстроили въ двухъ верстахъ отъ лѣваго берега Герируда *Новый Сараксъ*, представляющій собою сомкнутое глинобитное укрѣпленіе, стѣны и рвы котораго имѣютъ очертаніе 12 бастионныхъ фронтовъ расположенныхъ по эллипсису.

¹⁾ Остатки всего этого въ заброшенномъ видѣ свидѣлствуютъ и теперь о процвѣтавшей здѣсь культурѣ.

Правый орошаемый берегъ Герируда, какъ я уже говорилъ, до 1857 года занимали текинцы, а послѣ ихъ ухода въ Мервъ и до 1884 года онъ оставался безъ населенія, какъ подверженный постояннымъ наѣздамъ грабителей изъ Мерва. Послѣ паденія Геокъ-Тепе, вслѣдствіе временнаго прекращенія аламанства, персы рѣшились снова занять правый берегъ рѣки и возвели здѣсь, въ четырнадцати верстахъ отъ Новаго Саракса, укрѣпленіе, названное: *Рукнабадомъ*, въ честь брата покойнаго Насреддинъ-шаха, принца Рукнад-довле, бывшаго тогда намѣстникомъ Хорасана и лично руководившаго работами. Но это новое укрѣпленіе вскорѣ было брошено персами, вслѣдствіе возобновившихся въ 1882 году грабежей мервскихъ аламановъ...

Занимая почти центральное положеніе между Мешедомъ, Мервомъ и Гератомъ, Сараксъ имѣлъ всегда важное стратегическое значеніе, почему именно отсюда, какъ изъ пункта ближайшаго, всего чаще проникали, между прочимъ, и арміи арабовъ въ долину Герата и къ Мешеду, въ тѣ отдаленныя времена, когда Мервъ былъ столицею хорасанскаго намѣстничества багдадскихъ халифовъ. Это значеніе Сараксъ не утратилъ и въ наши дни, такъ какъ изъ четырехъ нашихъ аванпостовъ на авгано-хорасанскомъ фронтѣ ¹⁾ онъ представляетъ наибольшія удобства для наступательныхъ дѣйствій въ сторону Авганистана и Персіи. Отсюда, конечно, вытекаетъ совершенно основательное мнѣніе Реклю, что „городъ Сараксъ, построенный на Герирудѣ, при входѣ этой рѣки въ равнину туркменовъ, можетъ считаться еще болѣе, чѣмъ Мервъ, „дверью въ Индію“... „Сараксъ будетъ когда-нибудь или пунктомъ обороны для Англіи, или пунктомъ нападенія для Россіи“, — утверждалъ посѣтившій эту мѣстность, въ 1875 году, англійскій полеовникъ Макъ-Грегоръ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились настолько, что первое изъ этихъ предположеній уже не можетъ осуществиться; второе же болѣе чѣмъ вѣроятно, въ случаѣ, конечно, разрыва съ Англіею и при условіи проведенія изъ Душака на Сараксъ вѣтви закаспійской желѣзной дороги...

Такъ или иначе, но занятіе русскими Мерва и Иолотана имѣло своимъ послѣдствіемъ немедленное прекращеніе аламанства и водвореніе полнаго спокойствія во всей Туркменіи. Плодами этого умиротворенія воспользовались въ извѣстной мѣрѣ всѣ наши сосѣди въ Средней Азіи, а особенно — авганды и персы.

¹⁾ Керки, Пенде, Сараксъ и Асхабадъ.

Первые заняли Пендинскій оазисъ, на который не имѣли никакого права и изъ-за котораго произошло впоследствіи столкновение на Кушкѣ, окончившееся такъ бѣдственно для авганцевъ и для престижа англичанъ. Но рѣчь объ этомъ впереди. Вторые, т.-е. персы, задумали болѣе прочно водвориться въ районѣ Стараго Саракса, и съ этою цѣлью намѣрены были снова занять войсками Рукнабадъ.

Нечего и говорить, что осуществленіе этого плана могло принести немалый ущербъ нашимъ интересамъ въ Средней Азій. Помимо важнаго стратегическаго пункта, Саракса, мы лишились бы на неопредѣленное время и всей территоріи южнѣе этого пункта до границы Авганистана, т.-е. площади почти въ 12.000 квадратныхъ верстѣ. „Но этого, т.-е. занятія хотя бы пяди земли на правомъ берегу Герируда, въ районѣ туркменовъ, гдѣ спокойствіе водворилось вслѣдствіе присоединенія Мерва, отнюдь не слѣдуетъ позволить персамъ,—заклучилъ я свою записку, представленную генералу Комарову относительно Саракса, —такъ какъ вмѣстѣ съ Мервомъ къ Россіи по праву долженъ отойти весь районъ, въ которомъ господствовали мервцы“...

Въ началѣ мая 1884 г. разнесся слухъ, что персы приготовили въ Хорасанѣ отрядъ изъ трехъ родовъ оружія для занятія Рукнабада. Удержать ихъ отъ этого шага путемъ дипломатическаго сношенія уже не было возможности. При отсутствіи телеграфа, на это потребовалось бы много времени; а между тѣмъ персы могли весьма быстро пройти разстояніе въ сто-двадцать верстѣ, отдѣляющее Сараксъ отъ Мешеда. Оставалось одно—предупредить ихъ...

Передъ разсвѣтомъ 22 мая 1884 года, нарочный-туркменъ привезъ мнѣ въ Мервъ изъ Асхабада экстренное предписаніе командующаго войсками о томъ, чтобы, съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи, немедленно выступить въ сторону Саракса и постараться занять Рукнабадъ ранѣе отряда персовъ. Проѣхать, хотя и по безводной пустынѣ, сто-двадцать верстѣ, отдѣляющихъ Мервъ отъ Саракса, было дѣло весьма обыкновенное. Серьезная сторона порученія заключалась въ томъ, что отъ Мешеда до Саракса—тоже сто-двадцать верстѣ, и путь тянется все время по населенной странѣ. Персы, слѣдовательно, могли пройти это пространство еще легче, чѣмъ мы, даже при условіи одновременнаго выступленія отрядовъ изъ Мерва и Мешеда. Дѣло тогда сводилось бы къ выигрышу каждаго часа. Между тѣмъ, въ полученномъ мною предписаніи говорилось, что, по слухамъ, персидскій отрядъ въ 1.600 человекъ выступаетъ изъ Мешеда

20 мая, т.-е. двумя днями раньше, чѣмъ я получилъ приказаніе. Это обстоятельство уже дѣлало нашу задачу, на первый взглядъ, почти невыполнимою...

Собрались мы, конечно, съ лихорадочною поспѣшностью, и въ тотъ же день, въ 8 часовъ утра, я пустился въ путь съ двумя сотнями казаковъ кавказскаго полка и съ сотнею туркменовъ. Мы шли весь день и всю ночь, за исключеніемъ двухъ небольшихъ приваловъ, и утромъ 23 мая домчались до воротъ персидскаго укрѣпленія Рукнабадъ, который, къ нашему счастью, оказался никѣмъ незанятымъ. Поблагодаривъ казаковъ и туркменовъ за лихой маршъ, я слѣзъ съ измученнаго коня, и въ ту же минуту, какъ убитый, заснулъ на бурѣ, разостланной тутъ же, передъ воротами укрѣпленія...

Легко себѣ представить мое удивленіе, когда, проснувшись около полудня, я увидѣлъ надъ воротами Рукнабада персидскаго часового, а внизу, у входа, — офицера и человѣкъ пятнадцать солдатъ въ оборванныхъ персидскихъ мундирахъ!.. Чтò за притча, откуда они взялись?!.. — Говорятъ, что только-что пришли изъ Новаго Саракса.

Подозвавъ къ себѣ персидскаго офицера, я принялъ его со всѣми тонкостями восточнаго этикета: усадилъ, предложилъ чаю и справился о здоровьи не только его, но и его начальства. Выполнивъ такимъ образомъ обязанности гостепріимства, я спокойно обратился къ своему неожиданному компаньону съ такой фразой:

— Очень радъ, что при самомъ моемъ появленіи на нашей новой территоріи встрѣчаю здѣсь офицера сосѣдней дружественной страны. Но не считите это за недѣликатность, если я спрошу васъ, — по какой причинѣ вы здѣсь?

— По приказанію сартиба Али-Марданъ-хана, саракскаго губернатора, мы занимаемъ постоянный караулъ въ Рукнабадѣ.

— Но сегодня утромъ, когда мы прибыли сюда, васъ здѣсь не было...

— Мы ходили въ Сараксъ за провіантомъ... Въ виду прекращенія здѣсь туркменскаго аламанства, я полагалъ, что не рискуя укрѣпленіемъ, оставляя его на какія-нибудь сутки безъ охраны.

— Въ минуту нашего прибытія, здѣсь не было никакого караула, — отвѣчалъ я, — мы заняли пустой Рукнабадъ. Поэтому, васъ, явившихся сюда послѣ насъ, я могу признать только своими гостями, такъ какъ въ персидскомъ караулѣ теперь уже нѣтъ надобности. Вамъ, слѣдовательно, остается только вернуться

съ вашей командой въ Сараксъ и доложить о случившемся сартибу. Ему, если понадобится, я готовъ дать всякія объясненія.

Персъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Я прошу васъ, — отвѣчалъ онъ въ сильномъ волненіи, — разрѣшить мнѣ остаться здѣсь до полученія приказанія сартиба. Иначе я погибну...

— Переведите вашу команду на лѣвый берегъ Теджена, гдѣ она можетъ ожидать приказанія сартиба до сегодняшняго вечера. Вы же лично можете остаться здѣсь моимъ гостемъ.

Было прибавлено къ этому, въ утѣшеніе моего собесѣдника, что и самъ сартибъ принужденъ былъ бы поступить точно такъ же, такъ какъ сила на нашей сторонѣ...

Пока происходило это объясненіе, подошли наши офицеры и намъ подали завтракъ, за которымъ мы узнали между прочимъ, что персидскій отрядъ, предназначенный для занятія Рукнабада, ожидается въ Сараксъ только черезъ нѣсколько дней... Нашъ случайный гость ѣлъ, и въ особенности пилъ, весьма исправно, и послѣ нѣсколькихъ рюмокъ коньяка, всталъ, распростился съ нами и нетвердыми шагами направился къ своей командѣ. Черезъ нѣсколько минутъ оборванные сарбазы столпились вокругъ единственнаго осла, навьюченнаго солдатскимъ скарбомъ, и тронулись, не ожидая и вечера, прямо въ Сараксъ виѣсть съ своимъ офицеромъ...

Впослѣдствіи я узналъ, что Али-Марданъ-ханъ варварски расправился съ этимъ персомъ за оставленіе Рукнабада. Несчастнаго привязали къ столбу вверхъ ногами и, послѣ изряднаго количества палочныхъ ударовъ по пяткамъ, оставили въ такомъ видѣ подъ палящими лучами солнца...

Въ тотъ же день вечеромъ губернаторъ Саракса прислалъ ко мнѣ своего помощника съ запросомъ, — какъ объяснить внезапное вторженіе русскаго отряда на территорію, составлявшую со временъ Афросіаба достояніе Персіи? Я отвѣчалъ кратко, что мнѣ нѣтъ дѣла до историческихъ правъ Персіи, что я исполнилъ приказаніе своего начальства и объявляю теперь занятымъ русскими войсками весь правый берегъ Теджена до авганскихъ предѣловъ, и наконецъ, — что не уполномоченъ ни на какіе переговоры съ ними; что за этимъ слѣдуетъ обратиться къ русскому послу въ Тегеранъ...

Итакъ, предупредивъ персидскій отрядъ, мы заняли Рукнабадъ. Этимъ, въ сущности, и исчерпывалось полученное мною приказаніе. Но обстоятельства позволили сдѣлать больше; а потому, не останавливаясь передъ отвѣтственностью, я пошелъ дальше...

Въ дни нашего появленія, обширная территория Саракса представляла мертвую пустыню, хотя на каждомъ шагу видны были слѣды вѣкогда процвѣтавшей здѣсь жизни,—ирригаціонные каналы, развалины построекъ, ограды укрѣпленій, мечети и гробницы прекрасной архитектуры и т. д. Недоставало только рукъ для того, чтобы вновь воскресить эту страну. Но откуда взять населеніе?..

Мнѣ было извѣстно, что районъ Саракса, издавна славившійся своимъ плодородіемъ и обращенный въ пустыню только враждою мервскихъ текинцевъ къ персамъ, считался въ глазахъ туркменовъ благодатной страной, куда охотно устремилось бы любое ихъ племя при водворившемся теперь спокойствіи. Я и рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Сравнительно малочисленное туркменское племя салыровъ, вытѣсненное въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія сарыками и текинцами съ береговъ Мургаба, нашло себѣ убѣжище въ сѣверо-восточномъ углу Хорасана. Персы водворили ихъ, въ числѣ около 20 тысячъ душъ, южнѣ Саракса, на лѣвомъ берегу Герируда, въ неблагодарныхъ, въ агрикультурномъ отношеніи, окрестностяхъ Зирабада, главнымъ образомъ какъ даровой пограничный заслонъ со стороны Авганистана. Мнѣ также было извѣстно, что эти салыры тяготятся своимъ положеніемъ, что персидскіе ханы эксплуатируютъ ихъ на всѣ лады, и что поэтому они сочли бы за великое счастье быть хозяевами плодородныхъ полей Саракса, въ особенности подъ защитой могущественнаго Акъ-Падишаха. Принявъ все это въ соображеніе, въ ту же почъ съ 23 на 24 мая, я послалъ съ вѣсколькими туркменами своего туземнаго письмоводителя, прапорщика Молла-Саата, въ Зирабадъ, къ салырамъ, для переговоровъ съ ихъ главарями, а главнымъ образомъ для того, чтобы онъ склонилъ хановъ и старшинъ этого племени пріѣхать ко мнѣ въ Рукнабадъ „по весьма важному дѣлу“... Молла-Саатъ блистательно исполнилъ это порученіе и возвратился поздно вечеромъ 26 мая съ Теке-ханомъ и съ шестнадцатью другими представителями салыровъ. По мѣстному обычаю, ихъ предварительно угостили на бивакѣ туркменской милиціи, а затѣмъ ввели ко мнѣ въ кибитку. Здѣсь, въ общихъ чертахъ, имъ было сказано слѣдующее:

„Вы, салыры, въ числѣ трехъ—четырехъ тысячъ семействъ, уже вѣскольکو лѣтъ бѣдствуете въ Персіи, въ безплодныхъ окрестностяхъ Зирабада. Я знаю, что тамъ немыслимо развитіе ни земледѣлія, ни скотоводства. Вы обдѣляли тамъ еще и потому, что васъ немилосердно обираютъ персидскіе ханы. Неоднократ-

ныя и справедливыя ваши жалобы убѣдили васъ только въ томъ, что и въ высшихъ сферахъ Персіи только глумятся надъ правосудіемъ. Мнѣ нечего выставлять вамъ достоинства Саракса, который на вашей еще памяти кормилъ съ избыткомъ до сорока тысячъ текинскихъ семействъ, и знаю очень хорошо, что вы были бы безконечно рады переселиться на эти земли. Вопросъ лишь въ томъ, какъ устроить это переселеніе?.. Добровольно персы васъ не отпустятъ; напротивъ, будутъ противождать этому; слѣдовательно, ихъ и спрашивать нечего. Русское правительство не вмѣшивается въ это дѣло,—это не въ порядкѣ вещей. По моему, остается одно,—внезапно подняться всѣмъ населеніемъ и броситься на нашъ правый берегъ Теджена. Но... это дѣло рискованное, какъ вы сами поймете. Если, сохрани Богъ, персы провѣдаютъ о такомъ вашемъ намѣреніи,—они примутъ свои мѣры, и многимъ изъ васъ не сдобровать тогда. На успѣхъ можно рассчитывать только въ случаѣ быстрой рѣшимости и немедленнаго исполненія "...

Пока я развивалъ эту тему, вдаваясь и въ нѣкоторыя детали, салыры молчали.

— Да... дѣло хорошее, но и опасное,—заговорилъ первымъ сѣдобородый старикъ, казій.—Бѣда наша въ томъ, что нѣтъ единства у насъ: каждый родъ тянетъ въ иную сторону. Мы всѣ одинаково ненавидимъ персовъ; тѣмъ не менѣе, ихъ шпионы есть въ каждомъ нашемъ колѣнѣ...

— Мы этимъ шпионамъ заложимъ глотки!—воскликнулъ вдругъ, прерывая казія, Магомедъ-Теке-ханъ, старшина главнаго рода салыровъ, мужчина необычайнаго роста, за поясомъ котораго красовался *бехбутъ*¹⁾ въ золотой оправѣ, недавно пожалованный шахомъ „за преданность“.—Я или погибну, или подниму салыровъ съ Зирабада!.. Кто не захочетъ идти съ нами, пусть остается умирать съ голоду, пресмыкаясь передъ персами!.. Жаль,—прибавилъ онъ,—время немного неудобное: Тедженъ въ разливі; трудно будетъ переправить женъ, дѣтей, имущество и скотину, но... Богъ милостивъ!

— Не горячись, Теке-ханъ!—снова началъ казій:—серьезное дѣло нужно обсудить со всѣхъ сторонъ. Мы всѣ слышали, что изъ Мешеда идутъ персидскія войска,—они могутъ выйти намъ въ тылъ. Если въ то же время гарнизонъ Саракса загородитъ намъ дорогу, а Тедженъ не позволитъ переправу,—на что

¹⁾ Родъ кинжала.

мы можемъ тогда рѣшиться, имѣя на рукахъ женъ, дѣтей, стариковъ, скотъ и все имущество?!

— Не дѣло говоришь, казій!—возразилъ ханъ.—Проживши шестьдесятъ лѣтъ, ты точно не знаешь персовъ. Они никогда не осмѣливались столкнуться даже съ равнымъ числомъ туркменовъ. На что же они рѣшатся, когда увидятъ, что каждаго изъ нихъ ожидаетъ не менѣе 10 вооруженныхъ салыровъ, готовыхъ на все?...

— Во всякомъ случаѣ,—заключилъ я эти дебаты салырскихъ главарей,—предупреждаю, что вы не должны рассчитывать на нашу поддержку, если на томъ берегу Теджена, т.-е. на персидской территоріи, заварится какая-либо каша между вами и персами. Но, переступивъ на русскую почву, вы станете неприкосновенными для персовъ: тогда наша обязанность защитить васъ, еслибъ даже пришлось для этого прибѣгнуть къ оружію. Но, зная персовъ, полагаю, что они не доведутъ до этого... Подумайте, впрочемъ. Но если рѣшитесь—не теряйте времени и будьте осмотрительны...

Съ этимъ напутствіемъ салыры встали, и въ два часа утра 27-го мая пустились обратно въ Зирабадъ...

Прошли три дня. На разсвѣтъ 30-го мая ко мнѣ прискакали три конныхъ салыра съ извѣстіемъ, что все ихъ племя, поднявшись наканунѣ вечеромъ изъ окрестностей Зирабада и провозившись до полуночи съ переправою черезъ рѣку, потянулось къ Сараксу, по правому берегу Теджена, и будетъ слѣдовать безостановочно всю ночь и весь день. Они сообщили также, что персидскій отрядъ, слѣдующій изъ Мешеда, ночевалъ въ трехъ часахъ пути отъ Саракса и южнѣе этого пункта, на лѣвомъ берегу Теджена.

— Персы,—добавляли они,—вѣроятно, уже извѣщены теперь о бѣгствѣ салыровъ. Что они предпримутъ—Аллахъ вѣдаетъ...

Немедленно поднявъ всѣ три сотни, я выступилъ съ ними въ сторону Саракса, чтобы, въ случаѣ нужды, оградить салыровъ отъ враждебныхъ дѣйствій персовъ. Мы шли большею частью на рысяхъ. Было около одиннадцати часовъ утра, когда на горизонтѣ передъ нами начала обрисовываться картина, которой никогда не забуду!.. На встрѣчу къ намъ несея точно ураганъ. Въ страшныхъ облакахъ пыли вскорѣ, однако, начали выясняться фигуры людей и животныхъ, перегонявшихъ другъ друга. Теперь казалось, что мы встрѣтили объятый ужасомъ цыганскій таборъ,—но какой таборъ?!.. Весь горизонтъ застилали

слишкомъ двадцать тысячъ пѣшихъ и конныхъ салыровъ, перемѣшавшись съ стадами овецъ, между которыми, то тамъ, то здѣсь, колыхались на верблюдахъ группы женщинъ и дѣтей. Въ воздухѣ стоялъ оглушительный звонъ, въ который соединились всѣ разнородные звуки криковъ и движенія, рева, блеянья и ржанья десятковъ тысячъ живыхъ существъ. Подъ раскаленными лучами солнца все это составляло въ высшей степени характерную живую картину, съ тысячами возбужденныхъ лицъ, среди ярыхъ нарядовъ, лохмотьевъ и всякаго скарба...

Но, вотъ, мы почти сошлись съ передовыми группами салыровъ, и тогда между ихъ возгласами послышались обращенные къ намъ крики: „Койма, койма, баяръ!“¹⁾, причемъ многіе указывали на лѣвый берегъ Теджена, скрывавшійся въ облакахъ пыли. Теке-хапъ, вскорѣ подсказавшій ко мнѣ съ толпою всадниковъ, объяснилъ значеніе этихъ криковъ. Оказалось, персидскій отрядъ, шедшій изъ Мешеда, только-что остановился на лѣвомъ берегу Теджена, на одной высотѣ съ нами, и, угрожая салырамъ, выкатилъ къ берегу четыре орудія. Въ виду этого, снова тронувшись на рысяхъ, мы развернулись и стали на берегу рѣки между персами и салырами, заслоня собою послѣднихъ. Внезапное появленіе нашихъ сотенныхъ значковъ произвело свое дѣйствіе на обѣ стороны: персы, простоявъ передъ нами въ безсильной злобѣ около часа, спялись и медленно потянулись къ Сараксу; а салыры, продвинувшись версты на двѣ отъ берега, остановились и начали разбивать свои кибитки, устроить шалаши и разворачивать для просушки имущество, промокшее на переправѣ. Сотни расположились тутъ же.

Въ этотъ день, вечеромъ, вторично пріѣхалъ ко мнѣ изъ Саракса какой-то сартибъ, помощникъ губернатора, чтобы, по порученію своего начальника, Али-Марданъ-хана, выразить мнѣ „удивленіе по поводу случившагося“ и просить моихъ объясненій.

— Передайте хану, — былъ отвѣтъ, — что удивляться тутъ нечему: вѣроятно, салырамъ жилось плохо въ Персіи, что они рѣшились бѣжать на русскую территорію. Совершился фактъ, весьма обыкновенный въ этихъ краяхъ, въ особенности среди номадовъ, которые ищутъ, гдѣ имъ лучше... Ваши теперешніе подданные темуры, тейманы и джемшиды бѣжали къ вамъ изъ Авганистана, а цѣлыхъ сорокъ-тысячъ семействъ текинцевъ, изъ этого самаго Саракса, какъ вы, конечно, помните, бѣжало

¹⁾ Не пускай, не пускай, баяръ!

отъ васъ въ Мервѣ... Какъ отнесется русское правительство къ внезапному переселенію салыровъ,—прибавилъ я,—мнѣ неизвѣстно: быть можетъ, имъ и прикажутъ вернуться. Но до выясненія этого вопроса путемъ дипломатическихъ сношеній—салыры должны быть неприкосновенны. Вотъ и всѣ мои объясненія...

Этимъ, однако, дѣло не кончилось. Сартибъ уѣхалъ, но на слѣдующій день пожелалъ со мной видѣться и объясниться самъ губернаторъ, Али-Марданъ-ханъ. Я его принялъ очень любезно, но новаго отъ меня онъ ничего не услышалъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ въ восторгѣ, что на берегу рѣки его встрѣтила сотня мервскихъ текинцевъ, и что у кибитки моей его ожидалъ почетный караулъ изъ полусотни казаковъ съ обнаженными шапками... Бесѣда наша, длившаяся около часа, была въ сущности переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Но когда мой гость всталъ, чтобы проститься, я не могъ удержаться, чтобы не спросить его:

— Помните, ханъ, четыре мѣсяца тому назадъ, у васъ въ Сараксѣ, на ваше мнѣніе,—что изъ постановленія мервцевъ о принятіи русскаго подданства ничего не выйдетъ,—я отвѣтилъ, что русскіе не позволяютъ себя обмануть. Не убѣдили ли васъ теперь событія, что я былъ правъ?..

— Да. Такъ должно было поступить „настоящее“ государство, сознающее свое достоинство,—произнесъ персъ, выходя изъ кибитки.—Но не всѣмъ это по силамъ, въ сожалѣнію...

Послѣ свиданія съ Али-Марданъ-ханомъ, отправивъ въ Асхабадъ донесеніе о совершившемся въ Сараксѣ, я принялся за устройство салыровъ при содѣйствіи ихъ представителей и по образцу другихъ частей Мервскаго округа. Дѣло это пошло такъ быстро, что черезъ нѣсколько дней пустынный Сараксъ былъ неузнаваемъ. Населеніе раздробилось на аулы, и каждый изъ нихъ расположился на указанномъ мѣстѣ. Оросительные каналы приведены въ дѣйствіе. Назначены должностныя лица, учрежденъ народный судъ и т. д. Черезъ три недѣли изъ Асхабада прибыли для постоянного здѣсь расположенія двѣ роты, а въ послѣдствіи и батальонъ стрѣлковъ, на одного изъ офицеровъ котораго были возложены обязанности мѣстнаго пристава.

Такъ возникло саракское приставство Мервскаго округа, а на мѣстѣ первой нашей встрѣчи съ салырами и бывшаго расположенія маленькаго нашего отряда, менѣе чѣмъ въ три года, выросъ „Новый или Русскій Сараксъ“, опрятный городокъ съ постройками по сторонамъ правильныхъ улицъ, съ прекрасными

казармами, съ телеграфомъ, съ церковью, съ военнымъ собраніемъ и съ оживленною торговлею. Салыры въ этомъ благодарномъ районѣ обрѣли такую степень благосостоянія, о которой едва ли мечтали. Придя изъ Зирабада едва съ нѣсколькими десятками клѣтъ, они оправились такъ быстро въ матеріальномъ отношеніи, что, послѣ первой же уборки хлѣба, риса и хлопка, нашли возможнымъ выставить для встрѣчи начальника области около шестисотъ всадниковъ, съ вновь пожалованнымъ капитаномъ Теке-ханомъ во главѣ.

Наши „друзья“—англичане находили впоследствии, что въ дѣлѣ переселенія салыровъ изъ Персіи и мирнаго присоединенія Мерва были, якобы, пущены въ ходъ дипломатическіе приемы „не высокой пробы“. Уже не говоря о томъ, что „коварному Альбіону“ менѣе, чѣмъ кому бы то ни было, пристало заводить рѣчь о достоинствѣ дипломатическихъ приемовъ, но вполне нравственная и культурная цѣль, которую мы преслѣдовали относительно текинцевъ и салыровъ, блистательно осуществилась въ небываломъ у нихъ благоденствіи, которое окружаетъ теперь эти народности.

Х.

Столкновеніе съ авганцами.—Вой на Кушѣ и присоединеніе Пенде.

Послѣ нашествія на Мервъ, въ 1842 году, бухарскаго эмира Маасума, весь лѣвый берегъ Мургаба, на двухсотъ-верстномъ протяженіи отъ Мерва и до авганскихъ предѣловъ, былъ брошенъ древнимъ иранскимъ населеніемъ и представлялъ пустыню до 1857 года, когда его заняло племя туркменъ-сарыковъ, вытѣсненное изъ Мерва текинцами. Сарыки, насчитывавшіе тогда около шестидесяти тысячъ душъ, принуждены были, по недостатку земли, раздѣлиться на двѣ половины и занять два оазиса: Іолотанъ, по сосѣдству съ Мервомъ, и Пенде, на границѣ Авганистана. Хотя территоріи этихъ оазисовъ отдѣлялись необитаемымъ пространствомъ на протяженіи около ста верстъ, тѣмъ не менѣе обѣ половины сарыковъ продолжали представлять одну вполне солидарную общину, преслѣдовавшую свои общіе интересы какъ въ дни мира, такъ и во время вражды съ сосѣдами. „Мы рѣшили принять русское подданство не отдѣльно, а совмѣстно съ нашими пендинскими собратьями“,—говорили представители іолотанскихъ сарыковъ, когда мы вводили у нихъ русское управленіе.

И дѣйствительно, послѣ присоединенія Іолотана, естественное занятіе Пенде составляло только вопросъ времени. Къ сожалѣнію, имѣя къ тому полную возможность, мы почему-то не успѣли занять Пенде вслѣдъ за Іолотаномъ, а этимъ воспользовались наши сосѣди, авганцы...

Выше уже было говорено, что спокойствіемъ, водворившимся въ Туркменіи вслѣдствіе занятія нами Мерва и Іолотана, вздумали воспользоваться между прочими и авганцы. Въ срединѣ 1884 года они заняли своими войсками Пендинскій оазисъ, и затѣмъ начали выдвигать свои посты по Мургабу все ближе и ближе къ передовому нашему посту въ Имамъ-Баба. §

Но на захватъ не только этой сѣверной территоріи, но даже и Пендинскаго оазиса авганцы не имѣли ни историческаго, ни нравственнаго права: они, во-первыхъ никогда не владѣли Пендинскимъ оазисомъ, а его населеніе никогда, даже номинально, не признавало надъ собою власти авганскаго эмира. Только одни пендинскіе скотоводы, въ рѣдкіе годы, когда у нихъ чувствовался недостатокъ подножнаго корма, выгоняли свои стада въ авганскимъ предгорьямъ и, за эту пастбу, платили авганцамъ незначительную сумму, для сбора которой обыкновенно являлся въ Пенде одинъ изъ чиновниковъ гератскаго губернатора. Этимъ ограничивались всѣ сношенія авганцевъ съ пендинскими сарыками. Затѣмъ, — и самое главное, — переговоры съ Россіею относительно средне-азіатскихъ дѣлъ, начавшіеся въ 1869 году и затѣянные Англіею, имѣли главною цѣлью выяснить взаимное положеніе въ этой странѣ обѣихъ державъ, для того, чтобы предупредить на будущее время недоразумѣнія между ними и, такъ сказать, устранивъ недовѣріе и тревогу, вызванныя въ Англіи нашимъ наступательнымъ въ то время движеніемъ въ сторону Бухары, Ферганы и Туркменіи. Лучшимъ къ тому средствомъ было признано Англіею установленіе между обоюдными владѣніями нейтральной территоріи, неприкосновенность которой была бы одинаково обязательна для обѣихъ державъ.

Давая на это свое согласіе, наше правительство выразило готовность признать такою страню Авганистанъ, *только въ тѣхъ, однако, предѣлахъ, которые состояли въ дѣйствительномъ владѣніи эмира Ширъ-Али-хана*. Добавлялось при этомъ, что авганскій эмиръ не будетъ стараться распространять свое вліяніе и вмѣшательство за эти предѣлы, и что Англія будетъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы отклонять его отъ какихъ бы ни было наступательныхъ и завоевательныхъ замысловъ. Въ такомъ смыслѣ состоялось въ 1873 году между обѣими державами соглашеніе,

которое, само собою разумѣется, поставило Пенде въ положеніе во всякомъ случаѣ неприкосновенное для авганскаго эмира. Въ силу этихъ обстоятельствъ, оазисъ становился естественнымъ достояніемъ Россіи, и сарыки, по тогдашнимъ слухамъ, ждали со дня на день, что наши войска займутъ ихъ территорію. Между тѣмъ, случилось нѣчто неожиданное...

Въ іюнѣ 1884 года въ Мервѣ пріѣхалъ докторъ Регель, путешествовавшій по нашимъ окраинамъ и пожелавшій посѣтить, между прочимъ, и Пендинскій оазисъ. Я его снабдилъ письмомъ къ вліятельному среди пендинскихъ сарыковъ Куль-батыръ-хану и отправилъ съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ турменовъ. Дней черезъ десять послѣ отъѣзда Регеля, пронесся слухъ, что въ Пенде онъ *арестованъ*. Но кѣмъ же?—недоумѣвалъ я. Сарыки не дерзнули бы на это, я былъ въ этомъ увѣренъ. Вскорѣ оказалось, что—авганцами, которые незадолго передъ тѣмъ появились въ странѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Это было первое и, конечно, поразившее насъ извѣстіе о томъ, что авганцы заняли Пенде. Я написалъ довольно рѣзкое письмо ихъ начальнику,—Регель былъ немедленно освобожденъ, и этимъ кончилось это частное дѣло. Но самый фактъ захвата авганцами Пендинскаго оазиса, помимо того, что шелъ въ разрѣзъ съ нашими интересами въ Средней Азіи, являлся явнымъ нарушеніемъ соглашенія 1873 года, и тѣмъ болѣе для насъ неподходящимъ, что авганцы не могли рѣшиться на этотъ шагъ безъ вѣдома—или даже одобренія—Англии. Подобный фактъ не могъ быть оставленъ безъ должнаго вниманія, и на него наше правительство отвѣтило сформированіемъ особаго отряда для движенія вверхъ по Мургабу до авганскихъ предѣловъ. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ отрядъ не могъ быть быстро собранъ: гарнизонъ только-что занятаго Мерва былъ столь малочисленъ, что могъ выдѣлить въ поле развѣ какую-нибудь роту. Рѣшено было поэтому двинуть по батальону изъ Асхабада и Самарканда, отстоящихъ отъ Пенде на 550 и 700 верстъ. Войска эти могли прибыть къ мѣсту не ранѣе середины марта 1885 года, а между тѣмъ еще въ концѣ предыдущаго года мы получали извѣстія о томъ, что авганскіе посты и развѣзды продвинулись какъ по Мургабу, такъ и по Герируду почти на сто верстъ отъ Меручака и Кусана, т. е. отъ пунктовъ, ниже которыхъ они никогда не проникали въ Туркменію до занятія нами Мерва. Цѣль этихъ движеній была очевидна: эмиръ Абдурахманъ, извѣщенный англійскимъ правительствомъ о предстоящемъ разграниченіи его владѣній съ Россією, старался, до прибытія на мѣсто русскаго

и англійскаго делегатовъ, явиться фактическимъ хозяиномъ возможно большей территоріи по Мургабу и Герируду.

Въ видахъ противоѣдствія этимъ захватамъ, мною было получено приказаніе занять немедленно *Пули-Хатунъ* при слияніи мешедской рѣчки Кашавъ-Рудъ съ Герирудомъ и расположить тамъ сотню казаковъ; а съ двумя другими сотнями и съ мервскою конницею очистить отъ авганцевъ все пространство по Мургабу до *Дашъ-Кепри* ¹⁾, т.-е. до самаго лагеря авганцевъ, и держаться въ такомъ положеніи до прибытія нашего мургабскаго отряда. Предписывалось, такимъ образомъ, наступательное движеніе съ нашей стороны, да еще безцеремонное отбрасываніе авганскихъ постовъ, что, однако, являлось вполне естественнымъ послѣдствіемъ поведенія авганцевъ...

Первую часть порученія я возложилъ на своего помощника, подполковника Тарарина, который безпрепятственно занялъ Пули-Хатунъ, въ шестидесяти верстахъ на югъ отъ Саракса, и расположилъ тамъ сотню казаковъ. Вторую часть я принялъ на себя и, сформировавъ въ три дня конную сотню изъ текинцевъ и сарыковъ, выѣхалъ въ Имамъ-Баба, гдѣ стояли сотни казаковъ.

„Въ Имамѣ начальникъ поста заявилъ мнѣ ²⁾, что очистить пространство—не только до Дашъ-Кепри, но даже до Аймакъ-Джара—отъ авганскихъ постовъ невозможно путемъ разъѣздовъ, такъ какъ авганцы или оказываютъ пассивное сопротивленіе, будучи увѣрены, что русскіе не прибѣгнутъ къ оружію, или же вновь занимаютъ своими постами очищенные мѣста, вслѣдъ за удаленіемъ нашихъ разъѣздовъ. Въ виду этого и для того, чтобы фактически выполнить инструкцію, я выступилъ сегодня утромъ въ Аймакъ-Джаръ съ тремя сотнями. Не доѣзжая пяти верстъ до этого пункта, въ Сары-Язы, меня настигъ нарочный, доставившій предписаніе вашего превосходительства, обязывающее меня оставаться съ казаками въ Имамъ-Баба и дѣйствовать только разъѣздами милиціонеровъ. Возвращаться въ ту же минуту назадъ я счелъ неудобнымъ, какъ потому, что пришлось бы утомить людей и лошадей, сдѣлавъ въ одинъ день два большихъ перехода, такъ и потому, что это произвело бы невыгодное для насъ впечатлѣніе среди авганцевъ и нашихъ милиціонеровъ. Да и кромѣ того, разъѣздами, какъ уже сказано, цѣль не до-

¹⁾ *Дашъ-Кепри* по-туркменски и *Пули-Хишти* по-персидски значить „каменный мостъ“; построенъ арабами въ VIII столѣтіи на Кушкѣ, при впаденіи его въ Мургабъ, и служить акведукомъ, по которому воды другой пендинской рѣки, Каша, направляются на сѣверъ для орошенія лѣваго побережья Мургаба.

²⁾ Изъ моего рапорта командирующему войсками, отъ 6 февраля 1886 г.

стигається. Я рѣшилъ поэтому дойти и расположиться въ Аймакъ-Джарѣ, гдѣ, между прочимъ, занялъ прекрасную позицію, съ которой авганцы насъ не выбьютъ до прихода отряда, еслибы я рѣшился на это.

„Съ приближеніемъ нашимъ всѣ авганскіе посты отступили, при чемъ капитанъ ихъ, Магомедъ-Эминъ-ханъ, уходя изъ Аймакъ-Джара съ послѣдними сорока всадниками, оставилъ здѣсь записку, на персидскомъ языкѣ, такого содержанія:

„Русскіе силою вытѣснили наши караулы изъ Сары-Язы и Аймакъ-Джара. Данныя намъ нашимъ генераломъ приказанія обязываютъ насъ, избѣгая съ ними столкновенія, противиться ихъ наступленію. Поэтому я предупреждаю русскаго офицера, что, въ случаѣ дальнѣйшаго его напора въ сторону *Акъ-Тене* ³⁾, онъ будетъ остановленъ силою нашихъ сабель, пушекъ и ружей“.

По пути въ Аймакъ-Джаръ мнѣ также доставили письмо англійскаго подполковника Риджуэ. Онъ пишетъ по-персидски слѣдующее:

„Дорогой, любезный другъ полковникъ Алихановъ, да увеличится его благорасположеніе.

„По выраженію живѣйшаго желанія имѣть съ вами радостное свиданіе, сообщаю вамъ, что я уполномоченъ генераломъ сэромъ Питеромъ Лемсденомъ войти съ вами въ дружественное соглашеніе, въ силу котораго разъѣзды и пикеты обѣихъ сторонъ воздерживались бы отъ перехода извѣстныхъ границъ впредь до рѣшенія имѣющей собраться смѣшанною комиссіею вопроса о границѣ между Россіею и Авганистаномъ.

„Собранныя мною свѣдѣнія доказываютъ, какъ мнѣ кажется, что постоянныя встрѣчи русскихъ войскъ съ авганскими неизбежно повлекутъ за собою серьезныя недоразумѣнія. Въ виду этого, я предложилъ бы вамъ прислать офицера, уполномоченнаго войти со мною въ соглашеніе относительно разъѣздовъ.

„Въ настоящее время у авганцевъ оспаривается, повидимому, право переходить за Аймакъ-Джаръ. Еслибы вы сдѣлали обязательное распоряженіе о томъ, чтобы войска ваши не переходили за Сандукъ-Качанъ, находящійся въ приличномъ разстояніи отъ вашего поста въ Имамѣ, то я принялъ бы, съ своей стороны, необходимыя мѣры, чтобы авганскіе посты и разъѣзды не переходили за предѣлы Аймакъ-Джара. Само собою разумѣется, что

³⁾ *Акъ-Тене* — небольшое возвышеніе около моста Дашъ-Кепри, на которомъ былъ раскинутъ лагерь авганцевъ.

такое согласіе будетъ лишь временнымъ и что оно нисколько не будетъ предрѣшать права, которыя могутъ быть заявлены обѣими сторонами, смѣшанной комиссіи.

„Я возвращаюсь въ настоящее время изъ Аймакъ-Джара въ Акъ-Тепе, разстояніе между которыми, какъ вамъ извѣстно, можно проѣхать верхомъ въ нѣсколько часовъ. Я былъ бы весьма вамъ обязанъ, еслибы вы приняли на себя трудъ какъ можно скорѣе прислать мнѣ въ послѣдній пунктъ вашъ отвѣтъ, такъ какъ мнѣ необходимо явиться къ главному комиссару ея величества ранѣе его свиданія съ его коллегой, генераль-маіоромъ Зеленымъ. Въ случаѣ согласія вашего выслать мнѣ на встрѣчу офицера, я готовъ вернуться въ Сары-Язы или въ другое мѣсто, которое вы признаете удобнымъ для свиданія.

„Имѣю честь и пр.—Дж. Риджуэ, подполковникъ комиссаръ ея британскаго величества“.

Сдѣлавъ маленькую остановку на пути, я отвѣтилъ на приведенное письмо въ томъ же стилѣ, по-туркменски, такъ какъ мой туземный письмоводитель недостаточно хорошо владѣтъ иранскою рѣчью:

„Дорогой, любезный полковникъ Риджуэ, да увеличится его благорасположеніе.

„Гонецъ вашъ прибылъ въ добрый часъ и обрадовалъ меня вашимъ дружественнымъ письмомъ.

„Такія же чувства, питаемые нашимъ правительствомъ къ англичанамъ и авганцамъ, позволяютъ мнѣ думать, что всякія здѣшнія недоразумѣнія будутъ разрѣшены разумными доводами обоюдныхъ комиссаровъ, безъ всякаго, конечно, участія оружія. Во всякомъ же случаѣ отвѣтъ, который могу дать вамъ, заключается въ томъ, что, имѣя ясное приказаніе моего начальства, я не уполномоченъ ни на какіе переговоры и не имѣю права входить въ какія-либо новыя согласія, даже относительно взаимнаго расположенія нашихъ и авганскихъ постовъ.

„Мнѣ приказано принять мѣры къ тому, чтобы ни одинъ авганецъ не проникалъ изъ Дашъ-Кепри въ нашу сторону. Какъ служащій также своему Государю, вы хорошо знаете, конечно, что долгъ мой заключается въ выполненіи даннаго мнѣ приказанія. Если, по полученіи настоящаго письма, авганскіе караулы будутъ отодвинуты на указанное мѣсто,—всякіе переговоры явятся лишними. Въ противномъ случаѣ, мнѣ придется заставить ихъ удалиться. Да будетъ это извѣстно.—Подполковникъ Алихановъ, начальникъ округовъ: Мерва, Саракса и Иолотана“.

„Утромъ 8 числа ¹⁾ мнѣ дали знать, что авганскіе посты приблизились снова и, между прочимъ, заняли Урушъ-Душанъ. Вслѣдствіе этого я немедленно выступилъ изъ Аймакъ-Джара съ сотнею милиціи, прогналъ авганцевъ и на ихъ плечахъ прибылъ къ мосту Дашъ-Кепри на Кушкѣ, отстоящему въ семидесяти верстахъ отъ Имама и въ полуверстѣ отъ авганскаго лагеря. Здѣсь я имѣлъ ночлегъ и расположилъ нашъ постъ, — тридцать милищановъ-сарыковъ подъ командой урядника Аманъ-Клычъ-хана ²⁾).

„Со стороны авганцевъ никакой вражды я не встрѣтилъ; напротивъ, джарнейль Гоусудинъ-ханъ немедленно доставилъ мнѣ лошадь одного джигита, которая вырвалась и бѣжала въ ихъ лагерь у Акъ-Тепе. Въ этомъ пунктѣ, на высокомъ курганѣ, стоятъ пѣшихъ и конныхъ авганцевъ до 350 человекъ.

„Въ эту же ночь къ джарнейлю явилась депутація почетныхъ сарыковъ съ предложеніемъ, чтобы авганцы удалились изъ Пенде, въ виду приближенія русскихъ, такъ какъ они „не желаютъ отдѣляться отъ своихъ братьевъ, іолотанскихъ сарыковъ, и испытать на себѣ геокъ-тепинскіе дни“. Подполковникъ Риджуэ просилъ два дня на отвѣтъ и донесъ о случившемся генералу Лѣмсдену въ Кален-Моръ.

„Черезъ часъ выступаю обратно и по пути оставляю на посту, въ Урушъ-Душанѣ, всю милицію съ прапорщикомъ Баба-ханомъ, а самъ отправлюсь въ Аймакъ-Джаръ, гдѣ расположены сотни казаковъ.

„Вчера вечеромъ я имѣлъ честь получить довольно грозное письмо отъ самого генерала Лѣмсдена, члена индійскаго совѣта и адъютанта королевы, назначеннаго главнымъ комиссаромъ ея величества для опредѣленія сѣверо-западной границы Авганистана. Вотъ этотъ документъ, приписывающій мнѣ *замыслы*, могущіе вызвать, ни больше, ни меньше, какъ разрывъ между Россіей и Англіей ³⁾:

„Подполковникъ Риджуэ представилъ мнѣ полученное имъ вчера отъ васъ письмо. Я не могу не высказать своего удивленія

¹⁾ Изъ моего рапорта командующему войсками отъ 8 февраля 1885 г. изъ Дашъ-Кепри.

²⁾ Постъ этотъ былъ расположенъ у самого моста Дашъ-Кепри. Но оказалось, вслѣдствіе, что черезъ нѣсколько дней урядникъ отвелъ его назадъ около версты и расположилъ на курганѣ Кизили-Тепе, во избѣжаніе постоянныхъ перебранокъ черезъ рѣку, происходившихъ между авганцами и сарыками, въ особенности во время водопоя.

³⁾ Письмо это и мой отвѣтъ приведены цѣликомъ въ официальномъ изданіи министерства иностранныхъ дѣлъ „*Авганское разграниченіе*“, стр. 189—193.

по поводу тона, въ которомъ оно написано, и долженъ прибавить, что, послѣ вчерашняго объясненія моего съ представителемъ эмира, я нахожу, что мною исчерпаны всѣ средства къ удержанію авганцевъ отъ принятія мѣръ, которыя они могутъ признать необходимыми для защиты своихъ правъ.

„Какъ сообщилъ вамъ о томъ въ письмѣ своемъ подполковникъ Риджуэ, мнѣ удалось склонить авганское военное начальство отодвинуть свои передовые посты къ Урушъ-Душану, и приказанія по этому предмету будутъ сегодня отправлены къ начальнику передового авганскаго поста, причемъ ему будетъ вмѣнено въ обязанность не высылать даже разъѣздовъ далѣе означенной мѣстности.

„При всемъ томъ, считаю долгомъ предупредить васъ, что я нахожусь въ невозможности побуждать авганцевъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ или же долѣе ихъ сдерживать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заявить вамъ, что, въ случаѣ наступательныхъ движеній русскихъ разъѣздовъ или войскъ за Аймакъ-Джаръ, неминуемо произойдетъ столкновение. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы въ то самое время, когда, какъ явствуетъ изъ полученной вчера ночью телеграммы, правительство Государя Императора ведетъ дружественные переговоры съ англійскимъ, Его Величество могъ разрѣшить вамъ воевать въ мирное время съ Авганистаномъ, такъ какъ хотя этого и не случилось, благодаря письму, съ которымъ обратился къ вамъ подполковникъ Риджуэ, но намѣреніе ваше открыть непріязненные дѣйствія безъ предупрежденія и безъ указанія причинъ тому—было очевидно.

„Въ заключеніе имѣю честь увѣдомить васъ, что въ посланной въ Лондонъ телеграммѣ я указалъ на серьезный кризисъ, вызванный вашими замыслами, и что во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что вы не рѣшитесь вступить на путь, который, помимо столкновения между Россіей и Авганистаномъ, могъ бы вызвать и разрывъ между находящимися нынѣ въ дружественныхъ отношеніяхъ Россіей и Англіей.

„Я приказалъ подполковнику Риджуэ остаться въ Пенде и относиться съ особымъ вниманіемъ ко всякому сообщенію, которое вы пожелали бы ему сдѣлать.

„Имѣю честь и пр.

„П. Лѣмсденъ, генералъ-лейтенантъ“.

„Отвѣчать на это посланіе мнѣ пришлось подъ проливнымъ дождемъ, остановившись на нѣсколько минутъ среди дороги и въ грязи по колѣно. Поэтому я ограничился слѣдующимъ:

„Глубокоуважаемый генералъ Лёмсденъ, комиссаръ ея величества королевы Великобританской.

„Привѣтствуя васъ, сообщаю, что имѣлъ честь получить ваше письмо. Отвѣтъ мой коротокъ. Будете ли вы довольны, или нѣтъ, но мнѣ приказано занять русскими войсками Дашъ-Кепри, и приказаніе это я выполняю. Мы не желаемъ вражды, но если другіе начнутъ воевать съ нами, то, съ своей стороны, мы готовы и къ этому... Я человѣкъ служивый, съ политическими дѣлами не знакомъ, и потому не имѣю ничего иного сообщить вамъ“.

„Получилъ я еще и второе, при семъ представляемое, письмо отъ подполковника Риджуэ, который снова проситъ о свиданіи для переговоровъ. Но я ему не отвѣтилъ, чтобы не повторяться.

„Въ заключеніе считаю долгомъ доложить вашему превосходительству, что настроеніе авганцевъ и положеніе дѣлъ здѣсь — совершенно иное, чѣмъ это рисуютъ Лёмсденъ и Риджуэ. Наши милиціонеры-сарыки ѣздили въ пендинскіе аулы, а оттуда пріѣзжалъ ко мнѣ, ночью, Кулъ-Батыръ-ханъ съ двумя старшинами. Всѣ ихъ рассказы сводятся къ тому, что, по словамъ самихъ авганцевъ, они тяготятся своимъ положеніемъ въ Пенде и были бы несравненно покладистѣе, еслибы не подстрекательства англійскихъ офицеровъ, которые будутъ такимъ образомъ единственными виновниками, если произойдетъ болѣе или менѣе серьезное столкновеніе между нами и авганцами.

„Въ Акъ-Тепе ожидаютъ со дня на день значительныхъ изъ Герата подкрѣпленій съ артиллерією“.

Послѣ расположенія нашего поста у Дашъ-Кепри, англичане, конечно, убѣдились въ бесполезности дальнѣйшей переписки о занимаемыхъ пунктахъ и прекратили ее. Авганскіе разбѣды также перестали появляться на лѣвомъ берегу Мургаба и Кушка, за исключеніемъ сторожевого поста изъ нѣсколькихъ всадниковъ, охранявшихъ западную оконечность акведукъ.

При такихъ условіяхъ мы провели въ Аймакъ-Джаръ, въ шалахахъ, устроенныхъ изъ хвороста и бурьяна, ровно мѣсяцъ, въ ожиданіи отряда, который, благодаря распутицѣ, двигался крайне медленно. Авганцы же на правомъ берегу Кушка усиливались въ это время съ каждымъ днемъ, и къ 8-му марта, когда подошелъ генералъ Комаровъ съ двумя батальонами, съ 4-мя горными орудіями и сотнею казаковъ, силы нашихъ противниковъ у Акъ-Тепе уже простирались до четырехъ тысячъ штыковъ и сабель съ 8-ю полевыми орудіями, да сверхъ того

лагерь ихъ былъ уже обнесенъ солиднымъ валомъ и снабженъ значительными запасами продовольствія и боевыхъ припасовъ.

На другой день послѣ прибытія мургабскаго отряда въ Аймакъ-Джаръ, генералъ отправилъ на рекогносцировку авганскаго расположенія начальника своего штаба, подполковника Закржевскаго, который, вернувшись черезъ сутки, подтвердилъ уже имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія и добавилъ, что укрѣпленный лагерь авганцевъ представляетъ преграду довольно сильную. Затѣмъ, 12 марта, отрядъ выступилъ изъ Аймакъ-Джара и на слѣдующій день расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу Мургаба, не доходя около четырехъ верстъ до Дашъ-Кепри, чтобы излишнею близостью къ нашимъ противникамъ не возбудить въ нихъ напрасной тревоги. Эта предосторожность, однако, не могла дѣлу.

Авганцы точно ждали только появленія нашего отряда въ виду Дашъ-Кепри, для того, чтобы перейти на лѣвый берегъ Кушка и этимъ самымъ создать поводъ почти къ неизбежному столкновенію. Въ самый день прихода отряда они переправили на нашу сторону рѣки часть своихъ войскъ и артиллеріи и начали укрѣплять здѣсь возвышенное плато, лежащее передъ самымъ мостомъ. Работы эти продолжались и въ слѣдующіе дни, причемъ и цѣпь передовыхъ авганскихъ постовъ подходила къ намъ все ближе и начала охватывать съ обоихъ фланговъ нашъ лагерь...

Утромъ 14-го марта англійскій капитанъ Іэтъ, назначенный генераломъ Лѣмсденомъ для наблюдений въ Пенде, прислалъ изъ авганскаго лагеря адресованное на имя начальника русскихъ войскъ письмо, которымъ просилъ „свиданія, необходимаго для выясненія взаимнаго положенія“. На это свиданіе въ условленное время съѣхались, на срединѣ между лагерями, съ нашей стороны подполковникъ Закржевскій, а со стороны англичанъ — капитаны Іэтъ и Лассѣ и докторъ Оуэнъ. Сущность разговоровъ, происходившихъ при этомъ, послѣ взаимныхъ представленій, заключалась въ слѣдующемъ:

— Вы писали, между прочимъ, г. капитанъ, — началъ Закржевскій, — что, по словамъ авганскаго генерала, кто-то изъ русскихъ начальниковъ, будто бы, пожелалъ съ нимъ видѣться. Надо полагать, что это — недоразумѣніе, такъ какъ съ нашей стороны никто не выражалъ подобнаго желанія.

— Если произошла даже ошибка, то мы ей очень рады, какъ причинѣ пріятнаго знакомства съ вами, — поспѣшно отвѣтилъ Іэтъ.

Затѣмъ, сообщивъ, что между русскимъ и британскимъ правительствами состоялось соглашеніе относительно сохраненія status quo въ саринскомъ населеніи Пенде, англичанинъ продолжалъ:

— Мы чувствуемъ необходимость высказать съ полною откровенностью, что соглашеніе это ставить намъ весьма трудную задачу, которая еще усложняется возрастающею съ каждымъ днемъ возможностью столкновенія русскихъ съ авганцами. Быть можетъ, мы могли бы способствовать устраниенію конфликта; но для этого безусловно необходимо, чтобы мы были въ курсѣ русскихъ намѣреній...

— Я не уполномоченъ на офіціальные переговоры, — отвѣчалъ Закржевскій, — и по интересующему васъ вопросу могу, если угодно, высказать только свое личное мнѣніе. По моему, окружающая насъ обстановка самымъ очевиднымъ образомъ говоритъ за то, что русскіе не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія атаковать авганцевъ; въ противномъ случаѣ, ничто не мѣшало намъ уничтожить ихъ, хотя бы въ первый же день нашего появленія здѣсь... Но, однако, нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что поведеніе авганцевъ — крайне вызывающее. Въмѣсто того, чтобы устранять всякую возможность столкновенія, оставляя между двумя лагерями рѣку, какъ естественную преграду, и продолжать занимать правый берегъ Купка до рѣшенія вопроса о границѣ смѣшанною комиссією, авганцы въ послѣдніе дни, и безъ всякаго повода съ нашей стороны, позволяютъ себѣ почти наступленіе на насъ: они переправились на нашъ берегъ, возводятъ передъ нашими глазами укрѣпленіе, все болѣе и болѣе выдвигаютъ впередъ свои посты и даже охватываютъ ими наши фланги!.. Имъ не мѣшало бы подумать, — къ чему можетъ привести такой образъ дѣйствій?..

— Въ исходѣ могущаго произойти столкновенія мы, конечно, нисколько не сомнѣваемся, — отвѣчали англичане. — Но, въ виду крайне тяжелаго нашего положенія здѣсь, будемъ весьма вамъ обязаны, если предупредите насъ о могущихъ возникнуть осложненіяхъ...

Въ отвѣтъ на это, Закржевскій выразилъ готовность быть въ ихъ услугамъ, нисколько это позволить положеніе русскаго офицера, — и свиданіе кончилось.

На слѣдующій день капитанъ Іотъ прислалъ подполковнику Закржевскому копію съ телеграммы лорда Гравилля къ генералу Лѣмсдену о томъ, что по соглашенію, послѣдовавшему между петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, русскія войска

не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не подвинутся впередъ и не атакуютъ сами. Англіійскій офицеръ увѣдомлялъ при этомъ, что авганцы получили отъ своего эмира приказаніе, какъ только сдѣлана будетъ попытка заставить ихъ очистить занимаемую ими позицію, *открыть огонь*. „Я вполнѣ понимаю,—добавлялось въ письмѣ,—что, съ военной точки зрѣнія, къ этому обстоятельству вы отнесетесь равнодушно. Но съ политической точки зрѣнія дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ, и столкновение, какъ бы оно ни было незначительно, не замедлитъ прискорбнымъ образомъ помѣшать переговорамъ, успѣшнаго окончанія которыхъ мы такъ желаемъ“. На это генераль Комаровъ приказалъ отвѣтить, что онъ безусловно не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній относительно авганцевъ, и лишь во избѣжаніе столкновения съ ними требуетъ удаленія ихъ на правый берегъ Кушка.

Вслѣдствіе этого письма, капитанъ Іотъ просилъ о новомъ свиданіи съ Закржевскимъ. Оно состоялось, но нисколько не способствовало улаженію дѣла, такъ какъ англійскій капитанъ, конечно, не сочувствовалъ удаленію авганцевъ за Кушъ, и стоялъ за сохраненіе ими своихъ новыхъ позицій...

„Видя, что дерзость авганцевъ, оставаясь ненаказанной, все возрастаетъ,—говоритъ генераль Комаровъ въ своемъ донесеніи о боѣ на Кушѣ,—и что если такъ будетъ продолжаться, то черезъ нѣсколько дней придется самому быть атакованнымъ,—предположеніе, которому впослѣдствіи явились подтверждающія обстоятельства,—замѣчая возбужденное состояніе всего отряда и наконецъ броженіе и даже какъ бы умаленіе русскаго обаянія между окружающими меня туркменскими ханами, почетными людьми и милиціонерами,—я нашелъ, что такое положеніе продолжаться не можетъ, а потому почелъ необходимымъ предпринять крайнюю мѣру“.

Утромъ 17-го марта генераль послалъ съ развѣдомъ, подъ командою сотника Кобцева, слѣдующее письмо къ Нанъ-Салару-Теймуръ-шаху, начальнику авганскихъ войскъ:

„Требуя, чтобы сегодня до вечера всѣ подчиненные вамъ военные чины до единого возвратились въ прежнія стоянки свои на правый берегъ Кушка, чтобы посты ваши на правомъ берегу Мургаба не спускались ниже соединенія рѣкъ. Переговоры и объясненій по этому вопросу не будетъ. Вы обладаете умомъ и проникательностью, и, вѣроятно, не допустите, чтобы я свое требованіе привелъ въ исполненіе самъ“.

Хотя со стороны авганцевъ, въ отвѣтъ на это письмо, было

замѣтно только новое усиленіе войскъ на лѣвомъ берегу Кушка и лихорадочная работа по возведенію укрѣпленій, но генералъ все еще не терялъ надежды на мирное соглашеніе.

„Отвѣтъ Наибъ-Салара заключался въ томъ,—говорится да-лѣе въ донесеніи генерала Комарова,—что, получивъ приказаніе отъ гератскаго Наибъ-уль-Гукуме совѣтоваться о всѣхъ пограничныхъ дѣлахъ съ капитаномъ Іотомъ, онъ не преминулъ это сдѣлать, и затѣмъ онъ прежде всего долженъ исполнять приказанія своего эмира.

„Желая еще разъ сдѣлать попытку къ мирному окончанію дѣла, я дружескимъ, полу-официальнымъ письмомъ извѣстилъ Наибъ-Салара, что отъ своего требованія отступить не могу, и что отвѣтственность за послѣдствія столеновенія, происшедшаго отъ дурныхъ совѣтовъ, падеть на него, такъ какъ я всѣми возможными мѣрами старался о сохраненіи дружественныхъ отношеній.

„Затѣмъ, убѣдившись, что ни переговоры, ни категорическія требованія не привели ни къ чему, я рѣшилъ, что необходимо привести въ исполненіе поставленное мною авганцамъ требованіе немедленно, и для этого, въ тотъ же день вечеромъ, собралъ начальниковъ частей мургабскаго отряда, полковниковъ Казанцева и Никшича и подполковника Алиханова, которымъ изложилъ сущность нашего положенія и отдалъ необходимыя приказанія“.

По нашимъ свѣдѣніямъ, авганскія войска у Акъ-Тепе простирались до четырехъ тысячъ и состояли, приблизительно, изъ 2.400 пѣхотинцевъ и 1.600 всадниковъ, при четырехъ полевыхъ и четырехъ горныхъ англійскихъ орудіяхъ.

На лѣвомъ берегу Кушка, обращенный къ Кизилли-Тепе фронтъ передовой авганской позиціи былъ усиленъ окопомъ, который тянулся по краю такъ называемаго Дашъ-Кепринскаго плато и, прикрывая доступъ къ мосту, упирался своимъ загибомъ на правомъ флангѣ въ берегъ Кушка. Какія части авганцы перевели изъ лагеря на эту передовую позицію и какъ онѣ расположены,—мы не имѣли свѣдѣній, такъ какъ окончательная разстановка ихъ войскъ послѣдовала только въ ночь передъ боемъ, послѣ полученія Наибъ-Саларомъ категорическаго требованія генерала Комарова. Въ самый же день боя оказалось, что за амбразурами, саженьхъ въ пятидесяти отъ лѣвой оконечности фронтальнаго окопа, были поставлены четыре орудія; на такомъ же разстояніи правѣе отъ нихъ—еще два орудія и, наконецъ, одно—противъ самаго моста. Все пространство между

этими тремя батареями было занято пѣхотой. Лѣвый флангъ этой передовой позиціи оставался открытымъ. Здѣсь авганцы или не успѣли окопаться, или, вѣрнѣе, оставили эту часть неогражденною, для свободнаго выхода кавалеріи, которая, въ числѣ около 1.200 всадниковъ, и была расположена подъ прямымъ угломъ между окопомъ и берегомъ Кушка. Небольшая часть пѣхоты авганцевъ и восьмое ихъ орудіе были оставлены въ укрѣпленномъ лагерѣ на Акъ-Тепе, на правомъ берегу Кушка. Здѣсь же, въ тылу общаго расположенія, стояла джемшидская кавалерія Ялантошъ-хана, въ числѣ около 400 всадниковъ, съ цѣлю охранять лагерь отъ ожидаемаго нападенія сарыковъ. Авганскія войска, состоя по преимуществу изъ людей рослыхъ и здоровыхъ, имѣли весьма внушительный видъ; а кавалерія, къ тому же, сидѣла на превосходныхъ лошадяхъ.

Нашъ мургабскій отрядъ составлялъ силу около 1.400 штыковъ и 500 сабель при четырехъ горныхъ орудіяхъ. Войска эти, по диспозиціи генерала Комарова, были раздѣлены на три колонны. Правую изъ нихъ составилъ 3-й туркестанскій линейный батальонъ подъ начальствомъ полковника Казанцева, которому приказывалось совершить обходное движеніе по пескамъ, лежащимъ правѣ Кизилли-Тепе, и неожиданно выйти на лѣвый флангъ и тылъ непріятельской позиціи. Лѣвая колонна, состоявшая изъ своднаго батальона закаспійскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ полковника Ниешича, должна была, чтобы тоже не сразу обнаружить себя, нѣсколько задержаться за Кизилли-Тепе и, затѣмъ, наступать противъ фронта авганцевъ. Наконецъ, кавалеріи, состоявшей изъ трехъ сотенъ 1-го кавказскаго коннаго полка и сотни туременовъ, подъ моимъ начальствомъ, было приказано двинуться на крайній лѣвый флангъ. Горныя орудія, по диспозиціи, должны были слѣдовать съ туркестанцами; но, въ виду трудности ихъ движенія среди сыпучихъ песковъ, они также присоединились къ кавалеріи.

На другой день, 18 марта, полковникъ Казанцевъ выступилъ изъ лагеря въ два часа утра и, углубившись въ пески по бездорожью и среди непроглядной тьмы, въ теченіе цѣлыхъ пяти часовъ преодолевалъ страшныя трудности, представленныя движенію его колонны пестяными барханами на протяженіи 5—6 верстъ. Полковникъ Ниешичъ и я вышли двумя часами позже и, какъ было приказано, остановились за Кизилли-Тепе. Было темно, холодно и моросилъ дождь, когда, около пяти часовъ утра, къ намъ подѣхалъ генералъ Комаровъ и приказалъ мнѣ вести колонну. Я направился прямо на лѣвый флангъ авганцевъ, под-

нялся, въ началѣ шестого часа, на Ташъ-Кепринское плато и, разглядѣвъ здѣсь темную массу авганской конницы, остановился передъ нею приблизительно въ 400 шагахъ и выстроилъ фронтъ. Вскорѣ начало свѣтать, и тогда обрисовалась передъ нами густая колонна непріятельской кавалеріи, занимавшая въ нѣсколько линій почти все пространство между оконечностью пѣхотнаго окопа и берегомъ Кушка. Въ исходѣ шестого часа передъ фронтомъ этой конницы пронесся Наибъ-Саларъ-Теймуръ-шахъ, привѣтствуя ее словами: „Подвизайтесь во славу Божію!“ Въ отвѣтъ на это раздались громкіе и нѣсколько разъ повторявшіеся крики авганцевъ, что будутъ сражаться во имя Аллаха, причемъ вся масса ихъ заволновалась на мѣстѣ, потрясая въ воздухъ высоко поднятыми саблями и карабинами. Мнѣ казалось, что наступаетъ моментъ атаки, и если бы она послѣдовала въ ту же минуту, то, несомнѣнно, масса въ 1.200 всадниковъ раздавила бы четыре наши сотни. Но, къ счастью, этого не случилось, а казаки наши, прежде чѣмъ смолкли крики авганцевъ, по командѣ: „къ пѣшему строю!“ быстро соскочили съ коней и, выбѣжавъ впередъ, еще шаговъ на сто приблизились къ непріятельскому фронту и образовали передъ нимъ густую цѣпь въ 300 берданокъ ¹⁾ и безъ всякаго резерва, чтобы сразу огрѣть противника возможно сильнымъ огнемъ. Въ конномъ строю осталась только туркменская сотня, какъ не имѣвшая ружей.

Туркеставцы все еще не выходили изъ песковъ. Закаспійцевъ также не было видно на равнинѣ. А между тѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ объѣзда Наибъ-Салара, со стороны авганцевъ раздались одиночные выстрѣлы въ нашу сторону; нѣсколько пуль провизжало надъ нашими головами и шлепнулось среди коноводовъ. Однако, въ виду строгаго приказанія не открывать огонь первыми, я не придалъ значенія этимъ выстрѣламъ, полагая ихъ случайными, что легко могло произойти въ большой неорганизованной конной массѣ, имѣвшей въ рукахъ готовыя ружья. Но черезъ минуту, когда послѣдовали новыя выстрѣлы, ко мнѣ прискакалъ командовавшій коноводами есаулъ Фальчиновъ и заявилъ, что у казака ранена лошадь. Кровь, слѣдовательно, была пролита у насъ. Болѣе нечего было ждать.

— Ну, теперь валий, братцы!—крикнулъ я казакамъ, ожидавшимъ этого приказанія съ давно заряженными ружьями. Въ

¹⁾ По этому поводу авганцы, кавалерія которыхъ не знаетъ спѣшиванія, а стрѣляетъ съ коня, пораженные внезапнымъ появленіемъ передъ собою пѣшей части, объясняли впослѣдствіи свое пораженіе, говоря между прочимъ, что русскіе обманули ихъ, скрытно подвели пѣхоту за кавалерією...

ту же секунду, подобно внезапному раскату грома, раздался оглушительный залпъ всѣхъ трехъ сотенъ, и въ ту же секунду испуганный мой конь взвился, какъ свѣча, и опрокинулся навзничъ вмѣстѣ со мною. Но не до боли было въ эту минуту; я поднялся и снова вскочилъ на сѣдло... Этотъ эффектный залпъ, послѣ котораго казаки продолжали утащеннымъ огнемъ разстрѣливать передъ собою кавалерію противника, послужилъ сигналомъ въ общему бою. Вслѣдъ за нимъ выстрѣлы затрещали со всѣхъ сторонъ, какъ барабанная дробь. Вся позиція аванцевъ задымилась сразу; всѣ ихъ окопы и батареи разразились огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ. Загремѣли и наши орудія. Стрѣлки Никшича, быстро выдвинувшись изъ-за Кизилли-Тепе, также опоясались дымомъ и начали наступать густою цѣпью.

Дружный казачій залпъ сразу произвелъ полное смятеніе среди авганской конницы, а черезъ минуту она представляла передъ нами картину, почти не поддающуюся описанію... Огромная масса всадниковъ, столпившись на небольшомъ пространствѣ, служила такою цѣлью на разстояніи 300 шаговъ, что едва ли пропадала даромъ хоть одна пуля. А казаки поддерживали такой огонь, что менѣе чѣмъ въ десять минутъ выпустили всѣ свои восемнадцать тысячъ патроновъ!.. Въ результатъ такого непрерывнаго свинцоваго дождя, являвшагося стрѣльбою почти въ упоръ, въ самомъ началѣ боя образовался передъ нами какой-то безобразный, но живой еще конгломератъ людей и лошадей, свалившихся въ общую груду, падающихъ и распластанныхъ, борющихся и умирающихъ, и все это — среди адской музыки грома выстрѣловъ, криковъ людей, храпа и ржанія коней... За этимъ первымъ планомъ видѣлась другая картина. Смѣшавшись тоже въ какую-то хаотическую, оторопѣлую массу, авганскіе всадники метались во всѣ стороны и цѣлыми толпами кидались въ воду съ берега Кушка, или мчались назадъ, въ переправѣ на правый берегъ. Число ихъ таяло съ каждой минутой. Но, однако, прежде чѣмъ совершенно очистить поле битвы, до трехъ сотъ этихъ всадниковъ дружной толпой ринулись въ нашу сторону, но, встрѣченные новыми залпами казаковъ, спустились съ плато и заскакали въ тылъ нашихъ коноводовъ. Эти храбрецы попали на своемъ пути сперва подъ фланговый огонь двухъ ротъ Никшича, потомъ ихъ встрѣтили и провожали выстрѣлами прямо съ коней наши коноводы и головная рота только-что выходившаго изъ песковъ туркестанскаго батальона. Къ довершенію несчастія, на нихъ обрушилась турменская сотня. Текинцы и сарыки, еще не вполне усвоившіе дисциплину, а быть

можетъ, не понявъ или не разслышавъ команду, нѣсколько замялись-было передъ атакой. Видя это, я подскакалъ къ нимъ и крикнулъ по-туркменски: „Умрите тутъ всѣ, или истребите ихъ!“—Этого напоминанія было достаточно, и сотня, дружно бросившись въ сабли, смяла авганцевъ, отняла полковое ихъ знамя ¹⁾ и загнала большую часть въ Кушкъ. Несчастные въ полномъ разстройствѣ бросались въ воду съ кручъ и, толпясь густыми массами у глубокаго брода, понесли огромныя потери отъ огня туркестанцевъ...

Пока все это происходило въ тылу, остатки главной массы авганской кавалеріи обратились въ бѣгство и совершенно скрылись изъ виду, оставивъ передъ казаками только груды убитыхъ людей и лошадей. Тогда, направивъ огонь во флангъ и въ тылъ пѣхоты, занимавшей окопы, наша колонна перешла въ наступленіе. Авганцы—медленно и отстрѣливаясь, но отступали по мѣрѣ нашего приближенія. Они сдѣлали только одну попытку задержаться около первой своей батареи. Но на нее казаки бросились съ крикомъ „ура!“—и четыре полевыхъ орудій, изъ коихъ два оказались заряженными, и вокругъ которыхъ валилась перебитая прислуга, сдѣлались трофеями нашей колонны. Получивъ здѣсь отъ туркестанцевъ патроны и присоединивъ къ себѣ одну изъ ротъ, мы двинулись далѣе, и черезъ нѣсколько минутъ въ наши руки перешла и вторая непріятельская батарея изъ двухъ совершенно новыхъ горныхъ орудій, съ шестью мулами въ щегольской англійской сбруѣ. Затѣмъ, къ седьмому непріятельскому орудію, стоявшему передъ мостомъ, мы подошли одновременно съ батальономъ полковника Никшича. Пѣхота авганская была въ это время уже въ полномъ бѣгствѣ, и только послѣднія ея части, съ массой раненыхъ, еще тѣснились на мосту, причемъ, пробирая себѣ дорогу подъ выстрѣлами, довершали свою гибель, срываясь въ рѣку съ узкихъ парашетовъ, или сбивая съ ногъ другъ друга въ глубокой водѣ акведука... Видно было, что авганцы особенно упорно обороняли доступъ къ Дашъ-Кепри, къ которому одновременно надвигались, подъ прямымъ угломъ, съ фронта стрѣлки, а съ фланга—казаки и туркестанцы. Здѣсь, позади окопа, заслонявшаго мостъ, образовался цѣлый валъ изъ двухъ-трехъ сотенъ окровавленныхъ труповъ. Мѣстами десятки тѣлъ лежали въ общей кучѣ, и между ними, судя по мундирамъ, видѣлись офицеры. Особенно врѣзалось въ моей памяти спокойное

¹⁾ Знамя взялъ урядникъ милиціи, сарыкъ Аманъ-Клычъ, сваливъ знаменщика двумя сабельными ударами въ голову.

выраженіе лица молодого красавца корнейя (полковника), который, съ раскрытою и прострѣленною грудью, лежалъ надъ тѣмъ другими тѣлами и казался только-что заснувшимъ...

Цѣль нашего боя, такимъ образомъ, была достигнута вполне: на лѣвомъ берегу Кушка уже не оставалось ни одного вооруженнаго авганца. Тѣмъ не менѣе, движеніе наше продолжалось точно по инерціи. Встрѣтившись около Дашъ-Кепри съ полковникомъ Никшичемъ, мы рѣшили немедленно переправиться на правый берегъ рѣки и идти на лагерь въ Акъ-Тепе, гдѣ была оставлена, по свѣдѣніямъ, часть авганцевъ. Пѣхота при этомъ начала вытягиваться по мосту; а наша колонна, для выигрыша времени, поднялась нѣсколько выше и переправилась въ бродъ. Развернувъ затѣмъ на правомъ берегу всѣ четыре сотни, мы на рыхлѣхъ взобрались на Акъ-Тепе и, пройдя черезъ весь лагерь, остановились на южной его оконечности, на пути въ Пенде. Сюда же, черезъ полчаса послѣ кавалеріи, подошли остальные части отряда вмѣстѣ съ генераломъ Комаровымъ, который, подъѣхавъ къ нашей колоннѣ, благодарилъ ее „за молодецкія дѣйствія“...

Укрѣпленный лагерь авганцевъ, обнесенный солиднымъ валомъ и рвомъ, оказался брошеннымъ. Занимавшія его войска покинули здѣсь послѣднее свое орудіе и присоединились, вмѣстѣ съ джемшидской конницей, къ общему бѣгству съ передовой позиціи. Только нѣсколько пѣхотинцевъ, вѣроятно не успѣвшихъ выбѣжать до нашего появленія, прятались еще подъ мостомъ и во рву, и стрѣляли по нашимъ, упорно отказываясь сдаться, пока не были перебиты...

По всему было видно, что авганцы не ожидали такого исхода столкновенія. Лагерь ихъ представлялъ всѣ признаки того, что хозяева рассчитывали скоро вернуться сюда. Въ походныхъ очагахъ еще тлѣлъ огонь; кое-гдѣ варилась пища. Ничто не было уложено или прибрано въ шатрахъ и кибиткахъ, въ которыхъ оставались массы платья, ковры и постели, мѣдная посуда, оружіе, книги, кальяны, сундуки, сумки и весьма оригинальные музыкальные инструменты ¹⁾. Помимо всего этого, быстро разо-

¹⁾ Въ шатрѣ авганскаго генерала были найдены, между прочимъ, его расшитый парадный мундиръ, щегольская каска, кальянъ, сабля, двустволка, панталоны съ золотымъ лампасомъ и новыя лакированныя ботфорты съ клеймомъ „London“. Полагая, что ботфорты эти принадлежали одному изъ англійскихъ офицеровъ, мы передали ихъ джигиту, съ приказаніемъ догнать бѣглецовъ и вручить ихъ хозяину. Джигитъ исполнилъ приказаніе. Но англичане самого не приняли, говоря, что ихъ хозяинъ — Навибъ-Саларъ...

браннаго, конечно, побѣдителями, въ рукахъ нашихъ остались огромный лагерь, вся ихъ артиллерія въ числѣ восьми орудій съ зарядными ящиками, большой бунчукъ Нанбъ-Салара, два знамени и множество значковъ, барабаны и трубы, всѣ ихъ продовольственные и боевые запасы, и около полтораста транспортных верблюдовъ.

Въ окопахъ передовой позиціи авганцы оставили болѣе пяти-сотъ своихъ убитыхъ и до двадцати тяжело раненыхъ. Но это только небольшая часть ихъ потерь. По разсказамъ пендинскихъ сарыковъ, въ числѣ бѣжавшихъ авганцевъ болѣе половины были ранены. Нанбъ-Саларъ считалъ свою потерю убитыми болѣе тысячи человекъ, а самъ эмиръ Абдурахманъ говоритъ въ своей автобіографіи, что, послѣ пораженія его войскъ въ Пенде, „только небольшое число ихъ достигло Герата“. Изъ числа офицеровъ авганскихъ убиты: командовавшій гезаринской конницей Ширъ-ханъ; затѣмъ одинъ полковникъ, два капитана и младшіе офицеры, число которыхъ неизвѣстно. Самъ Нанбъ-Саларъ раненъ двумя пулями ¹⁾.

Мы потеряли на Кушкѣ убитыми одного офицера, прапорщика милиціи Сеидъ-Назара, и десять нижнихъ чиновъ, и ранеными—двухъ офицеровъ ²⁾ и двадцать-девять нижнихъ чиновъ.

„Такую полную побѣду,—говоритъ генералъ Комаровъ въ своемъ донесеніи о боѣ,—я приписываю доблестному поведенію всѣхъ чиновъ отряда. Начальники колоннъ выказали въ превосходной степени духъ почина, предупреждая приказанія, когда нужно было одной части поддержать другую, для достиженія общей цѣли. Всѣ гг. офицеры служили прекраснымъ примѣромъ безавѣтной храбрости и исполнительности для нижнихъ чиновъ. Нижніе чины исполняли каждую команду безъ замедленія такъ дружно и стройно, какъ не всегда и на ученьи. Во все время

¹⁾ Этотъ Нанбъ-Саларъ, или командующій войсками, Теймуръ-Шахъ, оказывается, былъ весьма крупною личностью въ авганской служебной іерархіи, занимавшій, между прочимъ, и постъ военнаго министра. О его дальнѣйшей судьбѣ мы находимъ слѣдующія строки въ „Автобіографіи эмира Абдурахмана“:

„Теймуръ-шахъ, гильзаецъ, который былъ у меня военнымъ министромъ, обвиненъ былъ въ небрежности еще въ 1885 году въ бою у Пенде, но былъ мною прощенъ; онъ теперь обвинялся въ участіи въ возстаніи гильзаевъ, точно также какъ одинъ капитанъ и одинъ мой ординарецъ. Этотъ Теймуръ былъ арестованъ и доставленъ въ Кабулъ, гдѣ я приказалъ на смерть побить его камнями за это высшее предательство. Эта казнь должна была служить урокомъ для людей военныхъ—что ждетъ такихъ высокопоставленныхъ людей, какъ военный министръ, который столько лѣтъ въ мою хлѣбъ-соль и затѣмъ поднималъ оружіе противъ своего же господина“.

²⁾ Сотникъ Кобцевъ и подпоручикъ Хабаловъ.

боя ни одинъ человѣкъ не ступилъ ни шагу назадъ. Джигиты употребляли всѣ усилія стать достойными государевыми слугами и своею кровью заслужили право на братское товарищество съ регулярными войсками“.

Англійскіе офицеры съ своими бенгальскими уланами, непосредственно въ бою не участвовали; они находились все время въ тылу, внѣ сферы выстрѣловъ, и послужили примѣромъ авганцамъ развѣ только въ дѣлѣ бѣгства... По окончаніи боя, около полудня, мы завтракали въ шатрѣ авганскаго генерала, когда одинъ изъ сарыковъ привезъ адресованную на имя подполковника Закржевскаго записку капитана Іэта, которая гласила: „При настоящихъ обстоятельствахъ, положеніе наше не безопасно, и мы просимъ васъ о покровительствѣ и конвоѣ“. Нечего и говорить, что въ этомъ случаѣ нужно было исполнить просьбу даже „друзей“. По приказанію генерала, Закржевскій и я немедленно бросили завтракъ и съ джигитами проскакали шесть верстъ подъ проливнымъ дождемъ, стараясь настигнуть англичанъ. Но, благодаря утомленію коней, это удалось намъ только отчасти. Завидя въ нѣкоторомъ отдаленіи толпу всадниковъ, съ которою, по словамъ сарыковъ, удалялись и англійскіе офицеры, мы отправили двухъ джигитовъ извѣстить ихъ, что конвой прибылъ... Толпа ли увлекла англичанъ, или же сами они не рѣшились положиться на нашу охрану, но суть въ томъ, что бѣглецы только прибавили ходу и не дали джигитамъ никакого отвѣта... Таковъ былъ результатъ нашей погони за англійскими офицерами, которые, за эту бѣшеную скачку въ ихъ интересахъ, вскорѣ „отблагодарили“ меня самымъ неожиданнымъ образомъ. Ровно черезъ десять дней послѣ рассказаннаго случая, великобританскій посолъ, на основаніи донесенія капитана Іэта, сообщилъ между прочимъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что „англійскіе офицеры, *соблюдавшіе нейтралитетъ*, выѣхали изъ Пенде потому, что полковникъ Алихановъ подстрекалъ сарыковъ напасть на нихъ и предлагалъ по тысячѣ крановъ за голову“... Нечего и говорить, что подобная нелѣпость никогда и въ голову мнѣ не приходила, и наше министерство совершенно основательно отвѣтило на нее, что „Императорскій Кабинетъ можетъ только съ негодованіемъ отвергнуть направленное противъ полковника Алиханова обвиненіе въ томъ, что, будто бы, онъ обѣщалъ денежное вознагражденіе за головы англійскихъ офицеровъ, находившихся въ Пенде. Поступки такого рода совершенно неизвѣстны въ русской арміи“...

Приказаніемъ военнаго министра намъ воспрещенъ былъ

переходъ за Дашъ-Кепри. Поэтому, къ вечеру того же дня, отрядъ нашъ переправился на лѣвый берегъ Кушка и сталъ здѣсь, недалеко отъ мѣста боя, болѣе просторнымъ и пестрымъ лагеремъ, такъ какъ къ нашимъ палаткамъ прибавились еще шатры и кибитки авганцевъ. Между прочимъ расположилась въ палаткахъ и вся сотня джигитовъ, не имѣвшая раньше никакого укрытія... Изъ этого же лагеря генералъ Комаровъ отправилъ на слѣдующій день первое свое донесеніе военному министру такого содержания:

„Нахальство авганцевъ вывудило меня, для поддержанія чести и достоинства Россіи, атаковать 18-го марта сильно укрѣпленныя позиціи ихъ на обоихъ берегахъ рѣки Кушка. Полная побѣда еще разъ покрыла славою войска Государя Императора въ Средней Азій.

„Авганскій отрядъ регулярныхъ войскъ, силою въ 4.000 человекъ, при 8-ми орудіяхъ, разбитъ и разсѣянъ, потерявъ до 500 человекъ убитыми, всю артиллерію, два знамени, весь лагерь, обозъ и запасы. Англійскіе офицеры, руководившіе дѣйствіями авганцевъ, но не принимавшіе участія въ бою, просили нашего покровительства; къ сожалѣнію, посланный мною конвой не догналъ ихъ; они были увезены въ Бала-Мургабъ бѣжавшею авганскою кавалеріею. Авганцы сражались храбро, энергично и упорно; оставшіеся въ крытыхъ траншеяхъ даже по окончаніи боя не сдавались; всѣ начальники ихъ ранены или убиты. У насъ убитъ одинъ офицеръ, туркменъ Сеидъ-Назаръ-Юзбаші; контуженъ двумя пулями полковникъ Никшичъ; ранены сотникъ Кобцевъ и поручикъ Хабаловъ; контуженъ въ голову подпоручикъ Косминъ; нижнихъ чиновъ, казаковъ и туркменовъ убито десять, ранено двадцать-девять. Вся тяжесть боя выпала на долю четырехъ ротъ закаспійскихъ стрѣлковъ подъ командою полковника Никшича, и трехъ сотенъ кавказскаго казачьяго полка и сотни мервской милиціи подъ общимъ начальствомъ подполковника Алиханова, шедшихъ въ атаку на укрѣпленіе съ фронта ¹⁾. Колонною полковника Никшича взяты знамя и одно орудіе, подполковника Алиханова — знамя и шесть орудій. 3-й туркестанскій линейный батальонъ и полубатарея 6-ой горной батареи, обошедшіе лѣвый флангъ авганцевъ, мѣткимъ огнемъ и своевременнымъ переходомъ въ наступленіе довершили побѣду. Хладнокровіе, порядокъ и храбрость, выказанные войсками въ бою,

¹⁾ Тутъ, вѣроятно, пропущены слова: „и съ фланга“, такъ какъ кавалерія дѣйствовала только во флангъ и въ тылъ.

выше всякой похвалы. Милиція Мервскаго округа, вооруженная однѣми саблями, геройски сражалась рядомъ съ казаками въ первой линіи. По окончаніи боя, я перешелъ на лѣвый берегъ Кушка. Сегодня ко мнѣ явится депутація отъ пендинскихъ сарыковъ, ищущихъ покровительства Россіи“.

Представители сарыковъ, о которыхъ говорится въ этомъ донесеніи, дѣйствительно явились въ тотъ же день и просили о присоединеніи ихъ къ Россіи наравнѣ съ іолотанскими ихъ братьями. Просьба, конечно, была принята, и правителемъ новой русской окраины былъ тогда же назначенъ почтенный пендинскій сарыкъ, Овезъ-ханъ, вышедшій на встрѣчу нашего отряда еще въ февралѣ и оказывавшій намъ на пути всевозможныя услуги. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ боя на Кушкѣ было присоединеніе Пендинскаго оазиса съ 30-ти-тысячнымъ населеніемъ сарыковъ и фактическое расширеніе нашихъ предѣловъ до границъ Авганистана, хотя временно, до окончанія работъ разграничительной коммисіи, эта новая территорія была объявлена нейтральною. Но, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она была присоединена формально и составила пендинское при-ставство Мервскаго округа.

Черезъ два дня послѣ боя, генералъ поручилъ мнѣ рекогно-сцировку путей отступленія авганцевъ, или, другими словами, объѣхать наши новыя владѣнія. Часть авганцевъ, преимущественно кавалерія, бѣжала послѣ боя по кратчайшей дорогѣ, черезъ аулы сарыковъ. Главная же ихъ масса, опасаясь враждебнаго отношенія пендинцевъ, направилась по болѣе кружному пути, пролегающему по окраинѣ оазиса и среди авганскихъ предгорій. Выступивъ утромъ 22 марта съ сотней казаковъ и съ нѣсколькими джигитами, я проѣхалъ по этой горной дорогѣ до послѣднихъ сарыкскихъ посѣловъ около Меручака и, переночевавъ въ аулѣ новаго пендинскаго хана, вернулся на другой день по населенной части оазиса. На пространствѣ этихъ шестидесяти верстъ, пройденныхъ нами за два дня, мы видѣли по сторонамъ дороги, какъ печальный слѣдъ поспѣшнаго бѣгства авганцевъ, болѣе сотни ихъ свѣжихъ могилъ... Сарыки рассказывали, что этихъ могилъ еще болѣе около Меручака и далѣе по пути къ Бала-Мургабу. Придя въ первому изъ этихъ пунктовъ и не найдя здѣсь ни крова, ни пищи, голодные и большею частью раненые авганцы потянулись въ тотъ же день далѣе, гдѣ, къ довершенію бѣдствія, подверглись въ горахъ жестокому холоду съ снѣжною метелью... При такихъ условіяхъ, конечно, „Герата достигло только небольшое

число ихъ", какъ говорить эмиръ Абдурахманъ. Вся эта катастрофа произошла, буквально, изъ-за клочка голой земли, не составляющаго даже половины квадратной версты. Не желая уступить его, авганцы рискнули на безумный бой и, помимо другихъ потерь, очистили въ тотъ же день пространство около пятидесяти верстъ, которое и перешло въ наши руки. Вотъ поучительный для авганскаго эмира результатъ посредничества и „дружескихъ“ совѣтовъ англичанъ!..

Абдурахманъ, впрочемъ, оцѣнилъ по достоинству участіе на Кушѣ англичанъ, хотя причину нашего движенія къ Пенде объяснить болѣе чѣмъ наивно. Онъ говоритъ въ своей „Автобіографіи“, что, будто бы, русское правительство было озлоблено на него за то, что онъ повернулся спиною къ Россіи и завязалъ дружбу съ Англіею; за то, что, затѣявъ разграниченіе, онъ осмѣлился положить предѣлъ наступательному движенію русскихъ въ Средней Азіи, и наконецъ,—за дружественное его свиданіе въ Риваль-Пинди съ вице-королемъ Индіи. „По этимъ причинамъ,—продолжаетъ далѣе Абдурахманъ свое курьезное описаніе столкновенія,—отрядъ русскихъ войскъ двинулся къ Пенде. Предвидя эту опасность, я призналъ благоразумнымъ послать значительныя силы, чтобы удержать русскихъ отъ наступленія и овладѣнія Пенде и чтобы предупредить ихъ тамъ, какъ я успѣлъ занять Шугванъ и Рошанъ, прежде чѣмъ туда вступилъ русскій офицеръ. Но чѣмъ больше я старался убѣдить англичанъ въ чрезвычайной важности и необходимости посланки значительныхъ силъ для защиты Пенде, тѣмъ менѣе они обращали вниманія на мои доводы. Полученный мною отвѣтъ англійскаго правительства гласитъ слѣдующее: „Какое бы мѣсто ни было занято авганскими войсками, русскіе не посмѣютъ тронуть его“. И не только этотъ отвѣтъ, но увѣренія англичанъ вообще относительно безопасности Пенде меня совершенно успокоили, тѣмъ болѣе, что и сэръ Питеръ Лемсденъ писалъ мнѣ, что онъ предотвратитъ столкновеніе между русскими и авганскими войсками.

Тѣмъ временемъ русское войско быстро подвигалось впередъ и, сосредоточившись въ Кизилли-Тепе, укрѣпило это мѣсто. Авганская армія была расположена въ Акъ-Тепе по направленію къ лѣвому берегу Аму-Дарьи (!). 29 марта, генералъ Комаровъ прислалъ сообщеніе авганскому генералу, чтобы онъ отодвинулъ свои войска по направленію къ правому берегу рѣки,—иначе будетъ сраженіе и русскіе атакуютъ авганскую армію. До послѣдней минуты англійскіе офицеры разграничительной комиссіи

и солдаты всячески увѣряли офицеровъ моей арміи, что русскіе не посмѣютъ атаковать ихъ до тѣхъ поръ, пока они останутся на занимаемой ими позиціи; что если русскіе атакуютъ моихъ солдатъ на ихъ позиціи, которую они уже занимаютъ, то это будетъ нарушеніемъ конвенцій, существующихъ между Россією и Англіей, и тогда русскіе будутъ *привлечены къ отвѣту*. Мой генераль, которому я строго приказалъ ничего не дѣлать противъ совѣта офицеровъ англійской комиссіи, оставался на своей позиціи, удовлетворенный обѣщаніями англійскихъ офицеровъ.

„На слѣдующій день *цѣлая бригада* русскихъ войскъ атаковала небольшой отрядъ авганскій. Узнавъ объ этомъ, англійскіе офицеры *сейчасъ же бѣжали* въ Гератъ, совмѣстно со всѣми своими войсками и свитой. Генераль мой и другіе офицеры авганскіе напоминали англійскимъ офицерамъ объ ихъ увѣреніяхъ, что русскіе не посмѣютъ атаковать авганскую позицію, и что если это случится, авганцамъ останется только обратиться за помощью къ англичанамъ. Въ виду этихъ увѣреній, англичане не должны были оставить авганцевъ встрѣчать русскихъ одинъ-на-одинъ. Но все это не остановило бѣгства англичанъ. Тогда авганцы просили англичанъ одолжить имъ хотя бы ихъ винтовки, потому что имъ невыгодно было стоять противъ русскихъ винтовокъ, заряжающихся съ казны, со своими ружьями, заряжающимися съ дула. Кромѣ того, винтовки и порохъ у авганцевъ были испорчены сыростью и дождемъ. Но англичане, обѣщавшіе стоять вмѣстѣ съ авганцами, отказались одолжить свои винтовки и покинули небольшой отрядъ храбрыхъ авганцевъ, предоставивъ имъ однимъ сражаться и быть убитыми на полѣ сраженія. Англичане бѣжали къ Герату, не выждавъ ни одного момента. Англійскія войска и офицеры были до такой степени испуганы и нервозны, что бѣжали въ дикомъ замѣшательствѣ, не будучи въ состояніи отличить друзей отъ враговъ; вслѣдствіе сильнаго холода, многіе изъ бѣдныхъ туземныхъ „спутниковъ“ англійской комиссіи лишились жизни при паденіи съ лошадей во время бѣгства.

„Нѣкоторые офицеры англійскіе были сброшены съ лошадей во время бѣгства; я не желаю упоминать ихъ имена. Но храбрые солдаты авганской арміи, гордые престижемъ своего народа, чувствовали себя обязанными поддержать его; вслѣдствіе чего они сражались съ такой яростью, что большое число ихъ было убито и ранено. Но—увы!—благодаря испорченнымъ винтовкамъ, которыя у нихъ были, и небольшой численности по сравне-

нію съ силами непріятеля, они могли сдѣлать немного; небольшое только число ихъ достигло Герата послѣ пораженія.

„Это надменное отношеніе англичанъ произвело такое дѣйствіе на авганскій народъ, что уронило англійскій престижъ въ его глазахъ навсегда“...

Прибавимъ къ этому свидѣтельству эмира Абдурахмана, что „кушкинскій бой нанесъ жестокій ударъ англійскому престижу не только въ Авганистанѣ, но во всей Средней Азіи“, какъ въ свое время доносилъ своему правительству генералъ Лемсденъ, и это было вторымъ послѣдствіемъ нашей побѣды, еще болѣе важнымъ, чѣмъ присоединеніе Пенде...

М. Алихановъ-Аварскій.

